

А. С. ЛАВРОВ

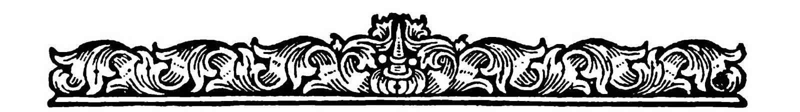
Регентство царевны Софьи Алексеевны

Р О С С И Й С К И Й
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
Д Р Е В Н И Х А К Т О В

҂АЦЧѲ

Шифрованное письмо
царевны Софьи
Василию Васильевичу Голицыну
1689 года.
(РГАДА. Ф. 5. Д. 2)

А. С. ЛАВРОВ

РЕГЕНТСТВО ЦАРЕВНЫ СОФЬИ АЛЕКСЕЕВНЫ

•

Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг.

МОСКВА
«АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЦЕНТР»
1999

ББК 63.3(2)
Л 13

Ответственный редактор
доктор исторических наук Ю. Г. Алексеев

Рецензенты
академик А. М. Панченко
кандидат исторических наук В. М. Воробьев

Лавров А.С.

Л 13 Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682—1689 гг. — М.: «Археографический центр», 1999. — 304 с.

ISBN 5—88253—035—0

Книга посвящена политической истории регентства царевны Софьи Алексеевны (1682-1689 гг.), причем особое внимание уделяется роли Боярской думы, Государева двора и «служилого города». Автор прослеживает складывание основных придворных группировок, историю созыва предпоследнего Земского собора и сбора двух дворянских ополчений, собранных у стен Троице-Сергиева монастыря в переломные моменты борьбы за власть в верхах (1682, 1689 гг.).

Книга основана на обширном архивном материале.

ББК 63.3(2)

ISBN 5—88253—035—0

ВВЕДЕНИЕ

Семнадцатый век, начиная с В. О. Ключевского, заслуженно считают началом «нового периода» русской истории. Прежде всего, это было связано с необходимостью реформ, остро ощущавшейся на протяжении всего «бунташного века». Военная реформа, неотложный характер которой был продиктован интересами обороны страны, неизбежно влекла за собой реформу сословно-государственного строя.

Таким образом, именно господствующий класс («служилые люди по отечеству») должен был сыграть ведущую роль в осуществлении реформ. Его первого коснулись преобразования, и он же принял на себя основной труд проведения реформ в жизнь, стал главным средством преобразовательной политики. В конце XVII в. класс феодалов еще не имел единой сословной организации. Наличие отдельных сословных слоев и групп класса служилых землевладельцев давало возможность широко учитывать в правительственной политике внутрифеодальные противоречия, что было одной из предпосылок складывания российского абсолютизма. К высшему слою принадлежали думные чины, обладавшие возможностью прямо влиять на ход управления государством благодаря членству в Боярской думе. Ниже по сословному статусу стояли московские чины — представители столичной корпорации феодалов (Государева двора), являвшиеся главным резервом для пополнения Думы. Наконец, основная масса служилых землевладельцев входила в состав «служилого города» — территориальных корпораций, объединявших провинциальное дворянство определенного уезда. Именно распад «служилого города», вызванный дроблением поместий, фактическим сближением разорившихся городовых дворян и детей боярских с податным населением, дал мощный стимул для военной реформы. В ходе военно-окружной реформы

1680—1682 гг. поместное ополчение было фактически заменено полками «нового ратного строя». Реформа повлекла за собой отмену местничества (12 января 1682 г.), которая должна была стать лишь первым шагом на пути преобразования сословно-государственного строя.

Таким образом, Россия оказалась на пороге петровского царствования в положении выбора, когда еще не были исчерпаны альтернативные возможности развития. Это определило остроту политической борьбы, развернувшейся в 1682—1689 гг., вплоть до установления «нарышкинского правления». Особенностью этой борьбы была исключительная роль феодальных верхов. Ослабление самодержавия при соправителях Иване и Петре Алексеевичах и правительнице царевне Софье Алексеевне привело к установлению в 1682—1689 гг. последнего боярского правления в истории России. В исследованиях последних лет правящие верхи 80-х гг. XVII в. были подвергнуты скрупулезному историко-генеалогическому исследованию, однако вопрос об их роли в борьбе за власть во многом остается открытым, несмотря на обширную историографию проблемы.

Основные вехи политической борьбы 80-х гг. нашли отражение уже в историографии Петровского времени. Здесь необходимо назвать имена Феофана Прокоповича и П. П. Шафирова, А. А. Матвеева и П. Н. Крекшина[1]. Для всех них характерна зависимость от оценок, данных «новейшему периоду» русской истории самим Петром Великим, деятельность которого оценивалась исключительно панегирически[2]. Последняя черта была унаследована историографией конца XVIII — первой половины XIX в. (М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, И. И. Голиков, Н. Г. Устрялов и др.)[3]. Внимание историков было привлечено преимущественно к самому Петру Великому, а также к узкому кругу лиц вокруг трона. В тени оставалась Боярская дума, игравшая большую роль в годы несовершеннолетия самодержца. О влиянии столичного и провинциального дворянства на борьбу за власть писали разве что в связи с генеалогическими воспоминаниями. В качестве другой отличительной черты дворянской историографии нельзя не отметить, вслед за Н. А. Добролюбовым, ее ретроспективный характер[4]. Юный царь и его окружение необоснованно

наделялись развернутыми преобразовательными планами, появление которых на самом деле следовало бы отнести к началу XVIII в.

В этом отношении большая заслуга принадлежит историографии эпохи Великих реформ, в которой впервые была поставлена проблема преемственности петровских реформ. Впервые мысль об их подготовленности всем опытом Московской Руси высказал С. М. Соловьев: «Необходимость движения на новый путь была сознана; обязанности при этом определились: народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился»[5]. Новая постановка вопроса заставила новыми глазами взглянуть на планы реформ, выдвинутые предшественниками Петра, и, прежде всего, на преобразовательный проект кн. В. В. Голицына[6]. Другим важным достижением стало исследование движущих сил социально-политической борьбы в Московском государстве. И если С. М. Соловьев выдвинул здесь на первый план противоборство родового и государственного начал, то уже В. О. Ключевский показал значение борьбы боярства и дворянства[7]. Все это позволило поднять изучение политических коллизий предпетровского времени на новый уровень в работах М. П. Погодина и Е. А. Белова, Е. Ф. Шмурло и Е. Д. Лермонтовой[8].

С совершенно иных позиций исследовал время стрелецких восстаний историк демократического направления Н. Я. Аристов. Под его пером столичный стрелецкий гарнизон, занимавший привилегированное положение, превращается в выразителя земских стремлений, в подобие казацкой вольницы[9]. Уже рецензент-современник отметил зависимость построений Н. Я. Аристова от концепции А. П. Щапова[10]. Не получившие признания современников работы Н. Я. Аристова оказали, тем не менее, большое влияние на советскую историографию проблемы.

Советские историки 20-х — первой половины 30-х гг., принадлежавшие к школе М. Н. Покровского, дополнили традицию демократической историографии элементами социологизации и схематизма. Так, А. Н. Штраух прямо заявил, что «дворцовые партии 1682 года отличаются друг от друга не только своими династическими целями, но и своими социальными связями и симпатиями». В результате

деятельность придворных группировок была модернизирована, а сами они предстали чем-то вроде современных политических партий. То же самое можно сказать и об оценке боярина кн. И. А. Хованского как «народного вождя», руководящего революционерами стрельцами, вышедшей из-под пера историка, или о характеристике кн. В. В. Голицына как «предтечи декабристов, которые были разгромлены, так как боялись крепостных», принадлежащей С. Томсинскому[11].

Альтернатива подобным внеисторическим, по сути дела, построениям, содержалась в работах М. М. Богословского, В. К. Никольского и С. К. Богоявленского. В освещении В. К. Никольского политическая жизнь Русского государства конца XVII в. в значительной мере определяется «стариной», московской традицией, но при этом уже испытывает и иноземные, прежде всего польские влияния. В небольшой, но не потерявшей своего значения и до сего дня работе, посвященной стрелецкому восстанию 1682 г., С. К. Богоявленский попытался «связать разорванные части и в то же самое время пересмотреть использованный материал, так как толкование его приводило исследователей к различным выводам». Историку удалось проследить в событиях 1682 г. взаимосвязь придворной интриги и движения низов, оказавшихся тесно переплетенными друг с другом[12].

В этом важном вопросе не удалось избежать некоторой односторонности даже В. И. Буганову. В его освещении событий 1682 г. «правящие круги», «правительственные силы» предстают внутренне монолитными, противостоящими восставшим в целом (стрельцам, холопам и посадским людям). Таким образом, в основе «хованщины», согласно В. И. Буганову, лежит классовый конфликт[13]. Обосновывая свой взгляд на стрелецкое восстание, историк привлек большой архивный материал, в основном происходящий из делопроизводства московских приказов, впоследствии частично опубликованный в сборнике документов «Восстание в Москве 1682 г.» (М., 1976). Концепцию В. И. Буганова принял А. П. Богданов, основывающийся в своем исследовании на летописных и публицистических источниках[14].

В последние годы появился ряд исследований, непосредственно смежных с нашей темой. Здесь следует указать, преж-

де всего, работу О. Е. Кошелевой, посвященную боярству в России в 1645—1682 гг. Несмотря на то, что верхняя хронологическая грань исследования О. Е. Кошелевой совпадает с нижней хронологической гранью нашей работы, ряд выводов историка сохраняет значение и для более позднего периода[15]. Как бы логическим продолжением труда О. Е. Кошелевой является работа И. Ю. Айрапетян: «Феодальная аристократия в России в 1682—1714 гг.». В ней исследован состав и структура правящих кругов в Русском государстве в изучаемое время[16].

Практически одновременно с книгой О. Е. Кошелевой была опубликована книга Роберта Крамми «Аристократы и слуги. Боярская элита в 1613-1689 гг.» Согласно историку, основным субъектом политической истории России в XVII в. был боярский клан. Основанные на родственных связях и на патронате, боярские кланы противопоставляются Крамми придорным группировкам, которые были «слабы и недолговечны». Подтверждение этой концепции автор находит в событиях 1648 и 1682 гг. Слабость обеих противоборствующих придворных группировок — Нарышкиных и Милославских — автор видит в том, что они не охватывают всех ведущих думных политиков. Мотивы боярина князя И. А. Хованского Крамми видит скорее в его «эгоизме и тщеславии», нежели в интересах стоявших за ним лиц. Сама борьба Хованского за создание «своей политической группировки среди русской правящей элиты» оказалась безуспешной, и, в конце концов, князья Хованские оказываются «в полной изоляции». Спорным в заключениях Крамми для меня оказывается лишь одно — неясно, что стоит за спиной Хованских — «клан» или «группировка» (если пользоваться терминологией самого Крамми)? Мне кажется, что приведенные самим историком примеры заступничества и протекционизма свидетельствуют в пользу последнего. Очень интересен и анализ Крамми событий 1689 г. : «Только в самых исключительных обстоятельствах большинство боярской элиты принуждено было связать себя с одной из группировок. Например, в 1689 г., когда молодой Петр прямо бросил вызов правительству Софьи, он лишил основных представителей знати свободы маневра. Можно было быть только с Софьей или с Петром. Через несколько часов

после кризиса фактически весь двор панически бросился на сторону Петра. Однако, в большинстве, члены Думы могли и умели избегать подобного радикального выбора»[17]. Большой заслугой Крамми является составление первого полного списка членов Боярской думы за 1613—1712 гг., который неоднократно использован ниже.

Важным этапом в исследовании темы стали работы Линдси Хьюз — прежде всего, написанная ею первая научная биография царевны Софьи Алексеевны. Принципиально было то, что, впервые, после долгого перерыва, 1680-е гг. были интерпретированы не как время отрочества Петра (или период складывания вокруг него преданной ему придворной группировки), а с совершенно иной позиции - как обладающий своей цельностью период в политической истории. Последовательно придерживаясь этого взгляда, автор не вводит Петра как равноправного участника событий вплоть до 1689 г. - даже после переворота молодой царь, «кажется, не имел личного доступа к браздам правления». Важными для нашей темы являются наблюдения Л. Хьюз о времени установления регентства царевны Софьи Алексеевны. Уже в мае 1682 г. Софья становится «реальным носителем власти во дворце». В целом ряде событий 1682 г. исследовательница видит проявления превосходства Софьи над другими претендентами на власть и влияние. Источником власти Софьи с 1683 г. является «регулярное посещение Думы», а ее наглядной реализацией — возникающее впоследствии упоминание Софьи в титуле[18].

В центре внимания в моей работе находится роль Боярсокй думы, Государева двора и «служилого города» в борьбе за власть в верхах Русского государства. К сожалению, постоянная закрытость Отдела рукописей ГИМ лишила нас возможности привлечь важные источники о роли Церкви во внутриполитической борьбе и взаимосвязи борьбы придворных группировок с спорами «латинистов» и «грекофилов».

Это определило и состав привлеченных источников. Источниковедческой основой данной работы стал архив Разрядного приказа — центрального государственного учреждения, ведавшего службой служилых людей «по отечеству». Вышедшие из разрядного делопроизводства записные книги Московского стола, боярские книги и боярские списки со-

держат данные о численности и местонахождении служилых людей думных и московских чинов, их поместных окладах и денежных дачах, воеводских и приказных назначениях. Взятые в комплексе, эти источники позволяют создать цельную, но несколько статичную картину жизни правящих верхов Русского государства[19].

Проникнуть в динамику политической борьбы, раскрыть ее механизм, позволяют смотренные списки, также составлявшиеся в Разряде. В отличие от боярских книг или боярских списков, давно попавших в поле зрения исследователей, смотренные списки — «именные перечни служилых людей, оказавшихся в "естех" (налицо) и в "нетех" на смотрах» — обойдены вниманием[20]. Между тем, смотренные списки, составленные во время царских Троицких походов 1682 и 1689 гг., представляют особый интерес[21]. Если первый из них отразил мобилизацию правительственных сил против восставших стрельцов, то второй содержит данные о служилых людях, прибывших к Петру по его приказу накануне переворота. Здесь каждая явка или «нетство» становится показателем индивидуальной политической позиции, из которой, в конечном счете, складывается позиция целых слоев и групп класса служилых землевладельцев.

Источниковедческое (в том числе палеографическое) исследование подтверждает вывод о высокой достоверности смотренных списков. Так, Смотренный список Троицкого похода 1682 г. содержит упоминания о «надворной пехоте» (этого почетного наименования стрельцы добились в результате восстания). Следовательно, соответствующие разделы списка были составлены еще до вторичного переименования стрелецких полков и Стрелецкого приказа, последовавшего за подавлением восстания (17 декабря 1682 г.). Это подтверждает и палеографический анализ рукописи, написанной на бумаге тех сортов, которая употреблялась в московских приказах как раз в 1682 г. Аналогичное исследование Смотренного списка 1689 г. позволило выделить в его составе черновые «приездные книги», которые велись в Троице с начала «похода» и их позднейшую беловую копию. Если Смотренный список 1682 г. позволил определить численность дворянского войска, собравшегося в Троице, то Смотренный список 1689 г. благодаря своей структуре («приезды» служилых лю-

дей записаны в хронологической последовательности) позволяет день за днем воссоздать летопись переворота 1689 г.

К источникам, вышедшим из разрядного делопроизводства, вплотную примыкают материалы, своим происхождением обязанные политическому сыску. Это связано с тем, что сыск по политическим делам входил в компетенцию одного из структурных подразделений Разряда — Приказного стола. Здесь подведомственность Разрядного приказа прямо примыкала к компетенции Стрелецкого приказа, где чаще всего происходил розыск о «непристойных» или «неистовых» словах или противогосударственных умыслах. Политической ссылкой на Русский Север ведал Новгородский приказ. Сравнительно полно сохранившийся массив документов Приказного стола[22], в сочетании с разрозненными делами Новгородского приказа[23] и записными книгами Стрелецкого приказа[24] (единственной, по сути дела, сохранившейся частью его архива) позволяет восстановить в основных чертах картину политического сыска в 1680-х гг. Наконец, необходимо упомянуть и материалы Приказа розыскных дел — чрезвычайного следственно-судебного органа, созданного после переворота 1689 г. для розыска по делу о Ф. Л. Шакловитом и его сообщниках. Вышедшая в конце прошлого века фондовая публикация розыскных дел не дает полного представления о вошедших в ее состав документах[25]. Поэтому необходимо обращение к подлинным материалам Приказа розыскных дел, разбросанным по различным архивохранилищам[26]. В распросных речах обвиняемых и свидетелей рассыпаны уникальные свидетельства о тех сторонах московской политической жизни, которые тщательно замалчивались официальными источниками. Однако для избранной темы розыскные дела представляют особый интерес и сами по себе, поскольку политический сыск каждый раз оказывался мощным орудием в руках правящей группировки.

Наряду с рассмотренными документальными (актовыми) источниками в работе были использованы и нарративные — как отечественного, так и иностранного происхождения. К числу первых относится «Летописец», авторство которого приписывается Кариону Истомину, содержащий уникальные

данные о составе боярской комиссии, расследовавшей дело Ф. Л. Шакловитого[27].

Большой интерес представляют сказания современников-иностранцев о Русском государстве. В отношении этих источников недопустим иллюстративный подход, когда то или иное уникальное сообщение выхватывается из контекста, рассматривается в отрыве от социально-политической лексики и текстологической истории самого памятника. Изучение последней, напротив, позволяет выявить скрытую информацию, содержащуюся в источнике, отделить наиболее ранние и достоверные сообщения от позднейших напластований. Опыт подобного исследования был проведен с памятником, достаточно давно введенным в научный оборот — «Записками о Московии» де ла Невилля[28]. Исследование позволило утверждать, что первоначальная редакция текста сохранилась в двух рукописях из Нижнесаксонской библиотеки в Ганновере, подготовительные материалы ко второй были опубликованы в первом издании (Париж, 1698), а окончательная редакция дошла до нас благодаря списку из Национальной библиотеки в Париже[29].

Подводя итоги, следует сказать, что дальнейшее источниковедческое изучение уже введенных в научный оборот источников и выявление новых, неопубликованных и неисследованных, позволяет приступить к поставленной задаче — воссозданию политической истории регентства царевны Софьи Алексеевны (1682—1689 гг.). Отправной точкой подобного исследования являются события осени 1682 г., связанные с подавлением стрелецкого восстания («хованщины»). В условиях, когда московские приказы опустели, Боярская дума перестала собираться, а столица оказалась под контролем восставших, огромное значение сыграла самоорганизация класса служилых землевладельцев (прежде всего, здесь надо упомянуть сбор дворянского войска и деятельность боярских комиссий). Заключительной вехой рассматриваемого периода является дворцовый переворот 1689 г., положивший конец правлению царевны Софьи Алексеевны. Переворот ясно показал падение роли традиционных институтов — Боярской думы, позиция которой почти не повлияла на его исход, и «служилого города», оставшегося в стороне от борьбы за власть в столице.

В заключение я хотел бы поблагодарить Р. Г. Скрынникова, которому я в значительной мере обязан замыслом этой работы. Ценными указаниями на источники или замечаниями о рукописи я обязан Н. Н. Покровскому, Линдси Хьюз и Л. К. Ермолаевой. Конечно, эта книга не могла бы состояться без щедрой помощи архивистов — Н. П. Воскобойниковой, А. И. Гамаюнова, В. Б. Долыниной, И. Р. Ивановой, М. П. Лукичева, А. П. Прозоровой (РГАДА) и А. Д. Яновского (ОПИ ГИМ). Отдельная благодарность А. Рустемайер.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Подавление стрелецкого восстания 1682 г. и установление регентства царевны Софьи Алексеевны

Политические итоги стрелецкого восстания 1682 г.

В начале 80-х гг. XVII в. Россия оказалась перед лицом внутри- и внешнеполитического выбора. Отмененное торжественным актом от 12 января 1682 г. местничество создало в политической жизни страны своего рода вакуум. На повестку дня встал вопрос о реформе сословно-государственного строя, которая должна была упорядочить старшинство думных и придворных чинов. Тем временем при дворе и в Думе с пережитками местничества сосуществовала система служебного старшинства, которую должны были дополнить новые проекты (например, план возобновления наместничеств или создания иерархии высших государственных чинов по византийскому образцу). Все это создавало нестабильность в верхах, усугублявшуюся непоследовательностью правительственной политики в церковных вопросах. Даже такой сторонник «латинистов», как царь Федор Алексеевич только в конце своего правления решился вернуть из монастырского заточения Никона и расправиться с ведущими деятелями старообрядчества. Поэтому вплоть до 1682 г. старообрядцев не покидала надежда перехватить руководство в церковной иерархии у никониан. Трудным было и внешнеполитическое положение страны. Истекал срок Андрусовского перемирия 1667 г., поэтому со всей остротой встал вопрос о том, как закрепить украинские и западнорусские земли. Предстояла война с Польшей или заключение с ней Вечного мира, который позволил бы одновременно решить проблему совместной обороны южных границ от Оттоманской Порты и Крымского ханства.

Очевидно, что все три вопроса были тесно взаимосвязаны между собой. Россия, вернувшаяся к «старой вере», вряд ли смогла бы вступить в союз с католической Речью Посполитой и, тем более, принять участие в деятельности Священной лиги, благословленной папой Иннокентием XI. С другой стороны, в политической жизни Русского государства все более и более сказывалось влияние польских порядков. Так внешние и внутренние задачи переплетались между собой. Это создавало угрозу общегражданского конфликта, способного расколоть все общество пополам.

Смерть царя Федора Алексеевича 27 апреля 1682 г. и поспешное провозглашение царем Петра дали повод для открытого столкновения противоборствующих сил. В результате событий 15—17 мая 1682 г. восставшими стрельцами были убиты ведущие думные и придворные деятели, с которыми было связано проведение реформ конца 70-х — начала 80-х гг. На несколько месяцев Москва оказалась под властью восставших, под давлением которых был провозглашен 26 мая 1682 г. соправителем Петра его брат Иван. Реальная власть в столице была сосредоточена в руках нового руководителя Стрелецкого приказа боярина князя И. А. Хованского.

Впоследствии раздадутся голоса, обвиняющие кн. И. А. Хованского в подготовке майских расправ, стоивших жизни многим его противникам и соперникам. С. К. Богоявленский приводит показания четырех источников, содержащих подобные обвинения. «В грамоте, разосланной из Саввинского монастыря по всем городам о сборе дворянского ополчения, Софья определенно указывает на Хованского как на подстрекателя волнений вошедшего в соглашение со стрельцами со смерти царя Федора, — пишет историк. — То же самое должен был говорить в Польше посланный туда И. И. Чаадаев... Полковник Иван Полтев, у которого стрельцы еще до 15 мая выбили на правеже 2300 рублей, в челобитной, поданной после смерти Хованского, пишет, что правеж производился "по науски князь Ивана Хованского". Diariusz zaboistwa также говорит о подстрекательстве со стороны Хованского»[1].

Все эти свидетельства требуют уточнения. Прежде всего, три из четырех приведенных С. К. Богоявленским источников появились уже после казни Хованских (17 сентября

1682 г.). Так, окольничий И. И. Чаадаев выехал в Варшаву с посольством 21 января 1683 г., не ранее 1683 г. возник и «Дневник» неизвестного польского дипломата, «после смерти Хованского» была подана и челобитная стрелецкого полковника. В это время самым разным лицам и группам удобно было переложить всю ответственность за «смутное время», пережитое русской столицей, на Хованских. Что же касается царской грамоты из Савво-Сторожевского монастыря, относящейся к 6—10 сентября 1682 г., то ее свидетельство опровергается аргументом a silentio. Брошенное в грамоте обвинение князю И. А. Хованскому в том, что стрельцы «изменили» «по тайному согласию» с ним, не повторяется ни в одном из последующих официальных документов[2]. Нет упоминаний об этом и в смертном приговоре от 17 сентября 1682 г., где собраны все — как истинные, так и мнимые — вины князей Хованских. Истинную позицию Хованских в мае 1682 г. позволяет раскрыть письмо стрелецкого полковника М. О. Кровкова сыну кн. И. А. Хованского, боярину князю Петру Ивановичу Хованскому большому. Разжалованный полковник просил князя по-родственному помочь ему (Кровков и Хованский были женаты на родных сестрах, в девичестве Кафтыревых) — заступиться за него перед старшим Хованским, распоряжавшимся в Стрелецком приказе, и одолжить денег на «окуп»[3]. Связанные родственными и служебными узами со стрелецкими командирами, против которых было первоначально направлено восстание, князья Хованские вряд ли могли участвовать в последнем. Им приходилось лавировать между подчиненным им стрелецким гарнизоном — единственной реальной силой в столице — и Боярской думой. Однако такая задача оказалась слишком трудной для неискушенного в дипломатии полководца и его сыновей.

Майские события выдвинули на первый план еще одного думного деятеля — боярина князя В. В. Голицына, который 17 мая 1682 г. занял пост руководителя Посольского приказа. Случайно избежавший гибели боярин вряд ли может быть заподозрен в сочувствии восставшим. Рост его влияния происходит постепенно, но в качестве важного рубежа можно выделить 25 июня 1682 г., когда оба самодержца были венчаны на царство. Наспех составленный чин венчания на

царство свидетельствует о том, что уже в это время кн. В. В. Голицын занимал одно из первых мест при дворе[4]. Летом 1682 г. складывается союз И. М. Милославского и В. В. Голицына, просуществовавший вплоть до 1683 г. и сыгравший важную роль в исходе «хованщины».

Наметившееся соперничество между кн. В. В. Голицыным и И. М. Милославским, с одной стороны, и кн. И. А. и А. И. Хованскими, с другой, приняло резкие формы после отъезда двора из Москвы. Если большая часть думцев, находившихся в столице, последовала за самодержцами, то «на Москве» была оставлена узкая боярская комиссия, возглавленная кн. И. А. Хованским. В рамках этих учреждений — Боярской думы и боярской комиссии — происходила дальнейшая поляризация сил.

К концу XVII в. численный рост Боярской думы сделал ее неповоротливой, неспособной к повседневной административной работе. Поэтому особое значение приобретают различные боярские комиссии. Одни из них, оставлявшиеся на время отсутствия царя в Москве «на государебом дворе», берут начало еще в древних традициях управления столицей. Другие, носившие преимущественно судебный характер, получают название Расправной палаты или Палаты расправных дел. Осенью 1682 г., во время царского троицкого похода, Москва два с половиной месяца управлялась боярскими комиссиями, сначала возглавленными кн. И. А. Хованским, а затем назначенными новым правительством.

Первая из этих комиссий была оставлена в Москве 13 августа 1682 г., при отъезде царского двора в Коломенское. Согласно разрядной записи, опубликованной Г.-Ф. Миллером, в нее вошли: бояре князь Иван Андреевич Хованский, Михаил Львович Плещеев, окольничие Иван большой Севастьянович Хитрово, Кирило Осипович Хлопов, Иван Федорович Пушкин, думные дворяне Иван Иванович Сухотин, Викула Федорович Извольский, думные дьяки Афанасий Тихонович Зыков, Иван Саввич Горохов[5]. Нетрудно заметить, что, не считая двух думных дьяков, в комиссию вошло семь представителей трех высших курий думы. Таким образом, перед нами, условно говоря, подобие старинной московской «семибоярщины», приобретавшая особое влияние потому, что на престоле находились два несовершенно-

летних самодержца. Князьям Хованским представилась заманчивая возможность воспользоваться возглавленным ими думным институтом, чтобы вернуть ему первоначальное значение регентского совета.

Для того, чтобы раскрыть отношение нового правительства к «верховному правлению», как назвал эту боярскую комиссию Г.-Ф. Миллер, представляется показательной судьба И. С. большого Хитрово. Он был единственным членом первой комиссии, не вошедшим ни во вторую, ни в третью. Причиной тому мог быть и служебный конфликт с сыном И. А. Хованского, Петром Ивановичем большим, происшедший в 1674 г. Тогда кн. П. И. Хованский и Я. Т. Хитрово были назначены воеводами на Дон, где командовал полком И. С. Хитрово, отозванный в Москву. Однако Иван Савостьянович полка не сдал и с новыми воеводами перессорился, так что новым воеводам пришлось жаловаться на него. Дело дошло до отписки поместий и вотчин И. С. Хитрово и запрещения ему въезжать в Москву[6]. Возможно, поэтому Хитрово быстрее других членов комиссии кн. И. А. Хованского отошел от участия в ее работе. Однако новое правительство не приняло во внимание последнего факта. Еще 14 сентября 1682 г. И. С. Хитрово была послана грамота с распоряжением явиться в село Воздвиженское к 18 сентября. «И окольничей Иван Хитрово к великим государем в село Воздвиженское к тому числу не бывал, и после того многое время, и сентября ж в 25 день объявился в Троецком Сергиеве монастыре», — сообщает разрядная запись[7]. Очевидно, за нерасторопностью окольничего власти увидели нечто большее. Наказание было суровым: самодержцы «указали за тое ево вину отнять у нево честь окольничество и написать з городам по Алексину, или по Лихвину, справясь, по которому служили дед и отец ево...»[8]. В последнем нельзя не увидеть жестокой иронии. Приказные деятели прекрасно знали, что еще Богдан Матвеевич Хитрово, один из ведущих думных деятелей времени Алексея Михайловича, начал свою службу городовым дворянином «по Алексину»[9]. Тем самым они не преминули воспользоваться возможностью еще раз подчеркнуть незнатное происхождение провинившегося. Опала была недолгой, и Ивану Савос-

тьяновичу Хитрово удалось, благодаря царской милости, сохранить думный чин.

Вторая думная комиссия была оставлена в столице 20 августа 1682 г. в связи с очередным отъездом царей. Разрядная запись об ее составе обрывается на полуслове: «А на Москве оставлены бояря...» Далее идут несколько букв, представляющих из себя, очевидно, инициалы членов комиссии: «К, Н (или П, или О, или И), А, Х, М, Л, П (или И)»[10]. В. И. Буганов и Н. Г. Савич не взялись расшифровать ее, но это можно сделать, если предположить, что вторая комиссия по своему составу была преемницей первой. В таком случае зашифрованными оказались имена И[вана] А[ндреевича] Х[ованского] и М[ихаила] Л[ьвовича] П[лещеева].

Об уместности подобного предположения свидетельствует и разрядная запись о назначении третьей боярской комиссии. Помимо кн. И. А. Хованского и М. Л. Плещеева, в нее, за одним исключением, вошли прежние думцы — «окольничие Кирило Осиповичь Хлопов, Иван Федоровичь Пушкин, думные дворяня Василей Михайловичь Тяпкин, Иван Иванов сын Сухотин, думной дьяк Иван Савинов сын Горохов»[11]. Это и были те «товарыщи» Тараруя, от лица которых посылались отписки царям, которым адресовывались царские грамоты. В таком составе боярская комиссия, «ведавшая Москву», просуществовала до казни князей Хованских (17 сентября 1682 г.).

Боярин Михаил Львович Плещеев, включенный в комиссию с первого дня ее работы, принадлежал к старинному московскому боярскому роду, издавна связанному родственными узами с князьями Хованскими. Прадед Ивана Андреевича Хованского, князь Петр Васильевич Лущихин Хованский, был женат на Ирине Федоровне Плещеевой[12]. Еще более важным представляется то, что княгиня Мария Ивановна Хованская вместе с Федорой Ивановной Плещеевой числились «мамой и боярыней» царицы Марии Ильиничны Милославской[13]. Принадлежность к придворному клану Милославских должна была бы сблизить оба рода.

Поэтому нельзя во всем согласиться с С. К. Богоявленским, склонным противопоставлять кн. И. А. Хованского М. Л. Плещееву. Действительно, еще в 1655 г. М. Л. Плещеев имел столкновение по службе с кн. И. Н. Хованским,

оговорил его, будто тот не дал ему вывезти хлеб из-под Смоленска, за что был присужден к наказанию кнутом, ссылке в Сибирь и конфискации поместий и вотчин. По государевой милости наказание было смягчено, а Плещеев написан по московскому списку «вечным клятвопреступником и ябедником и бездушником и клеветником»[14]. Однако у нас нет основания видеть в нем, вслед за С. К. Богоявленским, «старого врага Хованских». Вряд ли можно принять предположение историка о том, что пожалованием М. Л. Плещеева в Думу 25 июня царевна Софья Алексеевна «хотела уязвить Хованских» и, прежде всего, князя Андрея Ивановича, получившего боярство в тот же самый день. Следуя логике историка, тридцатилетний Гедиминович князь Андрей должен был чувствовать себя униженным тем, что одновременно с ним, «вопреки обычаю, Плещеев также был пожалован из стольников прямо в бояре» (тогда как это было привилегией всего шестнадцати думных родов, в число которых входили и князья Хованские). Однако Плещеев «перескочил» лишь одну чиновную ступень — его сродников жаловали сначала в окольничие, а уже потом в бояре[15]. Вероятнее, по-моему, другое объяснение: царевна Софья Алексеевна просто проводила в Думу своих сторонников, не задумываясь о том, что они порой уступали друг другу родовитостью и служебными заслугами.

Державшийся, таким образом, ближе к царевне Софье Алексеевне, нежели к князьям Хованским, М. Л. Плещеев проявил верность новому правительству и по царскому указу явился в Троицу[16]. Сходным образом сложилась судьба другого члена думной комиссии — окольничего Кирилла Осиповича Хлопова, с той только разницей, что его с полным правом можно назвать креатурой князей Хованских.

Кирилл Осипович Хлопов был «в товарищах» у воеводы князя Петра Ивановича большого Хованского, сына Таруя. Когда князь Петр остался на воеводстве в Курске, а Хлопов был отозван в Москву, связи между ними не прекратились. Так, Хлопов писал князю Петру Ивановичу Хованскому 12 февраля 1682 г. о своих хлопотах в Думе о наградах за совместную службу: «Насилу, государь, добился бояром слушать статейнаго нашего списка. И слушали бояре нашего статейного списка февраля в <...> день... и всею палатою

жаловали, хвалили гораздо... Бояре ж говорили: в милости де за ту службу тебя в комнату, а меня в окольничие — в воле государской. А по палатному приговору де довелось к тебе послать с золотыми. И после, государь, того неделю спустя переиначилось наше дело инако. Поговаривают, чтоб к тебе послать грамоту с похвалою со многою, а меня похвалить здесь только, и то на мере не стало»[17]. Меньше, чем через месяц — 5 марта 1682 г. — Хлопов был пожалован в окольничие[18]. Однако уже на том же февральском заседании ему обещана была посылка «в Сибирь, в Енисейск полковым воеводою». «И я, государь, от той посылки отбиваюсь, да не могу отбиться», — сетовал Хлопов в том же письме к кн. П. И. Хованскому[19]. Инициатором нового назначения выступил всесильный фаворит царя Федора Алексеевича И. М. Языков. Однако рассказать о подоплеке этих событий Хованскому Хлопов решился только после гибели Языкова от рук восставших стрельцов. «Грехом моим разоренье приспело зиму-сь по ненависти Ивана Языкова: сказано было в Сибирь... полковым и осадным воеводою в Дауры», — писал К. О. Хлопов кн. П. И. Хованскому 24 августа 1682 г.[20] В это время Хлопов попадает в столице в ближайшее окружение Хованских. Вместе с князем Семеном Андреевичем Хованским он присутствовал при пострижении деда царя Петра, Кирилла Полуехтовича Нарышкина, в Чудове монастыре[21]. «Пожалуй, государь мой, отпиши к бояром к отцу своему ко князю Ивану Андреевичу и к брату своему ко князю Андрею Ивановичу, чтоб были ко мне милостивы», — добивается он у князя Петра Ивановича Хованского в письме от 1 июля (1682 г.)[22].

Только один эпизод не вписывается в сложившуюся картину. О нем сообщает сам К. О. Хлопов в уже использованном выше письме от 24 августа 1682 г. «А ныне великие государи указали мне быть послом в Цареграде... — писал Хлопов. — А об отставке той своей посылки бил челом и милости просил бояром отцу твоему, государю моему князю Ивану Андреевичу, и брату твоему князю Андрею Ивановичу, и они не пожаловали, не помогли»[23]. Дело происходило уже после назначения первой комиссии (20 августа 1682 г.) и накануне назначения второй (30 августа 1682 г.). Тем не менее, князья Хованские ничего не сделали, чтобы воспре-

пятствовать отъезду из столицы одного из немногих близких им людей.

Дальнейшие события показали, что К. О. Хлопов лишь на время примкнул к Хованским и вовсе не собирался разделить до конца их участь. По царскому указу он явился в Троицу, а затем ему доверили даже вести, вместе с боярином П. М. Салтыковым и Ф. Л. Шакловитым, переговоры со стрельцами[24]. Таким образом, работа в думной комиссии никак не сказалось на его дальнейшей судьбе, чего нельзя сказать об Иване Федоровиче Пушкине[25].

Пушкины были одними из немногих думных родов, с которым Хованские были связаны родственными узами. Сам Иван Андреевич Хованский Тараруй был с 1642 г. женат на Ирине-Анастасии Федоровне Пушкиной, сестре Ивана Федоровича[26]. Принадлежавший к младшей ветви рода Пушкиных, Иван Федорович стал ее первым и единственным представителем в Думе. Согласно С. Б. Веселовскому, «в его карьере многое неясно». Еще в 1646 г. И. Ф. Пушкин был пожалован из жильцов в стряпчие, а в 1650 г. он уже упоминается как стольник. «На этом его подвижение по службе остановилось, — пишет С. Б. Веселовский. — При Федоре Алексеевиче Иван Федорович Шиш был пожалован в окольничие»[27].

Историк не совсем точен. И. Ф. Пушкин получил боярский чин 29 июня 1682 г., два месяца спустя после смерти Федора Алексеевича (27 апреля 1682 г.)[28]. Пожалование было приурочено к венчанию на царство Ивана и Петра Алексеевичей (25 июня 1682 г.). Почти все пожалованные в эти дни были сторонниками Милославских. Поэтому можно в целом согласиться с С. Б. Веселовским, когда он утверждает, что И. Ф. Пушкин попал в Думу благодаря «партии Милославских и, может быть, лично царевне Софьи»[29]. Однако нельзя сбрасывать со счета и значения родственных связей с князьями Хованскими. Видимо, именно они и сделали И. Ф. Пушкина особенно одиозным лицом в глазах нового правительства. В 1684 г. мы видим его воеводой на Тереке[30]. Приходится согласиться с С. Б. Веселовским, утверждавшим, что это назначение было «по существу ссылкой, которую даже нельзя назвать почетной»[31].

Не совсем понятной остается роль думного дворянина В. М. Тяпкина. Зато позиция думного дворянина И. И. Сухотина — единственного члена комиссии Хованских, вошедшего в состав новой боярской комиссии, сформированной уже после их казни — вряд ли нуждается в комментариях. Что же касается думного дьяка Ивана Горохова, то он, получив назначение в обе комиссии, не работал ни в одной из них, предпочитая, видимо, находиться подальше от восставшей столицы.

Проведенное исследование состава трех боярских комиссий, «ведавших Москву» при князьях Хованских позволяет сделать один вывод. Боярская дума, в лице ее авторитетных, родовитых деятелей, не пошла за князьями Хованскими, что и подорвало их политические позиции. В отличие от регентского совета 1533 г. (первой «семибоярщины») или боярского правительства времен Смуты, в которые вошел весь цвет боярской аристократии, комиссии Хованских состояли в основном из незнатных или захудалых думцев, пожалованных в чины уже во время восстания, когда двери Думы широко распахнулись перед представителями дворянских родов. Действительной опорой князей Хованских стали не огромные полномочия, по традиции принадлежавшие боярскому регентскому совету, а руководство стрелецким гарнизоном столицы. События, непосредственно связанные с арестом и казнью князей Хованских показали, насколько непрочной была эта опора.

Казнь и ссылка князей Хованских

Окончательный разрыв двора с Хованскими относится к концу августа — началу сентября 1682 г. События этого времени можно восстановить благодаря «Смертному приговору» князьям И. А. и А. И. Хованским. Этот документ неоднократно публиковался, но в основу всех его изданий был положен текст, приведенный в «Созерцании кратком лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве», приписываемом Сильвестру Медведеву[32].

Более полный текст «Смертного приговора» удалось выявить в рукописи из частного собрания в Отделе рукописей

РГБ (ф. 416, карт. 5, № 5). В состав рукописи входят: 1) отрывок родословной росписи кн. Хованских с перечислением их «вин» (л. 1—2); 2) смертный приговор кн. И. А. и А. И. Хованским и «извесное письмо», включенное в его состав (л. 3—24). Рукопись написана на бумаге, относящейся к середине 1680-х гг.[33] Ставы с текстом приговора и «письма» перепутаны и перенумерованы неверно, следовало бы: л. 8, 16, 22, 13, 7, 23, 6, 17, 20, 19, 4, 5, 14, 15, 18, 24, 3, 21, 11, 10, 12, 9. Восстановить истинный порядок листов позволяет скрепа «думной диак Василий Семенов» (л. 3—24). Думный дьяк В. Г. Семенов сидел в Разрядном приказе в 1676—1694 гг. и был одновременно одним из руководителей Палаты родословных дел. Связь нашей рукописи с этими учреждениями позволяет уточнить родословная роспись. Предшествующая редакция этой родословной росписи сохранилась в архиве Палаты родословных дел[34] (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 18. № 163. 6 л.), наш же текст непосредственно послужил источником для Бархатной книги. Таким образом, составленная в Разряде подборка документов предназначалась для Палаты родословных дел, где она послужила основой для дополнения главы о кн. Хованских сведениями об их «измене». Следовательно, благодаря рукописи из РГБ мы имеем ранний список «Смертного приговора», независимый от «Созерцания краткого...».

Подлинный текст «Смертного приговора» князьям Хованским дает возможность более полно представить конфликт между окружением царей и Хованским, происшедший в Коломенском[35]. Согласно известному тексту «Смертного приговора», «князь Иван... извещал в селе Коломенском благородней государыне царевне и великой княжне Софии Алексеевне при боярех, что бутто приходили к тебе новгородцы дворяне и сказывали, что присылали к ним из замосковных и из ыных городов дворяне ж и иных чинов служивыя люди, чтобы им, согласяся с ними вместе итти сего лета к Москве о заслуженом жалованье бити челом и на Москве сечь всех без выбору и без остатку». Царевна предложила объявить об этой серьезной угрозе на Постельном крыльце «всяких чинов людем», а в Новгород послать грамоту. Однако Хованский отклонил эти разумные меры под тем предлогом, чтобы «тем бы не навести беды»[36]. Поведение Хован-

ского становится понятным в свете материалов, полученных впоследствии новым правительством и касавшихся связей бывшего новгородского воеводы боярина кн. И. А. Хованского со своими недавними подчиненными. Самое придирчивое изучение их показывает, что Хованские смогли сохранить связи с новгородской верхушкой (например, с семьей Вындомских), но вряд ли могли бы рассчитывать на политическую поддержку всего служилого города. Что же касается челобитной о «заслуженом жалованье», то Хованские провоцировали ее сами. Короче говоря, все заявление Хованского было той характерной для Тараруя безосновательной похвальбой, благодаря которой он и заслужил свое прозвище.

Более важным представляется другой эпизод, не вошедший в опубликованный текст: «Да бил челом им, великим государем, в их государском походе в селе Коломенском Акинфеева полку Данилова подполковник Федор Колзаков чтоб ему дать деревню или б ево за скудостью ево от подполковников отставить. И по их великих государей указу он Федор по ево челобитью ис того чину отставлен, и велено в тот полк выбрать на ево место в подполковники иново и о том подписана ему челобитная, велено о том указ учинить тебе, князь Ивану, и ты в селе Коломенском при многих людех кричал с великим невежеством, будто наперед сего при твоей братье, которые сидели в Стрелецком приказе, так чинить без их ведома не смели, а притом говорил, что еще копьям время не прошло, и ты то говорил, забыв свою голову, кому не сметь таких дел делать и на ково ты грозил копьями»[37]. Хованский довольно прозрачно намекнул на возможное повторение событий 15—17 мая 1682 г., когда видные думные деятели были сброшены с Красного крыльца на копья восставших стрельцов. Это не могло не насторожить приближенных обоих самодержцев и царевну. Угрозы Хованского в несколько измененном виде отразились в «Изветном письме», к появлению которого будет иметь непосредственное отношение вышеупомянутый полковник Акинфий Данилов.

Следствием размолвки была, возможно, новая дерзость кн. И. А. Хованского. Он отказался участвовать в Действе нового лета, происходившем 1 сентября, и послал вместо себя

окольничего К. О. Хлопова, «и тем своим непослушанием и гордостью то действо опорочил и святейшему патриарху опалу учинил»[38]. Еще недавно открыто покровительствовавший старообрядцам, Хованский бросил тем самым новый вызов патриарху Иоакиму.

К следующему дню, 2 сентября 1682 г., обычно относят появление «Изветного письма» на князей Хованских[39]. Во всяком случае, именно эта дата приведена во всех известных списках «Смертного приговора»[40]. Однако в разрядной записной книге «Смутное время», опубликованной С. М. Соловьевым, появление письма отнесено к 20 августа. Здесь же сообщается о том, что "измена" Хованских "через переметные многие письма объявилось [так! — *А. Л.*]"[41]. Основываясь на последнем свидетельстве, Н. Я. Аристов предположил, что «писем» было не одно, а несколько[42]. Новый аргумент в пользу этого предположения дал список царской грамоты в московские слободы, найденный В. И. Бугановым. В нем содержится третья дата — 8 сентября 1682 г.[43]

Разберем вопрос о происхождении двух последних дат. Самая ранняя дата появления «Изветного письма» (20 августа) вызывает определенные сомнения. Уже В. И. Буганов заметил, что «здесь извет датирован 20 августа, т. е. днем выезда двора из Москвы в Коломенское»[44]. Тем самым в одной поденной записи оказались объединены два разновременных события, связанных общим местом действия — подмосковным царским селом. Такое произвольное приурочение «Изветного письма» ко времени начала царского «похода» тем более вероятно, что само письмо держалось в строгой тайне вплоть до казни князей Хованских (17 сентября 1682 г.).

Необходимо отметить, что в «Смутном времени» речь идет о хорошо известном «Изветном письме», а не о каком-либо другом, не дошедшем до нас доносе на Хованских. Об этом, прежде всего, говорит совпадение обстоятельств обнаружения «письма». Согласно «Смутному времени», «лист» с изветом был «приклеян на воротех в Коломенском»[45]. По данным «Смертного приговора», «в селе Коломенском... у передних ворот на воротном щиту объявилось... прилеплено письмо»[46]. О том же свидетельствует и сопоставление текс-

тов самого «Изветного письма» и его краткого изложения в «Смутном времени»:

«да побить бояр Одоевских троих, Черкаских двоих, Голицыных троих, Ивана Михайловича Милославского, Шереметевых двоих и иных многих людей из бояр, и из дворян, и из гостей...»[47]	«...да они ж хотели побить бояр: князь Никиту Ивановича, князь Якова Никитича, боярина и дворецкого князь Василья Федоровича Одоевских, князь Михайла Алегуковича, князь Михайла Яковлевича Черкаских, князь Василья Васильевича, князь Андрея Ивановича, кравчего князь Бориса Алексеевича Голицыных, боярина и оружейничего Петра Васильевича, Бориса Петровича Шереметевых, Ивана Михайловича Милославского и иных многих бояр»[48].

Что же касается другой даты — 8 сентября — то она является следствием недоразумения. Она читается только в одном списке царской грамоты в московские слободы, обнаруженном В. И. Бугановым в Архиве СПбФ ИРИ РАН и опубликованном Н. Г. Савич[49]. Между тем, в другом списке той же грамоты, включенном в состав «Записок» Желябужского, появление «Изветного письма» отнесено к 2 сентября (как и в «Смертном приговоре»)[50]. Конечно, можно предположить, что на автора «Записок» мог повлиять тот же «Смертный приговор», и он, включая в свое сочинение грамоту, заменил в ней 8 на 2 сентября. Отвергнуть подобное предположение помог новый список грамоты, независимый от «Записок», найденный в Отделе письменных источников ГИМ[51]. Сопоставим показания трех списков:

Восстание в Москве № 102. С. 149.	**Записки Желябужского СПб., 1840. С. 7.**	**ГИМ ОПИ Ф. 450. № 91. Л. 25.**
И о том их злом умысле и о измене сентября в 8 числе нынешнего 191-го году объявилось в селе Коломенском изветное письмо.	И о том их злом умысле и о измене сентября во 2 числе нынешняго 191-го году объявилось в селе Коломенском изветное письмо.	И о том их злом умысле и о измене сентября в 2 числе нынешнего 191-го году объявилось в селе Коломенском изветное письмо.

Скорее всего, «8 сентября» вместо «2 сентября» появилось вследствие описки, пусть и не очень естественной (ско-

рописное «В» непохоже на «И»). Это тем более вероятно, поскольку грамота дошла до нас, как уже было отмечено, не в подлиннике или отпуске, а в списке, причем достаточно неисправном по сравнению с остальными. Распространенная по московским слободам, грамота переписывалась с искажениями, а подчас и с произвольными дополнениями (как это будет показано ниже). Наконец, 8 сентября двора уже не было в Коломенском. Появись «изветное письмо» в это время, оно бы безнадежно запоздало и вряд ли привлекло бы к себе такой интерес.

Таким образом, уже 2 сентября в распоряжении нового правительства оказалось «изветное письмо», компрометировавшее князей Хованских. «Созерцание краткое» следующим образом передает обстоятельства его обнаружения: «И септевриа месяца во 2 день на него, князь Ивана, в его измене в Коломенском селе на их, в. г., дворе у передних ворот на воротном щите прикреплено объявилося писмо, его же, взяв, надворные пехоты столник и полковник Акинфей Данилов им, великим, государем, объявил...»[52] Действия полковника Данилова объяснялось просто — на «изветном письме» был надписан адрес: «Вручить государыне царевне Софии Алексеевне, не роспечатав»[53]. Согласно спискам с «извета», приложенным к царской грамоте в московские слободы, на подлиннике была также «помета думного дьяка Федора Шакловитова»[54]. Царевна Софья Алексеевна, стольник и полковник Акинфий Данилов и думный дьяк Федор Леонтьевич Шакловитый — вот три лица, которые в первую очередь дали ход «Изветному письму».

Сложнее обстоит дело с составителями «письма». Изветчик — «московский стрелец да два человека посацких людей» — пожелали остаться неизвестными. Они указали только свои приметы на тот случай, когда они смогут открыться: «..А мы, холопи ваши, вам, государем, объявимся, и вы, государи, нас, холопей своих, пожалуете»[55]. Однако никто из них впоследствии не объявился и не востребовал заслуженной награды. Это тем более странно, поскольку хорошо известны имена стрельцов, «извещавших» о заговоре Шакловитого или деле Цыклера. Все они были щедро вознаграждены. Все это заставляет нас видеть в изветчиках скорее подставных лиц, нежели самодеятельных доброхотов.

Изветчики сообщили о намерении князей Хованских «доступити царства Московского». Для этого предполагалось «прийти большим собранием... в город... и убить вас, государей, обоих, и царицу Наталию Кириловну, и царевну Софию Алексеевну, и патриарха, и властей, а на одной бы царевне князь Андрею женитца, а достальных бы царевен постричь и розослать в дальние монастыри». За то, что они якобы «старую веру не любят, а новую заводят», предполагалось побить знатнейших бояр, гостей и дворян. Далее изветчики нарисовали устрашающую картину российской смуты, к которой вели дело Хованские, собиравшиеся «послать... по городом и по деревням, чтоб в городах посацкие люди побили воевод и приказных людей; а крестьян научать, чтоб они побили бояр своих и холопей боярских». В конце намечалось будто бы оставить нового патриарха и властей, «ково изберут народом», а царем избрать князя И. А. Хованского. Свидетельства изветчиков впоследствии легли в основу приговора кн. И. А. и А. И. Хованским. Согласно «Смертному приговору», «и вышеописанные твои, князь Ивановы, воровские дела и измена с тем писмом сходны, и злохитрый твой вымысел на державу их, в. г., и на их государское здоровье обличился, и против того писма в тех делах ты означился, и во всем измена твоя и под государством Московским подисканье стало явно»[56].

То, что было несомненно для судивших кн. Хованских, впоследствии было почти единодушно оспорено отечественными историками. Н. Г. Устрялов и М. П. Погодин считали, что «Извет» основан на ложных, надуманных обвинениях. Только А. Н. Штраух, безмерно социологизировавший русскую историю, с доверием подошел к «Извету», укладывавшемуся в его концепции «мелкобуржуазной революции». Нельзя не разделить иронию С. К. Богоявленского, сравнившего этого историка школы М. Н. Покровского, «соблазнившегося возможностью на столь ненадежном материале построить картину революционного движения»... с Сильвестром Медведевым, «замалчивавшим все, что было не к чести царевны Софьи»[57].

Позицию С. К. Богоявленского разделил В. И. Буганов, заключивший, что «все в извете шито белыми нитками». Однако историк не совсем последователен, поскольку он при-

знает «что у восставших на самом деле возникали какие-то не совсем ясно оформленные намерения против царского двора, вплоть до расправы с боярами и членами царского семейства и возведения на престол другого царя»[58]. Однако даже новому правительству не удалось получить каких-либо определенных показаний о подобных планах, исключая, конечно, сам «Извет».

В последнее время к «Извету» обратился В. Е. Возгрин. Историк обнаружил сообщение датского дипломата Хильдебрандта Горна о том, что князя Андрея Хованского прочили «за молодую еще мать Петра». По мнению В. Е. Возгрина, оно позволяет «по новому взглянуть на подлинность документа, сыгравшего главную роль в решении о казни обоих Хованских — "Извета", в котором сообщается о намерении заговорщиков убить вдовствующую царицу»[59]. Однако «подлинность» (а, скорее, правдоподобие) «Извета», как это было показано, уже давно поставлена под сомнение. О «новом взгляде», напротив, возможно было бы говорить если бы независимые от «Извета» источники подтвердили бы обвинения против князей Хованских.

В. Е. Возгрин не совсем точен и тогда, когда утверждает, что «согласно общепринятой версии... в жены князю Андрею предназначалась царевна Екатерина Алексеевна». Сообщение об этом, содержащееся в «Записках о Московии» де ла Невилля, внешне кажется вполне достоверным. Действительно, оно не противоречит «Извету», поскольку в нем ничего не говорится о намерении заговорщиков убить царевну Екатерину Алексеевну. Однако достаточно обратиться к тексту «Записок», чтобы заметить, что Невилль пишет о царевне Екатерине Алексеевне, а подразумевает царевну Софью Алексеевну. «В Московии есть обычай торжественно отмечать Дни ангела всех детей из царского дома, — пишет Невилль. — Царевич или царевна, чей праздник отмечается, устраивает угощение и принимает поздравления всех первых лиц в государстве. Двор собирался праздновать в Троице день Святой Екатерины, чье имя носила царевна, которую боярин Хованский предназначал в жены своему сыну»[60]. Однако на 18 сентября, когда думным людям положено было явиться в государев поход, приходилось как раз тезоименитство царевны Софьи Алексеевны[61]. Поэтому со-

временник-летописец, ошибившись на один день, записал, что князья Хованские были казнены «сентября в 18 день [вместо: 17 день — *А. Л.*], на память святых мучениц дев Веры, Любве, Надежды и матери их Софии»[62]. Получается, что говоря о царевне Екатерине Алексеевне, Невилль постоянно имеет в виду ее сестру — царевну Софью Алексеевну[63].

Осведомленный патриарший летописец Сидор Сназин и анонимный польский автор прямо связывают династические планы Хованских с царевной Софьей Алексеевной, несмотря на то, что это прямо противоречит данным «Извета» (напомним, что «Извет» приписывает князьям Хованским намерение убить царевну Софью Алексеевну). В «Дневнике...» приведена даже выразительная сценка: Софья будто бы приказала показать ей сына Хованского и, когда привели его к ней, не на что было и смотреть: слишком молод он был и некрасив собой. Софья рассмеялась и сказала: «О женишок мой, хорош женишок, ярыжкой (то есть подьячим) ему в пору быть!»[64] Эта реплика неправдоподобна хотя бы потому, что князю Андрею Ивановичу было в это время не менее 28 лет, а царевне Софье Алексеевне только 24. Важнее другое: польский аноним, точно так же как и источники других версий династических планов Хованских, совершенно опускает одну важную деталь, выдавая тем самым свою неосведомленность[65]. Дело в том, что князь Андрей Иванович Хованский ко времени описываемых событий уже был женат на княжне Анне Семеновне Щербатовой (в первом замужестве княгине Прозоровской)[66]. Для того, чтобы осуществить свой далекоидущий план, Хованскому пришлось бы постричь жену в монастырь. Однако о подобном плане (впоследствии приписанном и кн. В. В. Голицыну) польский аноним, Невилль, Горн и Сидор Сназин ничего не сообщают. Словоохотливые во всем, что связано с тайнами московского двора, источники оказываются на поверку равно сбивчивыми.

То, что ни один из современников не смог связано изложить честолюбивые планы Хованских, свидетельствует об их полной неопределенности. Очевидно, речь идет о смутных намерениях, да о неосторожных разговорах. Однако последние давали прекрасный повод для обвинения Хованских в намерении «доступити царства Московского». Поэтому в

официальных документах они были выделены на первый план, заслонив собой реальную подоплеку происходившего — борьбу думных группировок. В конце августа 1682 г. она приобретает особо острый характер, основанный на противостоянии боярской комиссии в Москве думным людям, сопровождавшим двор в «походе».

В тот же день, когда было найдено «Изветное письмо» (2 сентября), двор покинул Коломенское и переехал в село Воробьево, а оттуда, 4 сентября — в село Павловское[67]. Здесь, в небольшом дворце, принадлежавшем раньше «дядьке» царя Алексея Михайловича боярину Б. И. Морозову, на берегу Истры, цари пробыли два дня. Тем временем положение осложнилось тем, что к восстанию в столице присоединилась серьезная внешняя угроза. К 4 сентября в походе была получена отписка киевского воеводы князя П. С. Прозоровского о военных приготовлениях в Польше. Согласно отписке, в королевском замке в Яворове Ян III собрал совещание, на котором присутствовал коронный гетман «и иная многая старшина». Выступивший на нем «хорунжий Любомирский» сообщил, что «на Москве учинилось замешание великое и ныне им, поляком, подобно время итить войною под Киев и малоросийские городы». Из Яворова король «с тою старшиною» поехал во Львов, неподалеку от которого «под Трембовлем и под Журавнами» приказано было собираться польскому войску. «А ныне де под Трембовлем и под Журавнами польского войска в зборе тысячь с пятнадцать... — сообщал воевода. — А каторые де поляки едут в обозы, а те говорят, похвалючись, что будут они войною на Переяславскою сторону по малоросийские городы»[68].

Уже 4 сентября из похода была послана грамота в Москву кн. И. А. Хованскому «с товарыщи», в которой командование русскими войсками на южной границе возлагалось на сына Тараруя — курского воеводу — боярина князя Петра Ивановича Хованского большого. На следующий день, 5 сентября ему было послана грамота из Разряда, в которой было указано «с... ратными людьми Белогородцкого розряду, всех городов, которые городы написаны были и в Танбовской розряд збиратца наспех, и... царского величества подданного обоих сторон Днепра з гетманом с Ываном Самойловичем иметь частые пересылки, и, по обсылкам с ним

гетманом, итить ис Курска в Лебедин без мотчанья». Товарищу боярина кн. Петра Ивановича Хованского, думному дворянину и воеводе Л. Р. Неплюеву велено было идти со своим полком из Севска в Путивль[69]. Тем самым были решены две задачи: с одной стороны, были защищены западные рубежи, с другой стороны, удалось увести подальше от Москвы серьезные военные силы, вверенные одному из представителей мятежного рода Хованских[70].

Впоследствии, в смертном приговоре кн. И. А. Хованский был обвинен в том, что «по многим в. г. указом по подлинным вестям в Киев полков не послал же и вместо поспешения чинил в том мешкоту»[71]. Однако это обвинение верно лишь отчасти. Согласно польскому ананиму, Тараруй вынашивал впечатляющие внешнеполитические планы: «А сам [И. А. Хованский. — *А. Л.*] предполагал отправиться в Польшу с несколькими стами тысяч войска и заключить мир, а потом к шведам»[72]. Причина нерасторопности Хованского была в другом: князь не хотел оставаться в Москве без лично преданного ему стрелецкого гарнизона. Еще 4 сентября в Москву была послана грамота с указом выслать на службу в Киев четыре полка «надворной пехоты». 7 сентября требование было повторено и уточнено; надлежало выслать полки стольников и полковников Акинфия Данилова, Никиты Глебова, Федора Головленкова и Семена Полтева[73]. Однако Хованский, напротив, «без их, великих государей, указу попытался было послать в Киев Стремянный полк. Еще к 29 августа, Дню ангела царя Ивана Алексеевича, «велено было прислати с Москвы в село Коломенское Стремянной полк», особо преданный самодержцам. Однако Хованский только «по многим... о том посылкам» выслал полк в поход, опасаясь чрезмерного усиления правительственных сил[74].

6 сентября двор переехал в Савво-Сторожевский монастырь, где пробыл до 10 сентября. Впервые за время восстания двор оказался под защитой крепостных стен подмосковной обители. С этим, вероятно, было связано изменение тактики нового правительства, ставшей более решительной и наступательной. В монастыре была составлена грамота «в Володимер, в Суздаль, в Юрьев Полской и в ыныя городы», адресованная московским и городовым чинам, служилым людям «нового строя» и «боярским слугам»[75]. Всем им было

предписано собираться на службу в Савво-Сторожевский монастырь, для защиты «государского здоровья» и «очищения... царствующего нашего града Москвы». Впервые в грамоте были выдвинуты резкие обвинения в адрес как восставших стрельцов, так и самих Хованских. Так, согласно грамоте, еще во время первых волнений, предшествовавших восстанию 15—17 мая, «московские стрелцы всех приказов и бутырские салдаты» действовали «по тайному согласию з бояриным нашим... Иваном Хованским». Впоследствии это обвинение, как явно недостоверное, не вошло в смертный приговор. В грамоте нашел отражение и коломенский эпизод, когда Хованский грозил «копьями», то есть повторением майских расправ: «И для того своего богоненависнаго соединения назвали они, воры и изменники, ево, князь Ивана, себе отцом... и всем всякого чина Московского государства людем нагло грозят воровскими своими копьи и разорением, а в познание нимало не приходят и живут во всяком безстрашном самоволстве. А он, князь Иван, от того их не унимает и чинит им всякую помощь...» В грамоте было впервые упомянуто «Изветное письмо»[76]. Таким образом, грамота непосредственно предшествовала «Смертному приговору» и послужила источником для него.

В историографии царская грамота из Савво-Сторожевского монастыря оценивается по-разному. М. П. Погодин считал, что грамота была послана, но, «разумеется, в тайне от Хованских»[77]. С. К. Богоявленский и В. И. Буганов также утверждают, что грамоты были разосланы[78]. Недавно с противоположным мнением выступила Н. Г. Савич. Историк обратила внимание на то, что не имеется ни «сведений о рассылке этой грамоты, ни упоминаний о ее получении. Что же касается самого текста грамоты, то он сохранился только в передаче «Созерцания краткого...». Все это, в сочетании с резким тоном грамоты, противоречащим той осторожной политике, которую вело придворное окружение, свидетельствует против рассылки грамоты[79]. На мой взгляд, продолжавшаяся вплоть до самого трагического конца И. А. Хованского переписка с царским двором, убедительно свидетельствует о том, что грамота осталась неизвестна в столице.

Новым предлогом для расправы с Хованскими послужила стычка холопов боярина кн. В. В. Голицына со своенрав-

ной «надворной пехотой», происшедшая 8 сентября. На праздник Рождества Богородицы голицынские «люди» пошли в Бутырскую слободу, «и по знакомству были в гостях выборного полку у салдат» (очевидно, в полку думного генерала А. А. Шепелева). На обратном пути из слободы в Москву на них напали «неведомо какие люди и учали их бить, и, бив, покинули замертво». Одного из холопов — Родьку Чернева — обидчики, оказавшиеся надворной пехотой «Матвеева полку Марышкина», привели в приказ. В Приказе Надворной пехоты он был «роспрашиван», затем распрос был повторен лично Иваном Андреевичем Хованским «в Верху», «с великим пристрастием». Не удовлетворившись этим, И. А. Хованский «посылал на дворишко мой по битых людей моих копитана со многою надворною пехотою». Последовал разгром двора Голицыных в Охотном ряду, после которого уже «битых» людей В. В. Голицына взяли в приказ, а остальные сочли за благо разбежаться со двора.

Очевидно, в голицынских холопах увидели лазутчиков. Сам В. В. Голицын, обратившийся по этому поводу к царям с челобитной на следующий день, указал и другую, более глубокую причину расправы — «недружбу, что у меня [В. В. Голицына] с сыном его, з бояриномъ со князем Андреем Ивановичем Хованским ссора»[80]. Если добавить к этому сообщение де ла Невилля о том, что И. А. Хованский был «открытым врагом» (ennemy declaré)[81] В. В. Голицына, то становится понятной та избирательная жестокость, которая была проявлена по отношению к Хованским. Если Иван Андреевич и его сын Андрей были казнены, то двое других сыновей — Петр и Иван, остались в живых.

По-новому взглянуть на судьбу одного из них — Петра Ивановича большого Хованского — позволяет все та же челобитная В. В. Голицына. Дело в том, что В. В. Голицын просил своих «битых людишек и привод их и роспросные речи из Приказу надворные пехоты отослать в иной приказ». По помете, относящейся к 11 сентября, дело было передано в Сибирский приказ, в ведение окольничего Ивана Ивановича Чаадаева. Выбор пал на И. И. Чаадаева, конечно же, не случайно. Сотрудник В. В. Голицына по работе в Ответной палате, И. И. Чаадаев находился вместе с царским двором в походе. Поэтому именно его сочли возможным посвя-

тить в интригу, которая уже приняла необратимый характер. Однако своеобразие положения И. И. Чаадаева состояло в том, что он был родственником П. И. Хованского — дядей по матери его жены, Прасковьи Андреевны Кафтыревой[82].

Именно И. И. Чаадаев, по предположению П. С. Шереметева, был автором анонимного письма, предупредившим Петра Ивановича большого Хованского о грозившей ему опасности[83]. В это время боярин кн. П. И. Хованский находился в Курске на воеводстве и стремился вернуться в Москву, где его отец и брат оказались на вершине власти. Однако его корреспондент смог сдержать порыв князя: «...О перемене, государь, своей ныне чему быть ни по которому образу не возможно, не помышляй. Хотя б и можно каким промыслом то учинить, и о том всяко по-нынешнему времени усмотря, не смели мы домогаться: первое для того, что приехать тебе некуда и не-к-чему, другое, — и паче опасения в том, — что оторвав от места, на которое Бог позвал, чтоб в горчайшее безпутство не провалиться, понеже время настоящее зело строптиво и неуставчиво. Просим о том для Бога, укроти свой помысл и, на что призван, пребывай в том». И далее: «Пишу я тебе, приятелю моему, по времени смотря, чтоб после о себе, упустя, не тужить»[84]. Таким образом, автор сам признается в том, что он вынужден не договаривать до конца в силу обстоятельств, которые могут повернуться против него.

Обращение к архивному подлиннику (П. С. Шереметев ссылается на публикацию переписки) подтверждает предположение об авторстве И. И. Чаадаева. Письмо написано тем же почерком, что и две другие грамотки осторожного царедворца[85]. Косвенное подтверждение авторства И. И. Чаадаева дает и письмо К. О. Хлопова П. И. Хованскому. «А вестей, государь, у нас много несладостных, пограничных и домашних, и о том к тебе, государю моему, писали брат твой, боярин князь Андрей Иванович, да дядя твой окольничей Иван Иванович, а я через их письма отписать к тебе, государю моему, опасся», — признается К. О. Хлопов. Если письмо кн. Андрея Ивановича в столбце с перепиской отсутствует, то упомянутое письмо И. И. Чаадаева, по всей видимости, представляет собой разобранный выше документ. Далеко не все понял прямодушный князь Петр Иванович в туманных намеках «дяди», поэтому он вынужден был обра-

титься за разъяснениями к тому же К. О. Хлопову. «А с дядею твоим, с Иваном Ивановичем, видеться ныне с ним негде и писем вычесть и вразумить неколи, потому он в походе», — отвечал Хлопов[86].

Тем временем государев поход продолжался. 10 сентября двор покинул Савво-Сторожевский монастырь и вернулся в Павловское. Затем, 13 сентября перешли на Калязинскую дорогу и прибыли в село Хлябово на Икше. Оттуда переехали на Троицкую дорогу. Уже в ночь на 14 сентября по ней приехали в село Вознесенское. Патриарший летописец Сидор Сназин точно заметил особенность похода: двор переезжал из одного государева села в другое, «не занимаючи Москвы, объездными дорогами»[87].

14 сентября 1682 г. И. А. Хованским была отправлена последняя отписка царям. Незадолго до этого, согласно сообщению анонимного итальянского автора, против «башкирцев с калмыками», которые «разбойничают и грабят под Казанью [был] отправлен [Петр Шереметев] (nepos Rermeti)...»[88]. Получивший отписки от воеводы, Хованский поспешил сообщить о вестях в «поход»[89]. Однако его старания не получили должной оценки. Еще в царской грамоте из Савво-Сторожевского монастыря Хованский был обвинен в том, что не принял мер против «калмыков и изменников башкирцов»[90]. Это обвинение повторено было вновь в «Смертном приговоре»[91].

В тот же день, 14 сентября, И. А. Хованскому была послана грамота с указом прибыть в село Воздвиженское для встречи сына гетмана Ивана Самойловича «сентября в 18-м числе на 1-м часу дни». На время отсутствия И. А. Хованского ведать Москву должны были его товарищи по думной комиссии. Хованскому предписано было также выслать для торжественной встречи стольников, стряпчих, дворян и жильцов, «которые ныне на Москве». Грамоты о приезде в Воздвиженское были посланы также всем членам Боярской думы, находившимся в столице или в подмосковных деревнях. Под предлогом торжественной встречи они должны были собраться на суд под Тараруем. 16 сентября сын гетмана, стародубский полковник Симеон прибыл в Воздвиженское[92]. Тогда же выехали из Москвы и Хованские.

Согласно свидетельству патриаршего летописца, «и баярин князь Иван Андреевич, и сын ево князь Андрей Иванович в поход [в] Воздвиженское поехали, а с ними поехали всякова люду человек с семдесят, а на дороге стал баярин князь Иван Андреевич на стану в [с]еле Пушкине у крестьянина на гумне, а сын ево баярин князь Андрей Иванович поехал в деревню свою, от села Пушкина версты з две»[93]. Здесь и застал Хованских врасплох посланный из Воздвиженского отряд боярина князя Михаила Ивановича Лыкова. Согласно разрядной записки, в него входили «стряпчие, и жильцы, и с ними люди их все», то есть боевые холопы[94]. Свиту Тараруя разоружили, «ружье у них побрали и, всех перевезав, оставили в Пушкине», приказав какому-то старцу их беречь. «Свезав, посадя на лошадь» князя Ивана Андреевича, служилые люди поехали «в деревню их за сыном ево за бояриной за князь Андреем Ивановичем». Схватив и его, Лыков повернул к Воздвиженскому.

Пленников приказали «остановить у своего государева двора, у передних ворот». Сюда, «не водя их [Хованских — *А. Л.*] на дворец к государем, вышли все баяре, которые были с великими государи в походе». Когда за воротами, на нарочно вынесенных скамьях, расположились все думцы, вышел с указом разрядный думный дьяк Федор Леонтьевич Шакловитый[95].

Хованский обвинялся в том, что за время сидения в Стрелецком приказе он «многую их, в. г., денежную казну без их государского указу... и тем всему государству учинил великое разорение и людем многую тягость». В вину Хованскому было поставлено также то, что он держал «у себя в приказе... мучительно за решетками, за приставы многих людей, которые ведомы в разных приказах». Будто бы Хованский во время майских событий в государевы «полаты попустил ходить всяких чинов людем безо всякого страха и опасенья», а затем «на многих людех правил многие денги без суда, и без очных ставок и безо всякого розыску за многия мимошедшие годы». Куда более правдоподобным было обвинение в сочувствии старообрядцам, ратовавшим «на святую соборну Церковь». Против Хованского обернулась и его всегдашняя похвальба; напомнили ему и о том, как он «говорил многожды в полате при них, великих государях, и

при всех боярях, величаяся в гордости своей, будто все государство стоит по твою кончину, а ест ли тебя не будет, и в то будто время никакая плоть не спасетца и станут в Москве ходить в крови по колени»[96]. Вслед за статьями самого приговора было прочитано и «Изветное письмо».

Вслед за приговором Тараруя прочитан был и приговор князю Андрею Ивановичу Хованскому. Автор «Созерцания краткого» ограничился лишь кратким упоминанием о нем: «Также и сыну ево, князь Андрею Хованскому, чтены многия статьи вин его»[97]. В той же рукописи из ОР РГБ удалось обнаружить сам приговор. Приводим ниже его полный текст:

«А ты, князь Андрей Хованской с отцом своим во всем его вышеписанном умышлял и советовал заодно, и воровством своим и изменою под государством Московским подискивался вместе, и на многие злые дела ево приводил, и тем своим общим воровством и изменою учинили вы Московскому государству великое разоренье и в народе многую смуту».

«Да ты ж про отца их в. г. блаженные памяти про в. г. ц. и в. кн. Алексея Михайловича в. В. и М. и Б. Р. с. говорил многие непристойные и поносные слова».

«Да ты ж говорил про благоверных государынь царевен такие великие и страшные дела, что выше сего написано, многим бесстрашьем, чево не только говорить, и мыслить страшно».

«Да ты ж, князь Андрей, бояр и окольничих, и думных людей, которые по их в. г. милости пожалованы честьми, всех лаял, поносил, и переговаривал с великою наглостью, будто пожалованы честьми и пущены в полату воры и не спросясь про то с вами. И говорил ты, что и в полату за тем ходить не хочешь, что в полате воры, и тем ты их государскую милость опорочил и их бесчестил не познав своей меры, и не зазирая себе, что ты с отцом своим воры и изменники».

«Да ты ж, князь Андрей, будучь у продажи животов, те животы многие кражею себе имал, и подставою холопем своим покупать самою дешевою ценою велел, а деньги за то за все велел давать из зборных денег, которые взяты за те ж продажные животы».

«Да ты ж, князь Андрей во многих делах их в. г. указу чинился противен, и делал все по своим прихотям самовольством...»[98]

В этом источнике, впервые вводимом в научный оборот, обращают на себя внимание две стороны. Во-первых, приговор показывает, что у младшего князя Хованского была не только «недружба» с князем В. В. Голицыным, но и вражда с другими видными думными деятелями, которую он даже не считал нужным скрывать. Во-вторых, по крайней мере в двух обвинениях звучат отголоски «Извета». Так, «многие непристойные и поносные слова» о царе Алексее Михайловиче, видимо, заключались в том, что Хованский с сыном называл царей Петра и Ивана «еретическими детми»[99]. А за «великими и страшными делами», которые вслед за князем Андреем и повторить-то было нельзя, скрывались, очевидно, все те же династические планы, о которых поведал «Извет».

За все вышеперечисленные вины, «воровские дела и измену» цари указали и бояре приговорили князя Ивана Андреевича и Андрея Ивановича «казнить смертью». Согласно А. А. Матвееву, Хованские пытались оправдаться, и «небезответно с сильными очистками... себя правили и слезно просили: чтоб господа бояре выслушали причины тех о совершенных заводчиках с начала оного бунта стрелецкого, от кого вымышлен и учинен был, и их царским величеством милостиво донесли, чтоб им с теми дать очныя ставки и безвинно их так вскоре не казнить». Однако присутствовавший на суде боярин Иван Михайлович Милославский воспрепятствовал разбирательству и настоял на немедленной казни[100]. Однако, А. А. Матвеев, скорее всего, в очередной раз преувеличил роль этого «московского Кромвеля». Бóльшее доверие вызывает сообщение Невилля, приписавшего решающую роль в скорой расправе с Хованскими боярину князю В. В. Голицыну[101].

Хованских отвели «за вороты... под гору недалеко». Здесь, «на площади у большой московской дороге»[102], «на плахе, то есть, на положенном на земле бревне, были топором отрублены головы» Хованских. Первым был казнен Тараруй, затем князь Андрей Иванович. Вместе с ними погибли их «пять клевретов-стрельцов»[103]. Судя по согласному свидетельству источников, тела были преданы земле «на Городце», недалеко от церкви. Позднейшее предание о том, что тела казненных были затоптаны в грязь на гати у села Го-

лыгина, близ Вознесенского, при впадении реки Пажи в Ворю, видимо, вполне легендарно[104].

Дело можно было бы считать успешно выполненным, если бы не бегство из похода младшего сына Тараруя, князя Ивана Ивановича Хованского меньшого. Согласно осведомленному патриаршему летописцу Сидору Сназину, князя Ивана Ивановича предупредил о готовящейся казни отца «неведомо хто из бояр». После этого кн. И. И. Хованский из Вознесенского «ушол не дорогою, болотами и лесами к Москве». В Москву он прискакал в шестом часу ночи на 18 сентября, а уже в седьмом стрельцы ударили в набат. Сначала они решили «итить в село Воздвиженское с нарядом... на великих государей», но потом «раздумали... итить поблюлися»[105]. Однако в Воздвиженском еще не знали о последнем[106]. После известия о сборе стрельцов там «учинился всполох»[107]. В тот же день, 18 сентября 1682 г., двор покинул Воздвиженское, чтобы укрыться за стенами Троице-Сергиева монастыря.

Пока князь Иван меньшой поднимал мятеж стрельцов, его более дальновидный двоюродный брат князь Петр Иванович меньшой Хованский, ведавший Разбойным приказом, уже давно покинул мятежную столицу. 19 сентября в Москву, в ведавшую столицей думную комиссию во главе с боярином М. П. Головиным, послана была царская грамота с указом кн. П. И. Хованского «отдать за пристава», т. е. взять под стражу. Пришедшие на двор князя разрядные подьячие не нашли хозяина. Из допроса холопа Алешки Комарова, «который за делы ходит», выяснилось, «что де князь Петр поехал с Москвы в подмосковную свою деревню по троецкой дороге в село Левново [Леоново. — *А. Л.*] тому ныне третья неделя, и с той деревни он, князь Петр, поехал в дальние свои деревни... а в которые де деревни наперед он поехал и ныне где, того он, Алешка, не ведает». Пока отписка московских властей с этими сведениями дошла к 22 сентября в Троицу, правительство уже получило более точные сведения, благо подмосковная вотчина Хованских была все же недалеко от стен Троицы. 20 сентября «в Московской уезд... в князь Петрову деревню княж Иванова сына Хованского» послан был стольник Василий Парфеньевич Свиньин меньшой. Ему было велено взять опального князя, отвезти в Сав-

во-Сторожевский монастырь, и «отдать ево архимандриту Селивестру з братиею»[108].

Тем временем правительству удалось захватить Ивана Хованского меньшого. Судя по всему, не обошлось без осады княжеского двора — к нему было стянуты стольник и полковник Игнатий Огибалов, дьяк Иван Максимов, двое капитанов и двадцать человек «надворной пехоты». К 1 октября он был взят в Приказ надворной пехоты и отправлен оттуда в Троицу. Сохранилась краткая записка о допросе кн. И. Хованского меньшого в боярской комиссии: «191-го октября в 1 день по указу в. г. ц. и в. к. Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича в. В. и М. и Б. Р. с. князь Иван княж Иванов сын Хованской перед бояры роспрашиван»[109].

Приговор, вынесенный кн. Ивану Ивановичу меньшому, был суровым. «По их великих государей указу сказана ему князь Ивану смертная казнь», тут же замененная ссылкой[110]. Князь бы послан в ссылку в Сибирь на Лену в Якуцкой на вечное житье». Боярской комиссии, ведавшей Москву, велено было 3 октября «жену ево и детей... послать с Москвы к нему же в Сибирь до Вологды, а с Вологды до Верхотурья... с отставными дети боярскими с кем пригоже»[111]. Однако до Вологды опальный князь добрался только 16 октября, где и был задержан на месяц, «для того что судового и санного пути не было»[112].

Днем раньше, 2 октября, из Троицы был отпущен боярин князь Семен Андреевич Хованский «в коломинскую ево вотчину в село Васильевское з деревнями». Царская грамота об этом, посланная коломенскому воеводе С. К. Свечину, поражает доверием к опальному. Воеводе было поручено сказать дворовым людям и крестьянам, чтобы они «во всем слушали» боярина. На середине следующей фразы текст грамоты в публикации обрывается («А будет люди ево и крестьяне в чем учинятца ему непослушны...»)[113]. Пятью сставами раньше, в том же столбце, удалось отыскать окончание грамоты: «...а боярин нашь князь Семен Андреевичь учнет к тебе присылать о служилых людех для смирения тех ослушников, и ты б посылал к нему служилых людей человек по пяти или по десяти и велел тем людем и крестьяном чинить наказанье, смотря о вине, хто чево достоин»[114]. К тому же, Семену Андреевичу удалось сохранить и боярский чин,

хотя его имя и исчезает на время из боярских списков. Все это можно объяснить лояльностью, проявленной им во время суда над братом — участником которого он, как член Боярской думы, находившийся в то время в Воздвиженском, должен был быть[115].

В отличие от Семена Андреевича, другим Хованским пришлось расстаться с думными чинами. Иван большой и Петр меньшой Ивановичи Хованские были «написаны во дворяне» московские. 4 октября они, вместе с кн. Федором Семеновичем,были посланы «с приставы в дальние их деревни». С князем Петром в суздальскую деревню был послан приставом Зилот Захарович Кишкин[116]. Последнему велено было следить за ним и, особенно, «за его письмами», и, «буде в тех письмах к смятению и ни к какому дурну ничего будет не написано, и те письма велеть ему посылать куды ему надобно», в обратном же случае велено было пересылать его письма в Разряд[117].

Дольше других оставался на свободе боярин князь Петр Иванович большой Хованский, находившийся на воеводстве в Курске. 20 сентября 1682 г. в Севск думному дворянину Л. Р. Неплюеву была послана царская грамота с распоряжением ехать в Курск «с великим поспешением, и у Петра Хованского взять город и городовые и острожные ключи и полковой наряд и списки ратных всяких чинов людей». Приняв дела, Л. Р. Неплюев должен был посадить бывшего воеводу «за крепкий караул». Закованного в кандалы князя П. И. Хованского «з женою и з детьми», передали прибывшему в Курск 1 октября стольнику П. А. Невлеву, который повез их в Нижний Новгород, «не займывая Москвы»[118]. Здесь Хованские находились еще 6 января 1683 г.[119], хотя еще 29 декабря 1682 г. в Новгородский приказ боярину кн. В. В. Голицыну был дан указ «князь Петра Хованского з женою и з детьми из Нижнего Новагорода перевесть в Кевроль и на Мезень». Указом предусматривались такие условия содержания ссыльных, которые для России XVII века нельзя не назвать строгими: «...а на Мезени в приставех у него быть человеку добру и настороже служилым людем сколким человеком пригож ис тамошних жителей, и воеводе над ними смотрить накрепко, чтоб он с постоялого двора никуды не ездил, и пеш не ходил, опричь церкви Божии, а при-

езжих людей к нему ни припускать никторыми делы, и того обрегать накрепко, чтоб он писем никаких ни х кому не писал, и к нему ни от кого писем не было ж, а буде от кого какие письма объявятца к нему в присылке, и те письма имать и присылать к Москве в Новгородской приказ...»[120]

Только 27 февраля 1683 г., «по самому последнему зимнему пути», князь Петр Иванович был, наконец, привезен на Мезень. С ним были жена, дети, а также «больших и малых робят мужеска полу осмь человек, а женска полу пять человек»[121]. Распутица задержала князя на Мезени, откуда он и отправил свою первую челобитную «Царем государем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю в. В. и М. и Б. Р. с. бьет челом холоп ваш бедной и беспомошной Петрушка Хованской. В нынешнем, государи, во 191-м году, по вашему, в. г., указу, сослан я, холоп ваш, в Хевронь и на Мезень, а людишек со мною, холопом вашим, нет никакова, помираю голодною смертью, потому что оставлены были людишка мое все в Курске»[122]. Князь просил дать проезжую грамоту двум его холопам, Назарке Иванову и Бориске Михайлову, чтобы они могли приехать к нему «с запасом». Великие государи смилостивились, «велели тех людей к нему отпустить»[123] и дать им проезжую грамоту. Одновременно воеводе было дано распоряжение осмотреть холопов, «нет ли с ними от кого к нему князь Петру каких писем, а буде в них какие письма объявятца», то учинить по прежнему государеву указу. Очевидно, конфискованная переписка Хованского до сих пор не давала кому-то покоя в московских приказных канцеляриях[124].

Однако холопов Хованского тоже застал «последней путь и водополье [половодье. — *А. Л.*] великое», они не доехали до своего господина и «пометали все на дороге». Только один человек добрался до Мезени. Это заставило опального князя вновь взяться за перо. В новой своей челобитной Хованский писал, что московская четверть ржи стоит «в Хеврони и на Мезени... по два рубли с полтиною...». «И мне, холопу вашему, пропитатца нечем, а купить не на што,.. и ныне в ссылке з женишкою и детишками помираю голодною смертью, — жаловался Хованский. — Милосердые государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевичь в. В. и М. и Б. Р. с., пожалуйте меня бед-

нова и безпомошнова холопа своего, для моей такой голодной нужды велите мне государи ко мне холопу вашему 5 человеком Наумку Терентьеву с таварищи быть з деньженками, каторые животишка мое и клячи роспроданы зде на Москве...»[125]. Когда это челобитье было удовлетворено, он уже две недели как находился в Кевроле, куда был перевезен 15 апреля[126].

Третья челобитная, относящаяся к лету 1683 г. дает представление о какой-то не дошедшей до нас переписке, вновь начатой ссыльными. Хованский был пожалован его «животишками», «отписанными на... великих государей» в Курске (т. е. конфискованным у него имуществом). Очевидно, здесь не обошлось и без очередного челобитья. В новой челобитной ссыльный пишет о том как проходило возвращение имущества: «А принимал в Курске те мои животишка и клячи человеченко мой Лукашка Гарасимов, и на Москве для моей нужды те мои животишка и клячи продавал, а я холоп ваш, что налицо тех моих животишек и клям принято, и что чево распродано, ни про что не ведаю». Князь просил прислать для этого своего холопа к нему в Кевроль, что и было сделано[127].

Уже на следующий год, 20 февраля 1684 г., велено было перевести кн. П. И. Хованского большого с семьей в Галич, куда он добрался только 27 апреля[128]. 30 августа 1684 г., уступив настоятельным просьбам ссыльного, по случаю тезоименитства царя Ивана Алексеевича, кн. П. И. Хованскому позволено было переехать в его «приданую» деревню Филипово в Костромском уезде, где он и пробыл до 1689 г.[129] «В опале» находились и оба «Никитича» — Иван Иванович большой и Петр Иванович меньшой. Условия, в которых содержались оба брата,были куда мягче. Так, Петру Ивановичу меньшему уже 15 марта 1683 г. было разрешено выехать из Суздальской деревни, в которую он был сослан и «жить в деревнях своих, где он похочет, а к Москве ему без указу не ездить»[130]. Только 11 января 1688 г. его брату было велено «из деревни его быть к Москве и жить на дворе своем, а в город и никуда со двора его не съезжать»[131]. Хованские смогли вернуться в Думу лишь после падения царевны Софьи Алексеевны и установления фактического единодержавия Петра осенью 1689 г. В феврале 1690 г. троим князьям Хованским — Петру Ивановичу большому, Ивану Ивано-

вичу большому и Петру Ивановичу меньшому — были возвращены боярские титулы[132].

История падения князей Хованских позволяет сделать несколько выводов. Прежде всего, самое пристальное исследование не позволяет выявить какой-либо аристократической фронды, стоящей за Хованскими. Напротив, их сторонники почти всегда оказываются выходцами из незнатных родов, а порой даже принадлежат к провинциальному дворянству (см. ниже, раздел 3, о новгородских дворянах Вындомских). Во-вторых, достаточно ясно вырисовывается цель князей Хованских, к которой они стремились начиная с майских событий 1682 г. — первенство в Боярской думе (а не мифическое овладение престолом). Хованские стремились достичь его, опираясь на поддержку столичного стрелецкого гарнизона. Однако последний не смог активно противостоять собравшемуся в Троице дворянскому ополчению, фактически в последний раз сыгравшему решающую роль в политической истории России.

Думные комиссии и подавление стрелецкого восстания 1682 г.

Казнь князей Хованских и обнародование материалов об их «измене» положили конец деятельности руководимой ими боярской комиссии, «ведавшей» Москву. Новая комиссия была сформирована уже в день казни — 17 сентября 1682 г. В нее вошли боярин Михаил Петрович Головин, окольничий Богдан Федорович Полибин, думный дворянин Иван Иванович Сухотин и думный дьяк Иван Горохов. Возглавить комиссию должен был боярин князь Федор Федорович Куракин[133]. Один из старейших бояр Думы[134], кн. Ф. Ф. Куракин был близок с Милославским — в свое время он являлся дядькой царя Федора Алексеевича[135]. Вероятно, сыграло свою роль и то, что дядя князя Федора Федоровича Григорий Семенович Куракин, не раз оставался во главе подобной комиссии «на Москве» при царе Алексее Михайловиче[136]. Однако вручить Ф. Ф. Куракину власть в столице на деле было достаточно трудно. Еще 14 сентября ему была послана грамота с приказом явиться в государев поход в Троицу, однако боярин не сделал этого[137]. Только

22 сентября 1682 г., когда пропала надежда на то, что князь Ф. Ф. Куракин сам явится в поход, ему была послана новая грамота. В ней ему велено было «ехать к Москве тотчас», «не мешкая ни часу» и быть на Москве с товарищами своими, а о приезде тотчас известить в Троицу[138]. Грамоту переправляли через Москву, где уже находились члены думной комиссии. «...Грамоту и боярину ко князю Федору Федоровичю Куракину послали мы, холопи ваши, с человеком ево с Тимошкою Спаским, — писали московские власти. — А по скаске, государи, того человека ево, Тимошки, боярин Федор Федоровичь в вотчине своей в Дедиловском уезде». Грамоту не смогли послать «нарошно» потому, «что печатника Дементья Минича Башмакова с... государскою печатью на Москве нет, подорожной запечатать нечем»[139].

Уже 24 сентября грамота была доставлена адресату. Князь Ф. Ф. Куракин выехал «к Москве» через день, оправдываясь тем, что «дорогою... топи и грязи великие и ехать наскоро невозможно», просил царей на него «в опале не быть»[140]. Только 2 октября боярин добрался до столицы, вступил в свои права руководителя комиссии и направил отписку об этом в Троицу. Однако в тот же день в Троице дан был новый указ, по которому князю Ф. Ф. Куракину велено было «ехать... в поход в Троецкой Сергиев монастырь, а на Москве быть товарыщу твоему боярину нашему Михаилу Петровичю Головину с товарыщи по-прежнему». Грамота об этом была в тот же день послана в Москву. Можно предположить, что везший ее подьячий Тимофей Красной разминулся по пути с гонцом из Москвы, разрядным подьячим Петром Поликострицким, доставившим в Троицу первую и последнюю отписку несостоявшегося главы комиссии[141]. Так или иначе, но новое правительство отдало должное деятельности боярина М. П. Головина в роли фактического руководителя думной комиссии, длившейся к тому времени уже две недели. Так боярин М. П. Головин, которому первоначально предназначалась второстепенная роль, занял пост руководителя комиссии[142].

Новое назначение застало М. П. Головина в «государевом походе». «Егда же над болярином княз Иваном Хованским тако сотворися, в царствующем граде Москве стрельцы взволновалися паче прежняго, и бояр и приказных и един

человек не бысть в Москве, точию сами стрельцы... — свидетельствует связанный с патриаршей канцелярией автор "Иконы...". — Но по неколиких днех прислан бысть в Москву от государей из похода болярин Михаил Петрович Головин, и был в Москве до их царского пришествия в царствующий град...»[143] Высокую оценку деятельности М. П. Головина дал впоследствии близкий Нарышкиным А. А. Матвеев в своих «Записках»: «...Как муж в гражданстве искусный и по кротости своей целомудренный на мятежи те большие, теми он бунтовщиками стрельцами непоколебломо восхотел управлять порученное ему то дело. И к тем обычным их прежним неистовствам и самовольствам не пускал их, несмотря на их страх, и по всей возможности подчинял и приводил стрельцов в прежнее и достодолжное их во всем послушание и в надлежащую покорность. Убитых бояр в домах, в тот их стрелецкий бунт, расхищенные ими пожитки, по доводам сысканные, назад всех возвращал, и в царскую казну по росписям отсылал, за которое то правосудие свое и честное правление от всех был почтен»[144]. С другой стороны, выражавший позицию правительства регентства автор «Созерцания краткого...» отметил, что М. П. Головин ведал столицей, «стяжав терпение и досаждение немало»[145]. Высокая оценка деятельности руководителя думной комиссии сторонниками обоих противоборствующих придворных группировок свидетельствует о том, что он в известной мере был независим от них.

Согласно уже использованной отписке кн. Ф. Ф. Куракина, на 2 октября 1689 г. в Москве из членов думной комиссии были только боярин М. П. Головин и думный дворянин И. И. Сухотин. «А... окольничей Богдан Федорович Полибин и думный дьяк Иван Горохов по вышеписанное октября по 2 число к Москве не бывали»[146]. Тем самым на плечи двух человек легла непосильная нагрузка, связанная с большим объемом делопроизводства. «А думного дьяка с нами холопи вашими нет, подписывать челобитень некому, и о присылке по вашей государские печати и думного дьяка, что вы, великие государи, — укажите», — писал М. П. Головин «с товарыщи в Троицу». К сожалению, помета с царским указом обрывается на полуслове: «Великие государи, слушав сей отписки, указали и бояря приговорили печатнику Дементью Миничю

[Башмакову]...»[147] По той же причине думная комиссия не отпустила из Москвы в Троицу разрядного дьяка Перфилия Оловянникова, доверенное лицо и корреспондента кн. В. В. Голицына: «И мы, холопи ваши, его, Перфилья, с Москвы не отпустили для того, что он, Перфилей, сентября со 18 по 28 число у ваших в. г. дел с нами, холопи вашими, один»[148]. В состав временной канцелярии боярской комиссии вошел и дьяк И. Максимов. Согласно указу о его пожаловании, он «во время их государского походу был на Москве у их, великих государей, дел» с боярином М. П. Головиным «и им, великим государям, работал и в Смутное время над винными у казней был и всякий страх принимал»[149].

Впоследствии в состав комиссии был введен думный дворянин П. С. Хитрово. «Указали мы, великие государи, с тобою, боярином нашим в товарыщах думному нашему дворянину Петру Савичю Хитрово, и как к тебе ся наша, великих государей, грамота придет, и ты б, боярин наш, велел [ему — *А. Л.*] быть с собою в товарыщех», — гласила царская грамота, адресованная М. П. Головину[150]. П. С. Хитрово был пожалован думным дворянством 25 июня 1682 г., по случаю венчания на царство Ивана и Петра Алексеевичей, что, казалось бы, свидетельствует о его близости к Милославским[151]. Однако осведомленный генеалог свидетельствует о том, что Петр Савич «был одним из немногих Хитрово, которые держали сторону Нарышкиных и Петра»[152]. Вероятно, подобно самому руководителю комиссии, П. С. Хитрово не следовал до конца ни за одной из придворных группировок.

Впоследствии было указано пожаловать «против» участников Троицкого похода «боярина Михаила Петровича Головина да думного дворянина Ивана Ивановича Сухотина, за их службу, что они в нынешнем в 191 году, по их, великих государей, указу, были на Москве на их государеве дворе для расправных дел и в Смутное время от шатости многих людей унимали...»[153]. В разрядной записи обращает на себя внимание необычное название комиссии — «на их государеве дворе для расправных дел». Как уже было отмечено, третья комиссия князей Хованских оставалась «на Москве на их государском дворе». В новом названии подчеркивалась судебная, «расправная» сторона деятельности новой думной ко-

миссии. Присланная в еще не усмиренную столицу, она должна была взять на себя дело политического сыска, выявить истоки «смуты».

Суд и политический сыск вошли в компетенцию боярской комиссии прежде всего потому, что оказался бездействующим Стрелецкий приказ, в котором ведались политические преступления. Вплоть до 17 сентября 1682 г. во главе его стоял сам боярин князь И. А. Хованский. Его товарищем быль окольничий Венедикт Андреевич Змеев[154]. Еще 12 сентября, за 5 дней до казни князей Хованских, к нему в деревню была послана грамота с указом ехать «к Москве... безо всякого мотчанья»[155]. С. К. Богоявленский считает, что В. А. Змеев был вызван, «конечно, для того, чтобы следить за Хованским»[156]. Однако Змеев приехал в столицу лишь 14 сентября, проведя самый тревожный месяц осени 1682 г. за стенами Троицы. Змеев распорядился убрать с Лыкова двора в Кремле колодников и прибылой караул «надворной пехоты», а заодно и укрепить стенной караул[157]. Однако уже 10 декабря 1682 г. В. А. Змеева потеснил на его посту единоличного руководителя приказа назначенный туда Ф. Л. Шакловитый[158]. Борьба за влияние в приказе В. А. Змеева, которого Невилль называет «креатурой» Голицына[159], и Ф. Л. Шакловитого, близкого царевне Софье Алексеевне и боярину И. М. Милославскому, очень характерна: начинается перераспределение постов внутри одного и того же придворного клана.

Именно М. П. Головину и его «товарищам», а не руководителям Стрелецкого приказа, пришлось умиротворять московских солдат и стрельцов. Приезд членов боярской комиссии в Москву совпал с новым «всполохом», на этот раз случившимся в выборном полку стольника Родиона Жданова. Поводом для него явилось то, что «сентября в 20 день взято было у них в Марьине роще два человека салдатов с лошадми; и в полку де у них учинился от того страх и сумнение». Солдаты начали разбирать с Пушечного двора оружие и боеприпасы[160]. Боярская комиссия в тот же день заслушала самого полковника Р. Жданова и приняла от него записанные в полковой канцелярии показания свидетелей. Так, крестьянин села Останкина Т. Нестеров и сокольник Ф. Мартынов показали, что они видели как «десеть [или двенадцать] чело-

век в садаках» выпрягли лошадей из подводы, в которой ехали двое солдат, связали их и увезли с собой. Судя по тому, что оба свидетеля, столкнувшись с нападавшими, поспешили выдать себя за «боярских людей», можно предположить, что здесь действовал отряд из холопов, разбежавшихся с московских боярских дворов. Вместе с «распросными речами» боярская комиссия выслала в Троицу «маеора Василья Очакова для подлинные ведомости»[161]. Впоследствии, в «повинной заручной челобитной», поданной в Троице 2 октября 1682 г., солдаты признают, что «того [разбирать оружие. — *А. Л.*] было им без... повеления их царского величества делать не годилось»[162]. После этого начнется мирная сдача оружия солдатами и стрельцами комиссии М. П. Головина, и назревавший конфликт тем самым будет удачно устранен.

Благодаря этому в столице сложилась новая обстановка, позволившая боярской комиссии заняться освобождением арестованных стрельцами, сидевших «в Приказе надворные пехоты [Стрелецком — *А. Л.*] и в сьезжих избах за караулом без дел». Состав «сидельцев» достаточно характерен: сюда вошли холопы боярина кн. М. И. Лыкова и служилый иноземец полуполковник Д. Цей[163]. «Люди» князя Лыкова пострадали, очевидно, из-за участия других холопов их господина в захвате князей Хованских. Что же касается Д. Цея, то в его аресте можно видеть неудачную попытку запугать Немецкую слободу, проявившую верность династии.

В тот же день, когда решался вопрос об освобождении арестованных — 22 сентября 1682 г. — полуполковники, всех стрелецких полков подали челобитную о «денежном и хлебном жалованье». «Служим мы холопи ваши... всякия службы... и ныне на караулех стоим безпрестанно, — говорилось в челобитной, — и, живучи на Москве, одолжали и оскудали в конец»[164]. В тот же день челобитная с сопроводительной отпиской московских властей выслана была в Троицу. Однако, если верить помете с царским указом, денег в казне хватало только «на свечи, на чернила, на дрова» для приказов. Выдача жалованья была отложена на то время, «как их, государей, пришествие будет к Москве»[165]. Представляется, что комиссия М. П. Головина, фактически выступившая с ходатайством за московских стрельцов, заняла

более уместную позицию, чем новое правительство, явно слишком увлекшееся военными приготовлениями.

Между тем, момент для отказа был выбран совершенно неудачно. 22 сентября патриарший крестьянин села Марфино известил солдат, что «бутто по Троецкой дороге идут боярские люди конные и пешие с ружьем и с пушками великим собранием... и хотят приходить на Бутырскую слободу сентября против 23 числа в ночь»[166]. В тот же день к М. П. Головину «приходили... надворные пехоты изо всех полков челобитчики и били челом великим государем, а им говорили словесно, чтобы они, великие государи, пожаловали их, велели им быть к себе, великим государем, в поход для челобитья, по сколку человек ис полку они, великие государи, укажут». Об этом М. П. Головин сообщил на следующий день в отписке, дошедшей только в пересказе из "Созерцания краткого..."[167]. «И по тому их прошению боярин с отпискою послал дву человек их же братьи, — дополняет тот же автор «Созерцания краткого...», — А они ис похода великих государей грамоту привели к боярину [М. П. Головину — *А. Л.*], чтобы изо всех полков послати лутчих людей по двадцати человек»[168]. Эта переписка задержала высылку выборных, которые добрались до Троицы только 27 сентября. По пути некоторые из них «своровали, з дороги бежали к Москве и на Москве надворные пехоты всеми полками возмутили и учинили сполохи большие». О поимке виновных тотчас был послан указ М. П. Головину[169]. Несколько позже ему же было велено собрать заручные челобитные со стрельцов[170]. Впоследствии на боярскую комиссию был возложен контроль за соблюдением восставшими условий капитуляции.

Умиротворение стрелецкого гарнизона сделало возможным широкое развертывание политического сыска, явившееся одной из важнейших сторон деятельности боярской комиссии. Судебную компетенцию боярской комиссии, казалось бы, должно было сузить создание 11 октября 1682 г. Палаты расправных дел[171]. Однако значение последней в большой мере снижалось тем, что все ее члены находились в Троице. Поэтому комиссия М. П. Головина продолжала рассматривать политические дела как до, так и после 11 октября. Так, 8 сентября комиссии было поручено дело А. Микитина, пятидесятника полка стольника и полковника

Н. Глебова, якобы собиравшегося остановить карету патриарха Иоакима[172]. 14 сентября 1682 г. М. П. Головин «с товарыщи» сообщил в Троицу, что по царскому указу двое стрельцов — К. Бархатов из полка М. Марышкина («за ево воровство и за смертное убивство») и О. Савельев из полка А. Данилова («за многие непристойныя слова и за смуту») — казнены на Красной площади[173]. На следующий день в Москву была прислана царская грамота, в которой велено было взять «за караул» П. Осипова (Лобова), стрельца полка стольника и полковника Н. Д. Глебова, который учинил «многое возмущение к воровству... меж своей братьи», сразу после казни князей Хованских[174]. А с 20 сентября боярской комиссии вверена была и ссылка в Сибирь арестованных стрельцов[175].

С деятельностью посадских выборных связана одна сторона работы думной комиссии, которая еще не получила должной оценки. Речь идет о взаимодействии думной комиссии с Сотенной палатой. Обычно это был орган сотенного самоуправления, состоявший из выбранных на мирских сходах старост и соцких и помогавший Земскому приказу распределять денежные и натуральные повинности чернослободских миров. Впервые обратил внимание на Сотенную палату С. К. Богоявленский, установивший что она «имела свой штат подьячих... и ходоков, получала памяти и указы для сообщения сотням и слободам, получала деньги, предназначенные для всех сотен»[176]. В условиях московского восстания 1682 г. Земский приказ утратил контроль над столицей, и Сотенная палата выступает уже самостоятельно.

Об этом свидетельствует память из Земского приказа в Посольский приказ от 15 июня 1694 г., выявленная С. К. Богоявленским. Согласно памяти, торговый человек, тяглец Дмитровской сотни Иван Романов был пожалован за то, что он в 1682 г. «по выбору гостей и Гостиной сотен служил в Сотенной полате не в очередь по неволе в соцких, и, будучи в смутное время, был во всяком смертном страховании и во ужасе и сотенных людей от всякого мятения и дурна унимал и опасал и боярину Михаилу Петровичю Головину с товарыщи, которые тяглецы в то время были в шатости извещал»[177]. Тем самым формируется своеобразная структу-

ра власти. При том, что приказной аппарат остается парализованным, думная комиссия вступает во взаимодействие с органами посадского сословного самоуправления[178]. Это еще раз подчеркивает их жизнеспособность и самостоятельность, впоследствии использованную Петром Великим во время его административных реформ.

Конечно, деятельность думной комиссии под руководством боярина М. П. Головина не ограничивалась всем этим. Так, думные люди регулярно пересылали из Москвы в Троицу полученные ими отписки от городовых воевод[179]. В компетенцию комиссии М. П. Головина вошли и обычные для думных комиссий заботы о «бережении» столицы от частых пожаров. Так, например, в одной отписке М. П. Головин «с товарыщи» писали, что «октября против 6-го числа в пятом часу ночи учинился пожар в Земляном городе, за Никицкими вороты, в приходе у церкви Иоанна Богослова на дворе у стольника у Борисовские жены Григорьева сына Зюзина, у вдовы Настасьи Дмитриевой дочери...»[180]. В другой отписке сообщалось, что «ноября против 3-го числа в 9-м часу ночи на... в. г. дворе загорелось бочечное ветхое обручье и всякое щепье...»[181]. Итог деятельности комиссии подводила царская грамота, составленная накануне «на... великих государей стану, в... дворцовом селе Алексеевском». В ней даны были распоряжения выслать служилых людей московских чинов, приказных людей и представителей московского посада для встречи царского двора, собиравшегося торжественно вернуться в Москву на следующий день — 3 ноября 1682 г.[182]

Роль думной комиссии в событиях осени 1682 г. была очень большой. Автор «Созерцания краткого» образно обрисовал обстановку, в которой она приступила к работе: «Люди единыя державы, единыя православныя веры, едини единых боятся: служивыя — боярских холопей, бояре и холопи — служивых, посацких же и иных чинов всякия люди отовсюду и всех боятся, и присно всякий себе бедства и смерти ожидает»[183]. Деятельность М. П. Головина, способствовала примирению противоборствующих сил, подготовила условия для вступления в свои права правительства регентства. Однако при нем М. П. Головин и его сподвижники быстро были оттеснены на второй план приверженцами ца-

ревны Софьи Алексеевны. Тем не менее, идея сильного боярского правительства, независимого от противоборствующих придворных группировок, не исчезла из московского политического обихода. Подкрепленная горьким опытом «хованщины», она вновь появляется уже на следующий год; русское общество связывало с ней надежду на прекращение розни и междоусобий в правящих верхах.

Служилые землевладельцы и борьба за власть после казни князей Хованских

Вопрос о восстании в Москве и о роли дворянского ополчения в событиях осени 1682 г., о его составе и структуре, был поставлен в историографии сравнительно недавно. В монографии В. И. Буганова, обобщившей значительный материал, справедливо отмечено, что восстание привело к консолидации класса служилых землевладельцев. «Класс феодалов единодушно встал на защиту своего правительства от социально враждебных им стрельцов и солдат, и последние быстро капитулировали», — пишет В. И. Буганов[184]. Однако нельзя не видеть разнородность сил, собравшихся в троицком лагере и в подмосковных полках. Здесь были представлены различные сословные слои и группы, еще не объединенные в общую для всей страны сословную организацию феодального класса — московские чины, городовые дворяне и дети боярские, служилые иноземцы, получившие поместья и вотчины. Вся эта пестрая масса была предрасположена к втягиванию в конфликт, принимавший тем самым не столько социальный, сколько гражданский характер. Не учитывая этой особенности событий осени 1682 г., трудно объяснить целый ряд распоряжений нового правительства, носящих, казалось бы, противоречивый характер.

На следующий день после казни князей Хованских, 18 сентября 1682 г., назначены были дворовые воеводы. Ими стали бояре князья В. В. Голицын и М. И. Лыков. Товарищами их были назначены думный дворянин А. И. Ржевский, думный генерал А. А. Шепелев и дьяки Артемий Степанов и Семен Иполитов[185].

Любопытно, что если в подлинной разрядной записи указа дворовыми воеводами названы оба боярина, то в передаче «Созерцания краткого...» это звание носит только князь Василий Васильевич Голицын, а все остальные, упомянутые в первоначальном тексте указа, названы его товарищами[186]. Это очень точно отражает структуру власти, сложившуюся в Троице. Будущий «канцлер предпетровской поры» быстро оттеснил на второй план князя М. И. Лыкова, отличившегося во время ареста князей Хованских[187]. Отныне в документах кн. В. В. Голицын упоминается только с новым титулом. Впоследствии, в деле о награждении кн. В. В. Голицына за заключение Вечного мира с Польшей в 1686 г. «троицкая служба» будет лишь кратко упомянута[188]. Однако именно командование дворовым полком осенью 1682 г. явилось одной из решающих ступеней на пути к власти, к месту фактического правителя Русского государства.

Дворовый полк, которым должны были руководить воеводы, был достаточно малочисленным. На 18 сентября в государевом походе «налицо» было 124 стольника, 52 стряпчих, 89 жильцов и 52 московских дворянина[189]. Еще 19 стольникам, 9 стряпчим, 3 дворянам московским и 18 жильцам указано было прибыть в Воздвиженское к тому же числу[190]. Однако эта горстка служилых людей московских чинов не могла, конечно, обеспечить охрану двора. Поэтому в тот же день, 18 сентября, была послана «государева грамота в Новонемецкую слободу и полковником и всяких чинов к начальным людем». Всем им было указано «поспешить неоплошно» в государев поход[191]. «Двор... приказал немецким офицерам, которых там большое число, немедленно явиться в Троицу, — сообщает де ла Невилль в “Записках о Московии”, — Все послушались приказа, оставив своих жен и детей, чтобы послужить монархам, и никто из них не испугался, что стрельцы не отомстят его семье за то послушание, которое он выказал царям. Такой страх мог быть небезосновательным, так как эти немцы жили в предместье Москвы, называемом Кокуй, и стрельцы не преминули бы прийти с целью сокрушить все и вся, но они были остановлены доводами нескольких своих старых товарищей, по мнению которых, если бы они вырезали жен немцев, то мужья, как только соберут свои отряды, отомстят за них, и что, вообще,

это не средство для того, чтобы достигнуть их цели»[192]. Саксонец Георг-Адам Шлейссинг также свидетельствует, что «офицеры... послушно явились на зов великого князя», а «между тем, оставленные семьи жили в большом страхе и ужасе в своей слободе, ожидая всякий час и момент опасности подлой смерти»[193]. На 26 сентября в Троице всего «объявилось в приезде» всего 69 «полковников, и капитанов, и начальных людей иноземцов и новокрещеных» Казанского разряда[194]. Нужно сказать, что и в Троице служилые иноземцы не чувствовали себя достаточно уютно. Об этом свидетельствует царский указ «боярским людям», в котором, среди прочего было сказано: «Да вам же с иноземцом, черкасом, немцом и иным никаких людем поносных никаких слов не говорить и ничем не дразнить»[195]. Не связанные с русской жизнью и плохо разбиравшиеся в ней, служилые иноземцы видели единственный выход в верности правящей династии.

Но этого нельзя было сказать о других войсках, собиравшихся на помощь к царскому двору. Новое правительство, отчаянными мерáми пытавшееся изменить соотношение сил в свою пользу, тем самым косвенно способствовало разрастанию гражданского конфликта, захватывавшего всю страну. В тот же день, что и грамота в Немецкую слободу — 18 сентября 1682 г. — были посланы сборщики «для збору и высылки ратных людей». В Коломну и Каширу послан был боярин А. С. Шеин, в Дмитров, Кашин, на Углич и в Бежецкий Верх — князь П. И. Шаховской, в Клин, Тверь, Торжок и Старицу — князь И. Ф. Волконский. Сбор ратных людей в подмосковье вели также Д. А. Камынин, И. Б. Яковлев и М. Д. Тургенев[196].

Тревожную обстановку, в которой проходил сбор ратных людей, помогает раскрыть отписка романовского воеводы А. Вадбальского. 22 Сентября 1682 г. в Романов приехал казначей С. Ф. Толочанов. «...Семен Федоровичь Толочанов... объявил нам, холопем вашим, вашу великих государей грамоту из Разряду за приписью думного дьяка Федора Леонтьевича Шакловитова а в той вашей великих государей грамоте писано: о чем он казначей Семен Федорович нам холопем вашим учнет говорить, и нам велено тому верить, — писал воевода "с товарищи". — И ваш великих государей

указ казначей Семен Федорович нам, холопем вашим, на словах объявил, что де прислан он на Романов от вас, великих государей, для высылки к вам, великим государем, в Троицкой поход всяких чинов ратных людей». Воевода отвел С. Ф. Толочанову «стоялые и съезжей» дворы и выделил ему в подчинение площадных подьячих, пушкарей «всех до одного человека» и всех ямщиков с подводами, оставив себе «для... дел» только одного подьячего. Казначей получил также «книги» романовских служилых людей и пять отставных дворян в помощь. В результате ему удалось управиться за три дня, и 25 сентября С. Ф. Толочанов выехал в Кострому. Остальных романовских служилых людей, не поспевших к тому времени на сбор, выслал впоследствии в Троицу сам воевода[197].

Боярин Петр Семенович Урусов был послан во Владимир, Суздаль, Лух и Шую — города, перечисленные еще в царской грамоте[198]. Сохранился отпуск данной ему грамоты, подобной той, которую предъявил воеводе казначей С. Ф. Толочанов. «И как он, боярин... в вышеписанные городы приедет и о чем вам... говорить или писать к вам учнет, и вы б тому верили и по тем ево словам и писму то чинили без мотчанья», — сказано в грамоте[199]. Однако вплоть до конца сентября боярин не приехал и в первый из переписанных городов — во Владимир. Об этом свидетельствует отписка владимирского воеводы Д. Наумова, которому «сентября в 30 день **писал...** [выделено мною. — *А. Л.*] в Володимер боярин князь Петр Семеновичь Урусов» о высылке ратных людей[200].

Совсем иначе проходила деятельность другого «сборщика» — стольника князя Перфилия Ивановича Шаховского. О его кипучей активности свидетельствует его шесть отписок в Троицу. 19 сентября кн. П. И. Шаховской приехал в Дмитров, где оказал служилым людям московских чинов и городовым дворянам и детям боярским, «которые живут от Дмитрова поблиску, чтоб они... ехали с свою службою в Троецкой Сергиев монастырь тотчас днем и ночью»[201]. 20 сентября П. И. Шаховской выслал из Дмитрова 13 ратных людей, 21 сентября — 16, а 22 сентября — еще двух. Всего в Троицу было направлено 30 служилых людей (9 стольников, 11 стряпчих, 2 московских дворянина, 4 жильца и 4 начальных

людей)[202]. Послав в уезд площадных подьячих, дьячков приказной избы и монастырских служек для высылки оставшихся служилых людей, князь П. И. Шаховской 22 сентября поехал в Кашин, куда и прибыл 24 сентября[203]. В Кашине все вновь повторилось, если не считать того, что теперь мобилизации подлежали уже и копейщики, рейтары и солдаты. Солдат в Кашине не нашлось, зато копейщиков и рейтар было соответственно 7 и 21, под командованием 4 поручиков и прапорщиков. Вместе с 23 служилыми людьми московских чинов и 5 городовыми дворянами, они были 24 сентября высланы в Троицу. 26 сентября Шаховской уехал в Углич. Здесь он продолжил свою неутомимую деятельность и 27 сентября послал в Троицу еще 62 ратных людей[204]. Затем он направился в Бежецкий Верх. Здесь его нагнала 2 октября царская грамота, посланная из Троицы еще 22 сентября, о высылке в поход монастырских служек. «Конных людей з боем» полагалось взять с монастырских и с архиерейских вотчин, одного со ста дворов. Одновременно указано было выслать «ружье какое где есть, и зелье, и свинец»[205]. В трех своих отписках кн. П. И. Шаховской сообщает о служках и наряде, направленном в Троицу[206]. Согласно отпуску ответной грамоты, направленной 11 октября, ему велено было свернуть военные приготовления и ехать «с сыном с князем Иваном» в Троицу[207]. К тому времени он уже находился в Кашине, куда направился еще 5 октября[208]. Отсюда он успел, до своего отзыва, выслать еще и «монастырских служек»[209].

Деятельность «сборщика» стольника кн. И. Ф. Волконского была связана с Клином, Тверью, Торжком и Старицей. Прибыв в Клин 21 сентября, он на следующий день выслал в Троицу 26 ратных людей[210]. В уезд были посланы «во все станы и волости» рассыльщики и подьячие. Согласно помете на его отписке, «то он учинил добро; и он бы и достальных ратных людей высылал из тех городов с великим поспешеньем... без всякого мотчанья, чтоб ему ис тех городов московских чинов и городовых начальных людей, и рейтар, и копейщиков, и солдат выслать всех до одного человека, а достальных собрал всех с собою». Помета относится к 25 сентября и уже днем позже, как это будет видно ниже, подобное распоряжение уже не могло появиться. Следующую отписку

кн. И. Ф. Волконский послал уже из Твери, откуда он направил в Троицу служилых людей и целовальников с денежной казной. Отсюда он «для поспешения» писал к старицкому воеводе Леонтию Родичеву о высылке служилых людей. Приказав собрать из уезда даточных солдат к 30 сентября, кн. И. Ф. Волынский 27 сентября направился в Торжок[211]. Там его и застала новая царская грамота, присланная из Москвы 1 октября 1682 г., дополнявшая прежний наказ требованием «с архиерейских и с монастырских вотчин взять служек конных людей з боем, и со всею службою»[212]. На последней отписке, в которой кн. И. Ф. Волконский сообщал об отправке в Троицу 2 октября 46 солдат, сделана помета: «Великие государи указали тех солдат отпустить по домом. А что они по высылке пришли в Троицкой монастырь вскоре, и за то их похвалить... А князю Ивану Волконскому велеть ехать в Троицкой монастырь и о том к нему послать свою государскую грамоту»[213].

Меньше известно о деятельности других «сборщиков» ратных людей. Так, например, приехавший 23 сентября 1682 г. в Волоколамск стольник Д. А. Комынин выслал оттуда 20 «всяких чинов ратных людей»[214]. По помете с царским указом от 29 сентября, велено было «к нему ж послать великих государей грамоту, чтоб он изо всех городов где ему быть велено, ратных людей выслал всех до одного человека безо всякого мотчанья»[215]. Согласно отписке И. Б. Яковлева, ему только «в нынешнем... 191 году сентября в 21 день» было велено выслать ратных людей на службу из Боровска[216]. Видимо, Яковлев уже находился там, поскольку уже на следующий день смог собрать и выслать в Троицу 7 стольников, 5 стряпчих, 7 московских дворян, 7 жильцов, 19 рейтар и 30 драгун (к тому времени, служилые люди, уже, должно быть, приготовились к службе согласно указу, данному в первой половине сентября 1682 г.)[217].

Все это пестрое, разнородное войско, включавшее в себя служилых людей московских и городовых чинов, архиерейских служек и боярских холопов, собиралось в Троице. Монастырская крепость уже не могла вместить всех приехавших по государеву указу. Поэтому 20 сентября 1682 г. был дан указ о том, чтобы служилым людям московских чинов «которые написаны в сотни... ночевать... по очереди по две

сотни в ночь» в монастыре. Всем остальным полагалось уходить из крепости на посад после «четвертаго часу ночи», когда монастырь запирался[218]. Однако и на посаде уже становилось тесно. Об этом свидетельствует указ от 30 сентября. Ратным людям, «которые ныне приехали для службы в Троецкой Сергиев монастырь», велено было «стоять для многолюдства по деревням от монастыря в версте, и в двух, или в трех верстах, чтоб меж ними о дворех ссоры не было»[219]. 3 октября появился новый указ, запрещавший служилым людям, «опричь бояр, и окольничих и думных людей», занимать «по два или по три двора». На «лишние» дворы полагалось ставить челобитников, не нашедших себе место для постоя, а на «пространные» — даже по несколько служилых людей. Судя по списку улиц, куда были посланы дворяне с этим указом (Ильинская, Клементьевская, Трехсвятская, Рождественская, Воскресенская и Пятницкая), весь посад превратился в военный лагерь[220].

Основу троицкого лагеря составили служилые люди московских чинов. Согласно подсчетам В. И. Буганова, в Троице их собралось к 26 сентября — 1114 человек, к 26 октября — 4935 человек[221]. Однако эти данные получены из кратких разрядных справок об общем числе приехавших, в которых зачастую перемешивались служилые люди разных чинов. Имеющийся в нашем распоряжении Смотренный список Троицкого похода 1682 г., содержащий поименный перечень служилых людей, позволяет утверждать, что в Троицу приехало всего 1513 стольников, 413 стряпчих и 885 московских дворян.

Таким образом, к смотру на Постельном крыльце, состоявшемуся 15 ноября 1682 г., явилось всего 2811 служилых людей московских чинов[222]. Близкую цифру — 2347 служилых людей — дает разрядная сводка, также не использованная В. И. Бугановым[223]. К сожалению, С. К. Богоявленский, указавший третью цифру — 2846 служилых людей московских чинов — не указал источника, которым он воспользовался[224]. Во всяком случае нужно признать, что столичного дворянства в Троице было не более трех тысяч человек, что составляло лишь треть наличного состава Государева двора, насчитывавшего в это время 7625 человек (1390 стольников, 1180 стряпчих, 1900 дворян московских и 3155 жильцов)[225].

Согласно указу, в Троицу высланы были и городовые дворяне и дети боярские. «...К царскому двору, помимо думных людей и московских дворян, прибывали и другие лица, вплоть до уездных дворян (очевидно, близлежащих к Троице уездов), — пишет В. И. Буганов. — К тому же, не все данные по этому вопросу известны»[226]. Таким образом, историк оставляет открытым вопрос об общей численности дворянского ополчения. Приблизиться к его решению помогают данные Смотренного списка Троицкого похода 1682 г. Хотя начало поименного перечня городовых дворян и детей боярских не сохранилось, к нему приложена сводка, в которой указано количество приехавших от каждого «служилого города», а внутри городов — по характеру службы. Всего приехало 1648 городовых дворян и детей боярских[227], представлявших 46 «служилых городов». Собравшееся в Троице войско наглядно свидетельствовало о кризисе провинциального дворянства. Только 402 человека (24,4%) оказались способны нести по-прежнему «полковую» службу. Зато 1130 человек (68,5%) уже опустились до уровня рейтар и копейщиков. В состав дворянского ополчения вошли также 94 новокрещена и 12 гусар.

Таким образом, в Троице оказались объединены, с одной стороны, столичные феодалы, чьи непосредственные интересы затронуло московское восстание, и, с другой стороны, городовые дворяне и дети боярские, зачастую приближавшиеся по своему имущественному положению и сословному статусу к восставшим стрельцам и солдатам. Поэтому новое правительство незамедлительно приняло решение рассредоточить провинциальных дворян и детей боярских по Подмосковью.

Это решение было принято, вероятно, на заседании Боярской думы в Троице 22 сентября 1682 г. Сохранилась краткая запись принятых решений, видимо, сделанная одним из приказных во время заседания. Среди прочих распоряжений было указано «грамоты во все замосковные и заоцкие городы за отворчетыми печатьми чтоб московских чинов люди опроче городовых и рейтар ехали в Троицкой Сергиев монастырь»[228]. Городовых дворян и детей боярских намечено было распределять по подмосковным полкам.

Принятое решение нашло отражение в грамоте, разосланной городовым воеводам 26 сентября 1682 г. Воеводам

было предписано выслать в Троицу «московских чинов людей». Последним положено было ехать «тотчас со всею службою и полными запасы», взяв с собой «людей своих, которых они писали в скасках за собою»[229]. О городовых дворянах и детях боярских в грамоте не было сказано ни слова. Им был посвящен особый указ, согласно которому в подмосковных полках велено быть «полковые службы дворяном, и детем боярским и копейщиком, и рейтарам, и солдатом, которые из детей боярских и которые служили в выборном полку». Служилые люди делились на четыре полка, в зависимости от города, по которому каждый служил.

Этот указ приведен в «Созерцании кратком...» под тем же 26 сентября 1682 г., что и первый указ[230]. Н. Г. Савич и В. И. Буганову удалось обнаружить недатированную разрядную запись этого указа, который они отнесли к 26 сентября — 5 октября 1682 г.[231] Основанием послужило, с одной стороны, упоминание боярина князя А. И. Голицына в качестве ертаульного воеводы (он сменил на этом посту 26 сентября боярина Б. В. Бутурлина)[232], с другой стороны, то, что указ о новой расстановке полков был дан 5 октября 1682 г.[233] Однако в разрядной записи вовсе не упомянут И. Д. Голохвастов, назначенный товарищем воеводы Владимирского полка боярина князя П. С. Урусова 2 октября[234]. Это позволяет датировать появление разрядной записи 26 сентября — 1 октября 1682 г. Вполне возможно, что правильно датирован был указ и в «Созерцании кратком...», так как он прямо перекликается с указом о высылке в Троицу служилых людей московских чинов.

Согласно указу, Ертаульный полк (в «Созерцании кратком...» он назван Северским) под командованием боярина князя А. И. Голицына и окольничего князя К. О. Щербатова формировался в Клину, Владимирский полк (боярин князь П. С. Урусов, думный дворянин И. Д. Голохвастов и стольник Я. С. Борятинский) — во Владимире, Рязанский полк (боярин А. С. Шеин и окольничий Д. Н. Щербатов) — в Бронницах[235], Заоцкий (боярин И. С. Волынский и окольничий Б. Ф. Полибин) — в Боровске.

Собравшиеся полки должны были подойти на 30—40 верст к Москве и перерезать важнейшие пути в восставшую столицу. Северский полк подошел из Клина по тверской до-

роге и встал в селе Черкизове, «от Москвы 30 верст». Здесь сходились две дороги, соединявшие с Москвой северо-запад и северо-восток страны. Одна из них, так самая Тверская дорога, по которой полк был выдвинут на ближние подступы к столице, вела через Пешков, где был расположен первый ям, в Тверь и Великий Новгород. Вторая — Переяславка — вела в Радонеж и Переславль-Залесский. Владимирский полк, встав в Рогожской слободе (также в первом яме от Москвы), перекрыл знаменитую Владимирку, одну из двух дорог ведущих на восток (наряду со Стромынкой). На Коломенской дороге, у Боровского перевоза, встал Рязанский полк. Наиболее сложный маневр проделал Заоцкий полк. Если бы он двигался к Москве по кратчайшему пути, по Боровской дороге, через ям у села Фоминского, ему пришлось бы встретиться с Рязанским полком. Вместо этого Заоцкий полк перешел на Смоленскую дорогу и встал на ней у первого яма, на реке Вяземе. Взявшие столицу в кольцо с четырех сторон, полки должны были надежно блокировать мятежный стрелецкий гарнизон. Однако собранных сил было для этого явно недостаточно. Согласно неопубликованной росписи, датированной 2 октября, в полку кн. А. И. Голицына было всего 79 человек, в полку кн. П. С. Урусова — 40 человек, в полку боярина А. С. Шеина — 43 человека, в полку боярина И. Ф. Волынского — 154 человека. Понятно, что это были не полки в полном смысле этого слова, а, скорее, сторожевые заставы[236]. Роспись, составленная 2 октября, заканчивается перечнем 22 копейщиков и 112 рейтар по городам (Переславль-Залесский, Ярославль, Романов, Ростов, Вологда, Смоленск, Белев, Вязьма (зачеркнута), Пошехонье, Белоозеро, Кострома и Галич). Они не включены в состав ни одного из первоначальных полков. По ставам идет помета с изложением указа от 4 октября, согласно которому всем этим ратным людям велено «быть в полку з боярином и воеводой со князем Петром Семеновичем Урусовым с товарыщи...»[237].

По новому указу, данному 5 октября, служилые люди всех этих городов уже были записаны в состав Владимирского полка. Согласно тому же указу, был расформирован Ертаульный (Северский) полк. Подробная роспись «городов», входивших в состав каждого из трех оставшихся по указу от

5 октября полков, позволяет проследить дальнейшую судьбу служивших в нем. Почти все «города», составлявшие Ертаульный полк (Дмитров, Кашин, Углич, Клин, Тверь) влились в состав Заоцкого полка боярина кн. И. Ф. Волынского. Полки по-прежнему оставались на близких подступах к столице — в Рогоже, на Боровском перевозе и на Вяземе[238].

Новый указ был сказан 26 октября 1682 г. Местом сбора полков объявлены были Переславль-Залесский (боярин князь П. С. Урусов), Коломна (боярин А. С. Шеин) и Серпухов (боярин князь В. Д. Долгоруков)[239]. Указ был адресован московским чинам, но в нем упоминались и городовые дворяне и дети боярские. На этом основании В. И. Буганов сделал вывод о том, что в обоих указах речь идет об одних и тех же полках. Следовательно, «дворянские полки правительство не стало придвигать близко к Москве», а указ от 26 сентября остался неисполненным. Напротив, полки даже отступили от Москвы: полк боярина князя П. С. Урусова — из Клина в Переславль-Залесский, а полк боярина А. С. Шеина — из Бронниц в Коломну[240].

Конечно, можно оспорить данные любого царского указа — все они написаны в повелительном наклонении, и далеко не всякий из них был исполнен. Однако, против предположения В. И. Буганова свидетельствуют подлинные документы подмосковных полков, позволяющие утверждать, что подмосковные полки сначала были выдвинуты на подмосковные рубежи, а потом отведены назад. Так, например, отписка боярина А. С. Шеина «с товарыщи», полученная в Троице 11 октября, была послана из «села Воздвиженского»[241], того самого, где были казнены князья Хованские. Следовательно, около 10 октября Рязанский полк стоял на Троицкой дороге в Воздвиженском, а не передвигался между Бронницами и Коломной, как это выходило бы согласно В. И. Буганову.

Появление указа от 26 октября нельзя объяснить, исходя только из военных планов нового правительства и отвлекаясь от обстановки, сложившейся в самом троицком лагере. За три дня до указа, 23 октября была подана коллективная дворянская челобитная об издании указа о сыске беглых людей и крестьян в городах Белгородской черты, положившая начало целому ряду дворянских петиций, появившемуся осе-

нью 1682 г.[242] Инициаторами подачи челобитной стали служилые люди московских чинов, которых правительство традиционно считало своей опорой и которые с 26 сентября 1682 г. служили единственным пополнением Троицкого лагеря. В этих условиях решено было остановить высылку служилых людей московских чинов в Троицу. Поэтому в указе от 26 октября было велено «столником, и стряпчим, и дворяном московским, и жилцом» не поспевшим в поход о 26 октября, «быти... в полкех бояр и воевод по местам»[243]. Одновременно сами подмосковные полки начали оттягивать от столицы. Служившие в них городовые дворяне и дети боярские были еще менее надежны, чем служилые люди московских чинов, поэтому на них могла особенно повлиять обстановка в восставшей Москве. Никакой военной необходимости в этой перегруппировке сил быть не могло: восстание уже шло на убыль, а через неделю двор вообще вернулся в столицу. Напротив, подмосковные полки могли бы сыграть свою роль в поимке беглых, устремившихся на юг из столицы. Однако новое правительство сочло за благо скорее разжать кольцо, в котором была затянута столица, нежели подвергать «служилый город» опасности непосредственного контакта с восставшими.

Но и эти меры не оказались действенными. Свидетельством тому оказалась новая челобитная, поданная 18 ноября совместно московскими и городовыми чинами. В ней служилые люди вновь напомнили о временах Алексея Михайловича, когда «посыланы были сыщики о тех беглых наших крестьянишек во все понизовые и украинные городы»[244]. Теперь же дворяне требовали посылки сыщиков «во все украинные и понизовые городы, и замосковные, и в малороссийские городы»[245]. Челобитную подписали 273 служилых человека, многие из которых принадлежали к числу городовых дворян и детей боярских (см., например, характерное признание авторов о том, что за многими из них осталось «дворишков по шти и по десяти и меньши»)[246].

Помета на челобитной свидетельствует о поручении сыска писцам, направлявшимся Поместным приказом[247]. Требование посылки писцов для валового описания земель было обычным для дворянских челобитных 80-х гг. (последняя из

них была подана 2 августа 1682 г.)[248]. Однако служилые люди вовсе не хотели, чтобы правительство объединило эти два требования, а сыск вместо дворянских сыщиков был передоверен писцам. Недовольство дворян нашло отражение в следующей челобитной, поданной 1 декабря. Челобитчики утверждали, что за «множеством» «великих дел земляных» писцам «сыскивать беглых наших людей и крестьян никоторыми делы невозможно... будет». Вместо этого челобитчики просили «послать сыщиков во все свое государство мимо писцов и воевод из отставных дворян или кого вы, великие государи, укажете...». Требование дворян было удовлетворено, помета на челобитной свидетельствует о том, что начальнику Поместного приказа князю И. Б. Троекурову было велено дать о том указ[249]. Дворянские требования нашли отражение в Наказе сыщикам беглых крестьян и холопов, данном 2 марта 1683 г.[250]

Таким образом, московское восстание 1682 г. побудило дворян использовать ситуацию для заявлений о своих нуждах. Собравшиеся для защиты царского двора от восставших, они порой сами проявляют «шатость», вынуждая новое правительство более внимательно прислушиваться к их сословным требованиям. Эти требования были особенно весомы, потому что они раздавались в обстановке гражданского конфликта, грозившего расколоть пополам все служилое общество, от Думы до «служилого города». Последнее особенно ярко видно на примере одного «служилого города», по традиции игравшего большую роль в политической жизни страны — Великого Новгорода.

Источники сохранили два противоположных свидетельства о роли новгородского служилого города в событиях 1682 г. Оба носят официальный характер. Согласно патриаршему «Летописцу 1619—1691 гг.», в Троице-Сергиев монастырь, у стен которого собиралось верное правительству войско, «из Великого Новаградаприидоша храбрых мужей 40000»[251]. Конечно, эта цифра далека от реальности, так как в начале 80-х XVII в. численность Новгородского полка составляла около 10778 человек[252]. Более того, в Смотренном списке Троицкого похода 1682 г. упомянуто только четверо новгородцев. Еще четырех новгородских служилых

людей, участвовавших в походе, позволяют выявить Записные книги Новгородской приказной палаты и частные документы.

Все это заставляет обратить внимание на вторую версию. Она восходит к обвинениям, выдвинутым против И. А. Хованского и вошедшим в смертный приговор князю и его сыну, сказанный 17 сентября 1682 г. Историки давно выявили несообразности и противоречия этого документа, поэтому использовать его свидетельства можно, лишь проверяя каждую деталь данными смежных источников. Согласно приговору, Хованский сохранил тесные связи со служилыми людьми Новгорода, откуда только что вернулся с воеводства. «Да ты же, князь Иван, извещал в селе Коломенском благородней государыне царевне и великой княжне Софии Алексеевне при боярех, что бутто приходили к тебе новгородцы дворяне и сказывали, что присылали к ним из замосковных и из иных городов дворяне же и иных чинов служилые люди, чтобы им, согласяся с ними, вместе итти сего лета к Москве о заслуженном жаловании бити челом и на Москве сечь всех без выбору и без остатку», — гласил приговор[253]. Разговор Хованского с царевной Софьей и боярами, если он действительно имел место, мог состояться между 30 августа и 2 сентября, когда двор находился в Коломенском[254]. Это как раз канун Семена дня (1 сентября) одного из судных сроков на властей и монастыри[255]. В это время в Москве всегда собирались с челобитными по своим делам городовые дворяне и дети боярские. Осенью 1682 г., когда столица была охвачена стрелецким восстанием, сосредоточение в ней массы служилой провинциальной мелкоты грозило непредсказуемыми последствиями. Можно предположить, что опасность дворянского съезда повлияла и на решение царской семьи покинуть Москву и удалиться в Троице-Сергиев монастырь.

Обращение к неопубликованным источникам показывает, что обе версии имеют право на существование. Новгородский служилый город разделился на две половины во время политического кризиса, из его рядов вышли и защитники законной династии, и приверженцы Хованских.

К последним принадлежали видные новгородские землевладельцы, отец и сын Вындомские[256]. Во время обыска,

связанного с уголовным делом, на дворе у младшего Вындомского были найдены письма, придавшие делу зловещую политическую окраску. Новгородский воевода И. В. Бутурлин поспешил сообщить о находке в Москву. Речь шла о письмах «руки отца ево, Маркова, Тихона Вындомского», которые были «писаны к нему Марку», «прошлого 191-го года в мае да в ыюне и в ыюле месяце в розных числех», то есть в разгар восстания. Согласно воеводе, отец писал сыну, «чтоб он Марк промыслил у новгородцких стрельцов Московского приказу себе челобитную, чтоб у них быть ему Марку головою, а их де стрелецкого челобитья ныне слушают, и по их челобитью так и укажут». Эту челобитную Марк должен был прислать со стрельцом в Москву вместе с грамоткой к Ивану Хованскому, которому «ныне те дела все приказаны». Примечателен тот способ, благодаря которому Вындомские рассчитывали добиться расположения стрельцов. Тихон Вындомский советовал сыну, чтобы он «о вычетных деньгах зделку б с ними зделал да челобитную б послал с тем же стрельцом, ныне тотчас велят им выдать, да будет мочно»[257]. Это едва ли не то «заслуженное жалованье», о котором собирались бить челом пришедшие к Хованскому служилые люди.

Однако дело Вындомских не ограничивается подобными мелкими происками служилых людей, получивших возможность улучшить свое служебное положение благодаря возвышению их покровителя. В переписку попали сведения, раскрывающие неизвестную до сих пор сторону деятельности Хованских, к которой случайно оказались причастны Вындомские. В третьей грамотке Тихон Вындомский сообщил сыну: «...Да поехал в Новгород стольник князь Петр Хованской и ты Марк ево князь Петра встреть на Броннице или где доведетца, а князь Иван Хованской к нему писал о тебе и о Федоте памятцу чтоб он Петр добр был, и тое памятцу к нему он Тихон отнес, и князь Петр де ему Тихону приятство учинил и памятцу к себе взял, и говорил, что он всякого добра детем ево Тихоновым делать рад, и чтоб он Марк гораздно у него держался...» Речь идет о князе Петре Ивановиче меньшом Хованском[258]. Он не был единственным представителем «мятежного рода» Хованских, посетившим Новгород тревожным летом 1682 г. Вслед за ним в

Новгород приехал «стольник князь Федор Хованский, а князю Ивану де племянник», — кн. Федор Семенович, сын боярина Семена Андреевича Хованского. Предупреждая о его приезде и наказывая сыну окружить гостя вниманием, Тихон Вындомский заметил: «А ныне де князю Ивану [Хованскому] зело добро, он ныне и правит все»[259].

Поездки Хованских в Новгород в разгар борьбы за власть достаточно показательны. Однако сторонники Хованского не определяли позиции всего новгородского служилого города. Новгородцы хорошо запомнили еще со времени русско-польской войны жестокость князя. В коллективной челобитной, поданной в 1664 г. служилыми людьми Новгородского полка, говорилось, что по случаю «сполоха» (ложной тревоги) воевода приказал «всем ратным людям стать на поле» и, «повязав вместе человек по пяти, по шести, велел бить кнутом на козле нещадно перед всем полком безвинно, а иных велел пытать, будто все хотели в сполох грабить свои обозы и его боярские коши»[260]. Но, конечно, решающую роль сыграл свойственный дворянству легитимизм, сознание единства своих сословных чаяний с интересами государства, обостренное опытом «хованщины». Об этом говорит и царская грамота «нашие отчины Великого Новагорода дворяном, и детем боярским, и новокрещеном, и всяких чинов служилым конным и пешим людям», посланная из Троице-Сергиева монастыря 8 октября 1682 г.[261]

В грамоте приведена обширная цитата из отписки новгородского воеводы И. В. Бутурлина, полученной в Троице 6 октября. Из отписки воеводы становится известно, что служилые люди били ему челом, «а князь Алексей Путятин с товарыщи со слезами говорили, что ведомо вам учинилось от приезжих людей, что мы в. г. изволили итти с Москвы в Троицкой поход, и что по нашему в. г. указу велено замосковных городов дворяном, и стряпчим, и жильцом для опасения нашего государского здоровья съезжаться всем в Троицкой поход, а об вас в Великий Новгород к нему боярину нашему и воеводе нашего в. г. указу не прислано». «И буде мы в. г. укажем вам для опасения нашего государского здоровья быти к нам в. г. в Троицкой поход и вы итти к нам в. г. все готовы, а без нашего в. г. указу итить вы не смеете, и о том бы вам наш в. г. указ учинить...» — так выгля-

дят заключительные слова, с которыми дворянская депутация обратилась к воеводе в пересказе царской грамоты. Служебное рвение новгородских дворян было вознаграждено, в грамоте их «милостиво похвалили»[262]. Впоследствии новгородцы получили денежные и земельные награды за Троицкий поход, чему была посвящена еще одна царская грамота[263].

Установление регентства царевны Софьи Алексеевны

Одним из основных источников, раскрывающих политико-правовые основы регентства царевны Софьи Алексеевны, является «Акт об избрании на российский престол Петра I и о совместном правлении с царевною Софьей Алексеевной»[264]. Акт должен был заменить составленные ранее соборные приговоры об избрании на царство Петра Алексеевича и Ивана Алексеевича[265].

«Акт...» открывается рассказом о событиях 27 апреля 1682 г., когда Иван, в ответ на просьбу патриарха Иоакима и служилых людей всех чинов занять опустевший престол Российского государства, заявил, что это «пристойно» его брату Петру, «потому что у него, государя, здравствует мать» — царица Наталья Кирилловна. В итоге Иван «поступился» престолом своему младшему брату. Согласно новому челобитью, поданному царю Петру и царевичу Ивану 26 мая 1682 г., именно из-за этого «чинится Российского царствия в народех ныне распря». Для «всенародного умирения» братьев попросили самодержавствовать «обще», что и было утверждено в тот же день. Поскольку Петру только исполнилось 10 лет, а Ивану — 16, правление государством было вручено царевне Софье Алексеевне, а ее имя было внесено в царский титул. Именно по дате примерного заголовка указа с упоминанием царевны Софьи, приведенного в «Акте...» (29 мая 1682 г.), он и был датирован в публикации.

Обращаясь к «Акту...», историки преимущественно останавливали свое внимание на этой дате, которая в историографической традиции оказалась связанной с установлением регентства. Именно 29 мая, согласно С. М. Соловьеву, ца-

ревна Софья Алексеевна, «согласилась... принять правительство»[266].

К 29 мая отнесли установление регентства царевны Софьи Алексеевны М. М. Богословский и С. К. Богоявленский, сославшийся также на сообщение «Созерцания краткого...» Сильвестра Медведева (как будет показано ниже, оно восходит к тому же первоисточнику, что и «Акт...»). С. К. Богоявленский отметил, что распоряжение об упоминании ее имени наравне с царскими именами «не выполнялось не только во время "хованщины", но и несколько месяцев позже, приблизительно до февраля 1683 г.»[267].

В. И. Буганов, напротив, относит вручение правления царевне Софье Алексеевне к 23 или 26 мая 1682 г. В эти дни, согласно «Созерцанию краткому...», в Кремль приглашались представители стрелецких полков, сыгравшие определяющую роль в выборе правительницы[268].

Л. В. Черепнин, напротив, возвратился к первоначальной да-те — 29 мая 1682 г. Историк считает «Акт...» «предвзятым» изложением событий. Тем не менее, на его основании Л. В. Черепнин продляет майский земский собор с 23—26 мая до 29 мая 1682 г. В свою очередь, «соборное» избрание царевны Софьи Алексеевны предопределило, согласно Л. В. Черепнину, необходимость «соборного» же ее осуждения в 1699 г.[269]

Если все упомянутые историки пользовались публикацией «Акта...» то А. П. Богданов впервые обратился к архивному подлиннику. Исследователь отметил, что документ бы составлен не единовременно, а, по крайней мере, в два этапа. Согласно А. П. Богданову, источником «последней части второй (поздней) редакции акта» была записная книга Разрядного приказа, использованная в «Созерцании кратком...» Сильвестра Медведева. А. П. Богданов связывает появление тех источников с событиями лета 1686 г. Тем не менее, несмотря на эти источниковедческие разработки, историк утверждает, что 29 мая Софья Алексеевна все-таки получила «формальное право на власть»[270].

Обращение к рукописи показывает, что логически связный и последовательный текст, приведенный в публикации, состоит на самом деле из двух различных документов[271]. При издании оказались опущенными как следы редактор-

ской правки, так и целые абзацы, вычеркнутые при объединении обоих документов в одно единое целое.

Оба документа отличаются друг от друга даже палеографически — по почеркам и сортам бумаги. Первый документ (л. 1—11, 16) написан двумя почерками — основным (л. 1—3, 6—11, 16) и отличным от него (л. 4—5), на бумаге с водяным знаком «голова шута» (foolscap)[272]. Второй документ, разъединяющий листы первого (л. 12—15), написан одним почерком на бумаге с филигранью «герб Амстердама»[273].

Первый документ сообщает о наречении царем Петра, затем об избрании на царство Ивана и заканчивается кратким рассказом о вручении правления царевне Софье Алексеевне. Последний особенно примечателен. Автору остались неизвестны и день, и даже месяц, когда бразды правления были вручены регентше. «И <...> в <...> день великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевичь всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы, советовав во Святем Дусе со отцем своим и богомольцем с великим господином святейшим Иоакимом патриархом Московским и всеа Росии вручили правление государства сестре своей государской благоверной государыне царевне и великой княжне Софии Алексеевне» (л. 10—11). Это сообщение, обведенное в рамку, носило, очевидно, черновой, предварительный характер. Впоследствие оно было вычеркнуто и не вошло в окончательный, опубликованный текст.

Место первоначального сообщения занял второй документ, целиком посвященный царевне Софье Алексеевне (л. 11—15). Вычеркнутые и также не вошедшие в публикацию два его первые абзаца подтверждают его происхождение. Это разрядная справка, выписанная из «записной книги, в которой записаны великих государей избрание, и царскими венцы венчание, и законных браков сочетание» (л. 12). Показательно, что важнейший государственный акт был дополнен выпиской из приказного делопроизводства.

Та же самая разрядная записная книга была использована автором «Созерцания краткого...» в рассказе о вручении правления царевне Софье Алексеевне. Автор прямо ссылается на нее: «...а како то бысть и чесо ради, и о том изъявляет писание в Розряде в записной того года книге сице...»[274]

Сопоставление текстов второго документа и «Созерцания краткого...» позволяет достаточно точно выявить протограф обоих текстов:

2-й документ	**«Созерцание краткое...»**
«И по своей государской богоподражательной ревности и милосердому нраву изволила всякие государственные дела управляти своим государским богодарованным высоким разсуждением и для того указала она, великая государыня благородная царевна, бояром, и окольничим, и думным людем видать всегда свои государские пресветлые очи, и о всяких государственных делех докладывать себя государыни, и за теми делами изволила она, государыня, сидеть з бояры в полате...» (л. 14).	И по своей государской богоподражателной ревности и милосердому нраву изволила всякия государственныя дела управляти своим государским, Богом дарованным высоким (истинным) разсуждением и для того указала она, великая государыня благородная царевна, бояром и околничим и думным людем видати всегда свои государские пресветлые очи, и о всяких государственных делах докладывать себе государыню, и за теми делами изволила она, государыня, сидеть з бояры в полате»[275].

К сожалению, обнаружить саму записную разрядную книгу не удалось. Ее следы затерялись еще в 1760-х гг., когда, по запросу графа Н. И. Панина сотрудники Московского архива коллегии иностранных дел предприняли исследование политико-правовых основ регентства царевны Софьи Алексеевны. Цель была сугубо прагматической: предполагалось использовать предстоящую Уложенную комиссию 1767 г. как своего рода избирательный земский собор, который предоставил бы престол малолетнему Павлу I при регентстве Екатерины II. Наряду с другими подлинными документами, в Петербург 25 марта 1762 г. была выслана «записная книга под № 18...», в которой «упоминается... когда и каким образом царевна София Алексеевна вступила в правительство Российского государства»[276]. Судя по тому, что в фонде Разрядного приказа книгу с соответствующей записью обнаружить не удалось, на свое место она не вернулась.

Таким образом, запись в разрядной книге, к которой восходят и второй документ, и «Созерцание краткое...», можно лишь восстановить текстологическим путем. Реконструируемая запись носит на себе печать государственной идеологии периода регентства. На место патриарха Иоакима, который согласно первому документу, сам-третий советовался с

соправителями об учреждении регентства, приходит Боярская дума и челобитье «всего Московского государства всяких чинов всенародного множества людей» (л. 13). «По многом отрицании» царевна Софья Алексеевна «изволила правление восприяти», сообщив, что отныне будет слушать доклады о всяких государственных делах и заседать в Думе с боярами (л. 14). Вслед за этим сообщается, что «для совершенного в государственном правлении утверждения и во всяких делех постоянные крепости», Софья Алексеевна указала писать себя вместе с соправителями по следующему образцу: «190-го маия в 29 день великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы и сестра их великая государыня благородная царевна и великая княжна София Алексеевна всеа Великия и Малыя и Белыя Росии указали и бояря приговорили...» (л. 15)[277].

Составитель второго документа здесь явно опережает события, выдавая желаемое за действительное. На самом деле подобный титул появится в формуляре государственных актов значительно позже мая 1682 г.

Исследование, проведенное сотрудниками Московского архива Коллегии иностранных дел показало, что имя царевны Софьи Алексеевны появляется в царском титуле именных указов с 1686 г., что, казалось бы, подтверждает вывод А. П. Богданова. Однако в царских указах с боярским приговором царевна Софья Алексеевна упоминается еще с октября 1682 г. Так, к 24 октября 1682 г. относится помета о пожаловании подьячего Кондрата Никитина, выписку о котором слушали «великие государи и великая государыня царевна и великая княжна София Алексеевна... в своем государском Троецком походе в комнате» (то есть в Боярской думе). По другой помете, от 19 ноября 1682 г., об отписках российских послов и гонцов было «великим государям и сестре их благородной царевне известно и бояром чтено». Наконец, в указе от 18 декабря 1682 г. встречаем традиционную формулу участия Боярской думы в вынесенном решении: «Великие государи и сестра их великая государыня благоверная царевна... указали и бояре приговорили»[278]. Напомним, в связи с этим, что в примерном заголовке царского указа, приведенном в «Акте...» под 29 мая 1682 г., также содержалось

указание на «боярский приговор» «великия государи... и сестра их великая государыня благородная царевна и великая княжна София Алексеевна всеа Великия и Малыя и Белыя России указали и бояре приговорили» (л. 15). Если вспомнить также, что, согласно второму документу, царевна Софья Алексеевна высказала пожелание участвовать в заседаниях Боярской думы, то мы получим еще одно основание для датировки второго документа осенью 1682 г. Таким образом, «Акт об избрании...» принял свой настоящий вид не раньше октября—декабря 1682 г. Тогда же появилась и дата — 29 мая 1682 г. — носящая ретроспективный характер и призванная связать установление регентства с деятельностью земского собора, избравшего на царство Ивана Алексеевича (26 мая 1682 г.)[279]. Получается, что вручение правления de jure как бы опередило установление регентства de facto. Однако это лишь видимость. И сосредоточение реальной власти в руках царевны Софьи Алексеевны, и придание этой власти формального правового статуса стало возможным лишь после казни князей Хованских (17 сентября 1682 г.) и подавления стрелецкого восстания.

Связь этих двух событий единодушно отмечают и современники-иностранцы. «Смерть этого мятежника [кн. Хованского И. А. — *А. Л.*] произвела такое впечатление, на которое она [царевна Софья Алексеевна — *А. Л.*] и надеялась, ибо она добилась для себя регентства», — писал в «Записках о Московии» де ла Невилль[280]. Еще более характерно свидетельство саксонца Георга-Адама Шлейссинга (или Шлейссингера), посетившего Москву в 1684 г. В своем сочинении, написанном в форме диалога, он вкладывает в уста одного из своих героев следующий вопрос: «Но как же царевна может участвовать в управлении?» — «Этого я и сам не понимаю и не могу много об этом сказать», — отвечает другой[281]. Неудивительно, что русские собеседники саксонца, так и не смогли сообщить ему ничего определенного о правовой основе власти регентства. Согласно древнерусской традиции, на время несовершеннолетия наследника престола управление государством передавалось в руки регентского совета из наиболее знатных и доверенных бояр. Зачаток подобного совета без труда можно увидеть в боярской комиссии, ведавшей Москву при князьях Хованских (см. о ней в

разделе 1). После ее роспуска последний законный преемник власти был устранен. Последовавший за этим приход к власти царевны Софьи Алексеевны был беспримерен для политической истории Русского государства (если исключить правление Елены Глинской, пришедшей к власти после роспуска первой «семибоярщины»). Новым было не только то, что носителем верховной власти в государстве вопреки старомосковской традиции стала женщина, но и то, что власть регентского совета оказалась сосредоточена в руках одного лица.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Правящие верхи Русского государства в 1682—1689 гг.

Боярская дума и борьба за власть в 1682—1689 гг.

Первую развернутую концепцию упадка Боярской думы в конце XVII века дал В. О. Ключевский[1]. Великий русский историк связал падение роли феодальной аристократии с ее трудным экономическим положением, вызванным оттоком населения из центральных уездов и их запустением. Место боярства, согласно В. О. Ключевскому, занял «новый правительственный класс» — дворянство, в целом антагонистичное ему. «Старое московское боярство и новое дворянство — это различные классы, отличавшиеся один от другого своим происхождением и составом, своими отношениями к верховной власти и к управляемому обществу и характером участия в государственном управлении, наконец, свойством влияния, оказанного тем и другим классом на ход государственной жизни», — писал В. О. Ключевский[2]. В рамках концепции, созданной В. О. Ключевским, подошел к изучению заключительного периода истории Боярской думы его ученик М. М. Богословский. Историк отметил, что упадок Боярской думы был вызван, с одной стороны, прекращением пожалований в думные чины после 1694 г., а с другой стороны, уменьшением частоты совещаний думцев и числа присутствующих на них. Выводы М. М. Богословского, в отличие от концепции В. О. Ключевского, относились скорее к Боярской думе как государственному органу и носили частный характер[3].

В последние годы попытку пересмотреть историографическую традицию предприняла О. Е. Кошелева[4]. Исследовательница справедливо отвергла оценку боярства как «реакционной» силы, выступавшей в целом против петровских реформ, предостерегла от преувеличения «вырождения» и

«упадка» боярства в конце XVII в. Подсчеты доли незнатных служилых людей в общем числе бояр в 1645—1682 гг. (17 человек из 107, т. е. 15,9%) позволили О. Е. Кошелевой сделать вывод о том, что «одворянивание» думы принимало куда более скромные размеры, чем это принято было считать ранее. Однако трудно согласиться с исследовательницей, когда она ставит под сомнение сам этот процесс. «Рассмотрение фактического материала показывает, что проникновение в Думу небольшого числа лиц незнатного происхождения совершалось не вопреки, а по воле боярских группировок, — пишет в связи с этим О. Е. Кошелева. — Эти люди были теснейшим образом связаны с боярством, которое сватало царю выгодных для себя невест, создавало царских фаворитов и пыталось использовать их в интересах своего клана»[5]. Сомнение вызывает и то, что исследовательница подразумевает под «боярством» только «лиц, имевших думный чин боярина», утверждая, что «во всех остальных случаях "боярство" будет нести в себе расплывчатое и нечеткое содержание». Рассматриваемое, таким образом, вне своих естественных генеалогических и служебных связей с представителями других курий Думы, боярство предстает здесь как высшая категория государственных служащих, в отрыве от своей второй ипостаси — верхушки феодального сословия. Вместе с тем, выводы О. Е. Кошелевой о взаимосвязи генеалогических данных и служебных заслуг при пожаловании в бояре, о роли придворных чинов в формировании думной иерархии заслуживают самой высокой оценки; изучение Боярской думы в 1682—1689 гг. без их учета было бы несостоятельным[6].

В работе И. Ю. Айрапетян боярство в заключительный период своего существования рассматривается в рамках феодальной аристократии (помимо думных чинов, автор включает сюда также стольников). Основной мыслью автора является преемственность между московской знатью и служилой элитой петровского времени. И. Ю. Айрапетян отмечает, что «автоматического падения значения феодальной аристократии, связываемого в исторической литературе с падением Думы, не произошло»[7]. Более того, феодальная аристократия по-прежнему мобилизовывалась путем различных военных, административных или дипломатических назначе-

ний, однако теперь для получения последних уже не требовался думный чин. «Исчезли не аристократические роды, а старая чиновная лестница», — пишет в связи с этим И. Ю. Айрапетян. В русле этой концепции исследовательница рассматривает и отмену местничества. Имевшая своей задачей «лучшую организацию управления» государством, отмена местничества оставила нетронутой исторически сложившуюся систему назначений на высшие посты, обеспечивавшую позиции боярской знати[8]. Этот вывод представляет большой интерес для исследования Думы после 1682 г., так же, как и наблюдения И. Ю. Айрапетян о составе и численности ведущих думных кланов в 1680-х—1690-х гг., сделанные в специальной работе[9].

Работы О. Е. Кошелевой и И. Ю. Айрапетян объединяет одна общая черта. Написанные на материалах трудоемких и скрупулезных подсчетов, они позволяют восстановить состав и структуру правящих кругов, их землевладение и службу. Однако получающаяся в результате картина носит на себе некоторый отпечаток статичности, неподвижности. И действительно, пожалования в Думу или назначения думцев можно рассматривать не только в рамках складывавшейся веками традиции, но и как отражение ежедневно менявшейся придворной конъюнктуры. Взятая в своей динамике, история Думы является достаточно точным отражением важнейших политических процессов, шедших в России в конце XVII в. Без изучения состава думных группировок в 1682—1689 гг. нельзя разобраться в том, какие силы пришли к власти с установлением единодержавия Петра. А то ожесточение, с которым велась порой борьба придворных группировок за влияние в Думе, свидетельствует о сохранявшемся значении этого института в реальной структуре власти.

Придворная группировка Нарышкиных была обескровлена «хованщиной». Во время майских событий погибло трое Нарышкиных — боярин Иван Кириллович, спальники Афанасий Кириллович и Петр Фомич[10]. После пострижения деда Петра, боярина К. П. Нарышкина в Чудовом монастыре и его ссылки в Кириллов-Белозерский монастырь[11], Нарышкины лишились своего представительства в Думе. Все они, за исключением вдовой царицы Натальи Кирилловны, были сосланы из Москвы[12], и смогли вернуться в сто-

лицу только после подавления восстания. Отныне в окружении Нарышкиных не было таких видных думных деятелей, как боярин А. С. Матвеев, убитый стрельцами 15 мая 1682 г. Приближенные царя Петра, согласно кн. Б. И. Куракину, «жили по вся лето в Преображенском своим двором, аж до самой зимы», и только зимой возвращались в Москву[13]. Понятно, что среди думной знати нашлось немного охотников покинуть Кремль ради службы при дворе младшего царя. Согласно мемуаристу, подобный выбор сделали бояре князья М. А. Черкасский, И. Б. Троекуров и М. И. Лыков, кравчий кн. Б. А. Голицын, всем «родом Нарышкины», князья Урусовы и Стрешневы[14]. Дополнить и уточнить этот перечень позволяют списки думных людей, сопровождавших Петра в «походы» в подмосковное Воробьево (6 мая и 13 июля 1683 г.). Опираясь на их данные, можно включить в состав нарышкинского окружения бояр кн. М. А. и М. Я. Черкасских, кн.. П. С. и Н. С. Урусовых, кн. А. Г. Ромодановского, кн. М. И. Лыкова и Ф. П. Шереметева, Ф. П. Соковнина, окольничих кн. С. Ф. Львова, Ф. И. Леонтьева, А. П. Соковнина и Д. Н. Щербатова, думных дворян Н. С. и П. С. Хитрово, Р. М. Павлова и И. Б. Ловчикова, думного дьяка Н. М. Зотова[15]. Эта придворная группировка была тесно связана изнутри родственными узами. Так, кн. П. С. Урусов был женат на Е. П. Соковниной (сестре Ф. П. Соковнина), а его дочь, А. П. Урусова, была замужем за Ф. П. Шереметевым[16].

В противоположность Нарышкиным, придворный клан Милославских был непосредственно представлен в Думе двумя боярами — Иваном Михайловичем и Матвеем Богдановичем — и одним окольничим — Ларионом Семеновичем Милославским[17]. Однако своим влиянием Милославские были обязаны, конечно же, не столько тому формальному представительству, сколько родственным и служебным связям в думных кругах, которых у Нарышкиных почти не было. Так, сестра боярина И. М. Милославского была замужем за окольничим А. В. Толстым; родственником Милославским приходился и окольничий В. С. Нарбеков (матерью царицы Марии Ильиничны была Екатерина Федоровна Милославская, урожденная Нарбекова)[18]. Свою роль играл и почетный характер службы при

дворце старшего царя, очевидно, привлекавший знать. Поэтому уже в 1683 г. мы видим при дворе царя Ивана весь цвет Боярской думы: оружейничего П. В. Шереметева, дворецкого кн. В. Ф. Одоевского, бояр кн. В. В. Голицына, кн. П. И., Б. И. и В. П. Прозоровских, Г. Н. Собакина, Б. Г. Юшкова, И. М. и М. Б. Милославских, окольничих В. А. Змеева, В. С. Нарбекова и С. Ф. Толочанова и многих других[19].

Рост влияния придворной группировки Милославских не в последнюю очередь был связан со становлением личной власти боярина кн. В. В. Голицына. 19 октября 1682 г. кн. В. В. Голицын был пожалован Царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегателем — почетным титулом, который до него из руководителей Посольского приказа носил только А. Л. Ордин-Нащокин[20]. Уже 20 декабря 1682 г. кн. В. В. Голицын сменил боярина М. Л. Плещеева в важнейших военных приказах — Иноземском и Рейтарском. Последний сохранил за собой только более чем скромное место судьи Доимочного приказа. С 29 декабря 1682 г. кн. В. В. Голицын возглавил и Пушкарский приказ, в котором он уже сидел прежде, при царе Федоре Алексеевиче, заняв тем самым место кн. Ф. С. Урусова. Только переворот 1689 г. вернет последнему место руководителя Пушкарского приказа[21]. Если прибавить к этому, что в Разрядном приказе сидел думный дьяк В. Г. Семенов, которого царевна Софья Алексеевна выбрала «не из знатных», «чтобы подлежал к ней и князю Голицыну»[22], то картина получится достаточно полной: к концу 1682 г. кн. В. В. Голицын сосредоточил в своих руках руководство дипломатией и вооруженными силами Русского государства.

С конца 1682 г. возросшее влияние кн. В. В. Голицына начинает сказываться на приказных назначениях, ставших на некоторое время основной ареной борьбы обеих придворных группировок. «Одним словом, все приказы, прежде находившиеся в руках думных бояр, которые были способны противоречить временщику... были заняты ничтожными людьми при посре́дстве князя [В. В. Голицына — *А. Л.*], который обладал этой важной должностью, и находил удовольствие в том, чтобы иметь не товарищей, а креатуры», — пишет об

этом Невилль[23]. — Подобное поведение навлекло на Голицына ненависть со стороны знатных семейств, которые были лишены их привилегий и вынуждены угождать ему, не в обычай его предшественникам». Показателен сам состав новых назначений. 10 декабря 1682 г. пост судьи Стрелецкого приказа, сосредоточивавшего в своих руках руководство столичным гарнизоном и политическим сыском, занял Ф. Л. Шакловитый. Только ответственное дипломатическое поручение, полученное таким давним сторонником кн. В. В. Голицына, как И. И. Чаадаев (ему предстояло выехать в Варшаву во главе русского посольства), позволило заменить его в Сибирском приказе боярином И. Б. Репниным, не пользовавшимся доверием Милославских[24]. После отстранения боярина М. Л. Плещеева от службы в Приказе Большой казны во главе его встал окольничий А. И. Ржевский, дочь которого была замужем за московским дворянином Я. М. Милославским[25]. Из числа сторонников Нарышкиных важное назначение получил только кравчий Петра, кн. Б. А. Голицын: 30 ноября 1683 г. он стал судьей в Приказе Казанского дворца. Согласно кн. Б. И. Куракину, «его одного употребили в дело для потешения той партии»[26].

Милославские оказывали определяющее влияние и на пожалования в Думу. Уже первые пожалования нового, 1683 г., были связаны с их окружением. Так, 1 января 1683 г. был пожалован из думных дворян в окольничие близкий кн. В. В. Голицыну Л. Р. Неплюев, а думным дворянином стал В. Н. Тарбеев (за его сродником, А. В. Тарбеевым, была замужем А. Ю. Милославская). 6 января 1683 г. в окольничие был пожалован другой родственник Милославских, думный дворянин А. И. Ржевский, а 26 января — С. Ф. Толочанов[27]. На первых порах, своих приближенных удавалось провести в Думу и Нарышкиным. Так, 24 декабря 1682 г. был пожалован в окольничие кн. Ф. Ф. Волконский, а 12 января 1683 г. — кн. И. С. Хотетовский[28]. В думные дворяне были пожалованы Ф. А. и Ф. Т. Зыковы (25 декабря 1682 г. и 12 января 1683 г.)[29].

Однако вскоре возросшее влияние царевны Софьи Алексеевны и кн. В. В. Голицына привело к тому, что многие приверженцы Петра были разосланы из Москвы на воеводства

или лишились своих мест в приказах. В 1683 г. на воеводство в Енисейск был на три года послан боярин кн. К. О. Щербатов[30]. 25 января 1683 г. на воеводство на Двину прибыл боярин Н. К. Стрешнев, пробывший там столько же, сколько и кн. К. О. Щербатов — вплоть до 1685 г.[31] Под 4 июня упоминается как уфимский воевода окольничий кн. Д. А. Борятинский[32]. В июне 1683 г. на воеводство в Курск был послан (до 1685 г.) будущий петровский генералиссимус боярин А. С. Шеин[33]. 16 августа 1683 г. на воеводство в Новгород Великий был назначен боярин кн. Ф. С. Урусов[34]. 23 октября товарищами воеводы в Киев посланы были окольничий кн. И. С. Хотетовский и думный дворянин Ф. А. Зыков[35]. В 1684—85 гг. на воеводство в Ахтырку был назначен окольничий кн. Д. Н. Щербатов. Для представителей рода Нарышкиных, не имевших думных чинов, новые воеводские назначения приобретают отчетливый характер ссылки. Так, в октябре 1684 г. стольник Г. Ф. Нарышкин был послан на Верхотурье (где он пробудет до 1691 г.), а в ноябре стольник Иван Нарышкин отправился в Тамбов[36].

Подобная политика, последовательно проводившаяся правительством регентства, не могла не заставить даже самых горячих сторонников Петра призадуматься. Наиболее авторитетные думные деятели из их числа начинают лавировать между двумя придворными группировками. Еще в августе 1683 г. при дворе Ивана появляются кн. Н. С. Урусов и кн. М. Я. Черкасский, в ноябре — кн. М. А. Черкасский и Ф. П. Шереметев, в январе 1684 г. — кн. Н. С. Урусов, в феврале — кн. И. Б. Троекуров[37]. Однако и без этих колеблющихся думцев придворная группировка Милославских была достаточно влиятельной. Ее состав позволяет проследить роспись похода царя Ивана в Савво-Сторожевский монастырь, начавшегося 30 ноября 1683 г. Старшего царя сопровождали бояре П. В. Шереметев большой, кн. В. В. Голицын, кн. П. И. Прозоровский, И. М. Милославский, кн. М. А. Черкасский, П. В. Шереметев меньшой, кн. В. Ф. Одоевский, Г. Н. Собакин, кн. П. И. Прозоровский, Б. Г. Юшков, И. Т. Кондырев, Ф. П. Шереметев, кравчий кн. А. П. Прозоровский, окольничие А. И. Чириков, В. С. Нарбеков, С. Ф. Толочанов, думный

дворянин В. Н. Тарбеев и думный дьяк Е. И. Украинцев[38]. Однако этой представительной думной группировке недоставало внутреннего единства. С 1683 г. кн. В. В. Голицын отстраняет от дел И. М. Милославского. «И тогда Иван Милославский упал и правления его более не было», — образно замечает кн. Б. И. Куракин[39]. В донесениях датского дипломата Хильдербрандта Горна, относящихся к этому времени, упоминается о насмешках, которым подвергал кн. В. В. Голицын престарелого царедворца[40]. В свою очередь, и «московский Кромвель» (так назвал И. М. Милославского А. А. Матвеев в своей «Истории стрелецкого бунта») платил ему и правительнице тем же. Только смерть И. М. Милославского, последовавшая 26 июля 1685 г., предотвратила угрозу раскола правящей группировки[41].

Затянувшееся соперничество придворных группировок, обострявшееся борьбой за власть внутри них, вызывало растущее недовольство, в том числе и в приказных кругах. Яркий пример последнего представляет дело подьячего Приказа большой казны Т. Назарьева, пришедшего в хоромы царя Петра в ночь на 12 апреля 1684 г. с иконой Св. Николая Чудотворца, чтобы «известить» царице Наталье Кирилловне, «чтоб... великие государи указали боярина Ивана Михайловича Милославского и с его единомышленником з думным дьяком с Федором Шакловитым с Москвы сослать в далние места». Показательно, что самозванный доброхот Нарышкиных мечтал не только об устранении двух видных деятелей одной из противоборствующих группировок, но и об установлении сильной исполнительной власти, независимой от придворных кланов. Именно в этом плане следует оценивать его намерение бить челом царям, «чтоб изо всех стрелецких полков собрать письма и, собрав письма, учинить приказ Тайных дел, а у тех дел быть столповому боярину князю Михаилу Алегуковичу Черкасскому, и привесть ево к вере в том, что делать ему правду, мзды ни с кого не имать и государевы казны не красть»[42]. Согласно Г. К. Котошихину, в приказ Тайных дел «бояре и думные люди не входят и дел не ведают, кроме самого царя»[43]. Поскольку оба самодержца не проявляли активного участия в управлении государством, возобновление упраздненного в 1676 г. приказа Тайных дел

мыслилось, очевидно, как попытка создать орган власти, независимый от Боярской думы в целом, которым руководил бы один из ее видных деятелей. В руках этого фактического правителя государства оказались бы, по традиции, стрелецкий гарнизон столицы и политический сыск (жертвой которого и стал незадачливый челобитчик).

Характерен сам образ «столпового боярина» кн. М. А. Черкасского, приковавший внимание подьячего. Сосредоточение всей власти в государстве в руках подобного авторитетного думного деятеля или целого боярского клана могло казаться достойной альтернативой бесконечному противоборству придворных политиков. Наибольшие шансы в этом отношении были у породненных с Черкасскими князей Одоевских[44]. Князь Н. И. Одоевский, один из составителей Соборного Уложения 1649 г., был старшим боярином Думы. Кроме него, в Думе сидели еще три боярина Одоевских — князья Яков Никитич, Юрий Михайлович и Василий Федорович, занимавший видный пост дворецкого[45]. Ослабление обоих противоборствующих группировок — Нарышкиных и Милославских — усилило позиции князей Одоевских. Уже осенью 1683 г. боярин кн. Я. Н. Одоевский возглавил русскую делегацию на посольском съезде с польскими комиссарами в Андрусове[46]. В сентябре 1683 г. боярскую комиссию, оставленную «на Москве... на их в. г. дворе» и объединившую руководителей ряда приказов, возглавил сам боярин князь Никита Иванович Одоевский[47]. Однако комиссия Одоевского, которая могла бы стать прообразом боярского правительства, оказалась недолговечной. Не последнюю роль в этом сыграли, очевидно, попытки Милославских закрепить положение старшего царя.

Венчание царя Ивана Алексеевича с Прасковьей Федоровной Салтыковой 9 января 1684 г. призвано было изменить сложившиеся при дворе соотношение сил. Иностранные наблюдатели единодушно признают, что замысел этого брака принадлежал царевне Софье Алексеевне. Что же до «первой красавицы России», семнадцатилетней Салтыковой, то она прилюдно заявила, что «скорее умрет», чем выйдет за подслеповатого и уродливого царя Ивана Алексеевича, но была выдана за него насильно[48]. Отец царской невесты, принадлежавший к обедневшей ветви знатного старо-

московского рода, Федор-Александр Петрович Салтыков был вызван с воеводства из Енисейска и пожалован 9 февраля 1684 г. в бояре[49]. В дальнейшем пополнение Думы происходило исключительно за счет сторонников Милославских. Так, 1 апреля 1684 г. в думные дворяне был пожалован М. Ю. Татищев (29 августа того же года он был пожалован в окольничие)[50]. 15 апреля думное дворянство получил думный дьяк Д. М. Башмаков. 8 мая 1684 г. в бояре был пожалован из окольничих близкий ко двору царевны Софьи Алексеевны А. П. Головин, в сентябре того же года возглавивший Ямской приказ[51]. В тот же день окольничество получил кн. В. Ф. Жирово-Засекин[52], который уже в декабре 1684 г. появляется в окружении царя Ивана[53]. 29 августа 1684 г. в думные дворяне был пожалован И. М. Татищев большой[54]. С 1 сентября 1684 г. товарищем боярина кн. В. В. Голицына в Иноземском, Рейтарском и Пушкарском приказах становится окольничий В. А. Змеев[55]. В то же время судьей Сибирского приказа становится окольничий И. А. Мусин-Пушкин, появляющийся в окружении царя Ивана Алексеевича в феврале 1684 г.[56] Наконец, 2 сентября 1684 г. был пожалован в думные дворяне С. С. Нарбеков, брат приближенного к царевне Софье Алексеевне В. С. Нарбекова[57].

Изменение соотношения сил при дворе в пользу Милославских отразилось и на придворном обиходе. Выезды царя Ивана Алексеевича, сопровождаемого большинством думных людей, резко контрастируют с «походами» Петра в свое Преображенское, в которых младшего царя сопровождали лишь самые приближенные к нему члены Думы. Так, 7 февраля 1685 г. Ивана в Новоспасский монастырь провожали бояре князь А. А. Голицын, кн. П. И. Прозоровский, кн. И. Б. Троекуров, П. В. Шереметев, Г. И. Собакин, Б. Г. Юшков, И. Т. Кондырев, кн. В. П. Прозоровский, кн. Г. А. Козловский, М. С. Пушкин, П. И. Матюшкин, окольничие Б. Ф. Полибин, М. П. Измайлов, И. А. Мусин-Пушкин, кн. Ф. Ф. Волконский, А. И. Ржевский, С. Ф. Толочанов, А. Т. Лихачев, думные дворяне Г. С. Караулов, С. М. Заборовский, И. Б. Ловчиков, В. Ф. Извольский, кн. А. Я. Дашков, А. Ф. Полибин, М. Т. Лихачев, И. М. Татищев, М. И. Глебов, думные дьяки

Д. Л. Полянский, В. Г. Семенов и П. И. Никифоров[58]. Петра в это время сопровождают по трое бояр, по двое окольничих и думных дворян. Как правило, это бояре князья М. А. Черкасский, И. Б. Троекуров и Н. С. Урусов, окольничие П. Д. Скуратов и кн. Я. В. Хилков, думные дворяне П. С. Хитрово и Ф. Т. Зыков[59]. Разница между «походами» одного царя по подмосковным монастырям и другого — в село Преображенское, такая же, как между галереей парадных «парсун» и скромной в своей простоте «преображенской серией» портретов приближенных Петра.

Однако это объединение думной верхушки вокруг царя Ивана не было прочным. Об этом свидетельствуют случаи нетства во время его «походов». Так, 23 октября 1684 г. за подобный проступок велено было «с дворов до своего в. г. указу не съезжать» боярам И. В. Бутурлину, А. П. Салтыкову, окольничим кн. Я. В. Хилкову, А. С. Хитрово, М. П. Измайлову, В. Ф. Жирово-Засекину и стольнику кн. Б. Ф. Долгорукову[60]. На следующий год наказание стало не в пример более жестоким: «нетчики» окольничий кн. И. С. Хотетовский и думный дворянин Р. М. Павлов были лишены думных чинов и написаны по городу (впрочем, вскоре они были прощены)[61]. Объяснить это пренебрежение думных чинов к царю Ивану позволяет свидетельство имперского гонца Иоганна-Эберхарда Хевеля, посетившего Москву в 1684 г.: «Никому не тайна, что старший брат, по слабому состоянию умственных и физических сил неспособен к управлению. Это признают сами бояре и частенько об этом вздыхают»[62]. Еще точнее подметил расстановку сил саксонец Георг-Адам Шлейссинг, побывавший в русской столице в том же году: «Бояре и важные господа очень симпатизируют младшему [царю]... но стрельцы и простые люди склоняются к старшему»[63]. Показательна не только позиция бояр, вынужденных хотя бы внешне считаться со старшим царем и его окружением, но и позиция «важных господ», под которыми можно понимать придворные и московские чины. Все будущее младшего поколения московской знати — продвижение по службе, пожалования — было связано не с «недолговечным» Иваном, а с Петром. Дело доходило до открытой фронды. Так, в ноябре 1684 г. «в поход» к старше-

му царю в подмосковное село Хорошево прибыло только трое служилых людей московских чинов: И. М. Дмитриев, кн. В. Ф. Македонский и Е. С. Кондырев. «В нетях» оказались 38 стольников и 13 стряпчих, среди которых был весь цвет московской знати (князья Ф. А. Хилков, Я. Н. Урусов, Я. Ю., М. А. и И. Ф. Волконские, Б. С. Засекин, Г. Ф. Хотетовский, Я. С. Пушкин и Д. И. Годунов)[64]. Нельзя не заметить среди провинившихся и сыновей думных людей, вскоре начавших собственную думную карьеру. Тем самым позиция Государева двора влияла и на соотношение сил внутри Боярской думы[65].

Однако в 1685 г. Нарышкиным было еще не до борьбы за власть. Приток новых незнатных деятелей в Думу должен был окончательно оттеснить на задний план их немногочисленных приверженцев. Так, 23 февраля 1685 г. был пожалован в думные дворяне П. П. Сомов, а 1 марта 1685 г. думными дворянами стали К. А. Яковлев, П. И. Прончищев и М. П. Колупаев[66]. Если последний 23 февраля 1685 г. возглавил Царицыну Мастерскую палату, то другой новопожалованный — К. А. Яковлев — еще 4 февраля 1685 г. был назначен судьей в Приказ Большого дворца[67]. Нельзя не отметить, что по крайней мере двое из четырех новых членов Думы (П. И. Прончищев и М. П. Колупаев) проявят себя в дальнейшем как сторонники Нарышкиных[68]. Но этим пополнение Думы сторонниками Нарышкиных не ограничилось. 19 апреля 1685 г. в окольничие был пожалован кн. И. И. Дашков, а в бояре — кн. И. И. Голицын большой[69]. Уже через неделю, 25 апреля 1685 г. оба они будут сопровождать Петра во время похода в Спасский монастырь[70], однако уже через год кн. И. И. Голицын большой будет удален из столицы на воеводство в Казань[71]. 27 ноября 1685 г. получил окольничество другой сторонник Петра — кн. Ф. Л. Волконский. Не меняет общей картины и пожалование в тот же день в окольничие Ф. А. Головина[72], предшествовавшее его назначению в Нерчинск послом на переговоры с манчжурскими дипломатами[73]. Наконец, 12 января 1686 г. в думные дворяне был пожалован Г. Ф. Тарбеев, а в окольничие — Я. С. Пушкин[74]. Если первый вскоре проявит себя прямым сторонником Нарышкиных, то за последним «числилась» неявка для сопровождения царя Ивана

Алексеевича, за которую он в 1684 г. был написан «в городовые дворяне»[75].

С переменным успехом продолжалась в 1685 г. борьба обеих придворных группировок за контроль над приказами. Милославские и Нарышкины разделили контроль над судными приказами. Во Владимирский Судный были назначены 31 января 1685 г. вернувшийся из Смоленска боярин М. С. Пушкин и думный дворянин Ф. Т. Зыков, стольник М. Ф. Жирово-Засекин, ранее сидевший в нем, был переведен в приказ Холопья Суда. В свою очередь, «товарищем» в Московский Судный приказ был назначен в тот же день думный дворянин И. Б. Ловчиков[76]. В Царицыну Мастерскую палату был назначен близкий Нарышкиным боярин Ф. П. Соковнин, однако вскоре ему «велено было жить в деревне», а на его место назначен бы думный дворянин М. П. Колупаев[77]. В свою очередь, сторонники Милославских были посажены в Сыскной и Ямской приказы. В первый был назначен думный дворянин В. Ф. Извольский, а во втором боярин Г. Н. Собакин, сменил назначенного на воеводство в Тобольск боярина А. П. Головина. 12 апреля 1686 г. судьей Судного Московского приказа был назначен боярин А. С. Шеин, впоследствии близкий Нарышкиным[78]. Однако эти успехи Нарышкины, частичные по своему характеру, не могли решительно изменить сложившееся соотношение сил при дворе.

Об этом свидетельствует весьма представительная по своему составу роспись думных людей, сопровождавших царя Ивана Алексеевича в Донской монастырь (19 августа 1685 г.). За старшим царем в походе были бояре кн. В. В. Голицын, кн. П. И. Прозоровский, дворецкий кн. В. Ф. Одоевский, кн. Б. И. Прозоровский, Б. Г. Юшков, А. П. Салтыков, И. Т. Кондырев, кн. В. П. Прозоровский, окольничие И. И. Чаадаев, В. А. Змеев, В. С. Нарбеков, И. А. Мусин-Пушкин, кн. Ф. И. Шаховской, А. И. Ржевский, С. Ф. Толочанов, думные дворяне И. И. Панин и С. С. Нарбеков, думный дьяк Д. Л. Полянский[79]. Здесь мы видим, с одной стороны, тех, кто по традиции составлял двор царя Ивана — А. П. Салтыкова, Б. Г. Юшкова, князей Прозоровских. С другой стороны, достаточно полно представлено и ближайшие окружение царевны Софьи Алексеев-

ны и кн. В. В. Голицына (В. А. Змеев, В. С. Нарбеков, А. И. Ржевский и С. Ф. Толочанов). Наконец, присутствуют и видные думные деятели (например, дворецкий кн. В. Ф. Одоевский). Однако уже в 1686 г. резкое столкновение из-за противоположных внешнеполитических ориентаций привело к распаду этой «широкой думной коалиции».

Единственным источником, дающим представление о закулисной борьбе, предшествовавшей заключению Вечного мира с Польшей, является «Гистория о царе Петре Алексеевиче» кн. Б. И. Куракина. Согласно Б. И. Куракину, «для подтверждения мира с поляки был держан совет в палате, что с поляки ли мир подтверждать и аллианс противу татар учинить... И о том было в палате двух мнений противных, а именно: царевна София и князь Голицын своею партиею были той опинии, чтоб мир с поляки подтвердить и войну против Крыму начать, но другая партия бояр, как князь Петр Прозоровской, Федор Петров сын Салтыков и другие были того мнения, чтоб войну против поляков начать»[80]. Раскол правящей придворной группировки стал фактом, и это во многом предопределило переворот 1689 г. Однако, на первых порах царевна Софья Алексеевна и кн. В. В. Голицын смогли воспользоваться результатами победы их внешнеполитической линии над «старомосковской», приведшей к заключению 6 мая 1686 г. Вечного мира с Польшей.

Так, уже 22 октября 1686 г. был пожалован в бояре сын кн. В. В. Голицына — Алексей Васильевич Голицын[81]. Согласно Невиллю, «новым знаком доверия» к кн. В. В. Голицыну со стороны царевны было то, что «его сын был назначен его товарищем в приказах»[82]. Указ, согласно которому боярину князю А. В. Голицыну велело быть «в товарыщех» «в государственном Посольском, и в Малороссийском, и в Приказе княжества Смоленского, и в Пушкарском приказах, и в четвертных, которые в тех приказах ведомы», дан был уже 28 ноября 1686 г.[83] Однако кн. А. В. Голицын не пользовался авторитетом в Думе, поскольку не имел своего политического лица. Вся его предшествующая служебная карьера была лишь отражением лавирования его отца между двумя придворными группировками: начавший службу комнатным стольником у царевича Петра Алексеевича, он служит затем «в комнате» у царя Федора Алексеевича, а непо-

средственно накануне пожалования в Думу мы вновь находим его среди комнатных стольников Петра[84].

Вместе с сыном «канцлера предпетровской поры» поднимались по служебной лестнице и его помощники. Окольничий С. Ф. Толочанов сменил 17 ноября 1686 г. боярина и дворецкого кн. В. Ф. Одоевского (вероятно, в ту пору уже смертельно больного[85]) в приказе Большого Дворца, а 16 января 1687 г., уже после смерти последнего, занял его место в Судном Дворцовом приказе[86]. 20 февраля 1687 г. был пожалован в думные дворяне другой сотрудник кн. В. В. Голицына, И. Ю. Леонтьев[87]. Это пожалование должно было придать ему, уже назначенному воеводой Астраханского полка в предстоящем Крымском походе, равный иерархический статус с другими полковыми воеводами.

Отъезд кн. В. В. Голицына из Москвы в связи с Крымским походом был использован Нарышкиными, активизировавшими свои усилия в борьбе за власть. Об этом свидетельствуют приказные назначения, раскрыть подоплеку которых позволяет переписка кн. В. В. Голицына с Ф. Л. Шакловитым, остававшимся в столице[88]. Боярина А. С. Шеина, назначенного воеводой Новгородского разряда[89], сменил в Судном Московском приказе боярин А. П. Салтыков. Однако его «сиденье» в приказе оказалось недолгим и заняло всего 10 дней — с 3 по 13 марта 1687 г.[90] Затем его сменил боярин кн. М. А. Черкасский, у которого «была... ссора» с кн. В. В. Голицыным. Впоследствии кн. В. В. Голицын вспоминал, что с кн. М. А. Черкасским его ссорил окольничий Федор Тихонович Зыков[91]. Князь М. А. Черкасский открыто «порочил... дела» кн. В. В. Голицына в Думе. «Ежели не дано было свыше, то б того и делать не дерзал», — писал об этом В. В. Голицын Ф. Л. Шакловитому, намекая на высоких покровителей Черкасского при дворе[92].

Однако кн. М. А. Черкасский вынашивал большие планы, никак не ограничивавшиеся одним приказным постом, даже столь важным, как место судьи Судного Московского приказа. Об этом свидетельствует дошедший до кн. В. В. Голицына и порядком встревоживший его слух о том, что кн. М. А. Черкасского прочат «на боярина Родионово место Матвеевича Стрешнева»[93]. Очевидно, речь шла о месте дядьки пятнадцатилетнего царя Петра Алексеевича, ко-

торое занимал престарелый боярин Р. М. Стрешнев[94]. «Канцлер предпетровской поры» обратился по этому поводу к Ф. Л. Шакловитому с просьбой «его [Черкасского — *А. Л.*] в то не допустить, хотя б патриархом или ц[аревной] А[нной] М[ихайловной] или ц[аревной] Т[атьяной] М[ихайловной] отбивать»[95]. Одновременно кн. В. В. Голицын просит не допустить ухода кн. М. А. Черкасского из Судного Московского приказа, чтобы тем самым затруднить его новое назначение: «Так же из приказу Черкасского не переменяйте: тут ум весь означитца»[96].

Однако, вопреки кн. В. В. Голицыну, кн. М. А. Черкасского все же «переменили» в приказе 29 марта 1687 г. на другого сторонника Нарышкиных — кн. М. И. Лыкова[97]. В отсутствие кн. В. В. Голицына Нарышкиным удалось провести в Думу еще двух своих приверженцев — 29 июня 1687 г. были пожалован в окольничие кн. М. Н. Львов, а в думные дворяне — А. И. Леонтьев, вскоре отправленный, впрочем, на воеводство в Вятку[98].

Возвращение кн. В. В. Голицына из Крымского похода на время уравновесило две противоборствующие придворные группировки. Это отразилось и на пожалованиях в Думу. Осенью 1687 г. были пожалованы: в бояре — кн. Д. А. Борятинский, в окольничие — И. Ю. Леонтьев (12 октября), А. А. Шепелев (13 октября), М. В. Собакин (14 октября). Особенно характерны два первые пожалования в Думу. Если И. Ю. Леонтьев был отмечен за участие в Крымском походе, то Д. А. Борятинский, принадлежал, скорее всего, к недоброжелателям кн. В. В. Голицына. «Держальники» его племянника, кн. Ф. Ю. Борятинского и боярина кн. М. А. Черкасского донимали кн. В. В. Голицына весь поход, а самого князя Федора «канцлер предпетровской поры» советовал «не держать» на Москве[99]. Одновременно Нарышкины пытались взять под свой контроль и приказы: так 29 ноября 1687 г. в Судный Московский приказ был назначен их сторонник думный дворянин П. И. Прончищев[100]. Наконец, важной победой Нарышкиных была введенная в 1687 г. практика докладов кн. В. В. Голицына Петру о важнейших политических событиях, о чем сообщает в донесении от 16 декабря 1687 г. шведский комиссар Христофор фон Кохен[101].

Однако решающим в «борьбе за Думу» оказался следующий, 1688 год. Первоначально среди пожалованных в Думу или получивших думные чины преобладали сторонники Милославских. Так, 8 января в окольничие был пожалован П. А. Лопухин меньшой, а в думные дворяне — Г. И. Косагов, участник 1-го Крымского похода и сторонник кн. В. В. Голицына[102]. 12 января думное дворянство было пожаловано С. П. Неплюеву, однородцу другого сотрудника — «канцлера предпетровской поры» — окольничего Л. Р. Неплюева[103]. 26 января 1688 г. был пожалован из думных дьяков в думные дворяне Ф. Л. Шакловитый. Зато уже 15 апреля боярство получил Т. Н. Стрешнев, пожалованный в комнатные стольники Петра еще в бытность его царевичем, а затем его «поддядькой»[104]. 29 июня 1688 г. в окольничие были пожалованы И. А. Матюшкин и М. Ф. Нарышкин, а в думные дворяне — И. П. Савелов меньшой и С. И. Языков[105]. Если И. А. Матюшкин был просто близок ко двору Петра, то М. Ф. Нарышкину царь приходился внучатым племянником, а И. П. Савелов меньшой был братом давнего союзника Нарышкиных — патриарха Иоакима[106].

Усиление позиций Нарышкиных в Думе сопровождалось демонстративным вмешательством царя Петра в дела управления государством. Согласно донесению фон Кохена от 10 февраля 1688 г., «его царское величество царь Петр прилежно посещал Думу и, как говорят, недавно ночью секретно рассматривал все приказы»[107]. Подробности о последнем событии дает письмо дьяков Посольского приказа В. Бобынина, И. Волкова, Б. Михайлова князю В. В. Голицыну с сыном, написанное на следующий день после ночного посещения Петром приказа. Согласно письму, 16 марта 1688 г., после торжественного выхода на панихиду в Архангельский собор, Петр внезапно «ночи в четвертом часу» пришел в Посольский приказ. Царя сопровождали кн. Б. А. Голицын, бояре кн. М. А. Черкасский, кн. М. И. Лыков и кн. И. Б. Троекуров, окольничий С. Ф. Толочанов, А. И. Ржевский «и иные ближние люди, человек з дватцать». Постояв у стола в «большой полате» Посольского приказа и посмотрев «росписи колодником», Петр «изволил... шествовать в Розряд»[108]. Одновременно продолжалось насаждение ставленников Нарышкиных в приказах. Так, в Холопьем приказе место отправлен-

ного в Симбирск окольничего кн. М. Ф. Жирового-Засекина занял думный дворянин Ф. Т. Зыков[109].

Новое соотношение силы в Думе и при дворе, сложившееся в результате новых пожалований и назначений, позволяют проследить росписи думных людей, сопровождавших царей в походы летом 1688 г. Так, 2 июля 1688 г. в Новодевичий монастырь царя Ивана и царевну Софью Алексеевну сопровождали бояре кн. А. А. Голицын, кн. В. В. Голицын, кн. П. И. Прозоровский, кн. М. Г. Ромодановский, кн. М. Я. Черкасский, кн. Б. И. Прозоровский, А. С. Шеин, Б. Г. Юшков, кн. А. И. Голицын, Ф. П. Салтыков, кн. А. В. Голицын и П. П. Салтыков, окольничие В. А. Змеев, В. С. Нарбеков и кн. П. Л. Львов, думный дворянин С. И. Языков, думный дьяк Д. Л. Полянский[110]. Нетрудно заметить, что в этой росписи, как и в росписи похода в Донской монастырь (1 августа 1688 г.), где к тем же думным людям добавлены боярин Б. В. Бутурлин и окольничий С. Ф. Толчанов, сторонники царевны Софьи Алексеевны и кн. В. В. Голицына объединены с приближенными царя Ивана Алексеевича[111]. Позиции тех и других по ряду важнейших вопросов разошлись еще с 1686 г., так что представительная на вид думная группировка была далеко не столь влиятельной, как это могло бы показаться.

Ей противостояла окрепшая и заметно пополнившая свои ряды придворная группировка Нарышкиных. Раскрыть ее состав позволяет роспись думных людей, сопровождавших Петра в Троицкий поход 31 мая 1688 г. В ней значатся бояре кн. М. А. Черкасский, кн. И. Б. Троекуров, кн. И. С. Урусов, кн. Ф. С. Урусов, кн. М. И. Лыков, И. Т. Кондырев, кн. К. О. Щербатов, Ф. П. Соковнин, Ф. П. Шереметев, Л. К. Нарышкин и Т. Н. Стрешнев, окольничие кн. С. Ф. Львов, кн. Я. В. Хилков, А. П. Соковнин, кн. Д. Н. Щербатов, С. Ф. Толочанов, кн. Н. И. Приимков-Ростовский, кн. Ф. Л. Волконский, кн. М. Н. Львов, И. А. Матюшкин, М. Ф. Нарышкин, думные дворяне И. Б. Ловчиков, В. С. Змеев, М. С. Хитрово, Р. М. Павлов, П. И. Прончищев, Г. Ф. Тарбеев, думный дьяк Н. М. Зотов[112]. Сопоставление этого списка со списком приближенных к царю Ивану Алексеевичу и регентше думных людей позволяет сделать вывод о том, что размежевание

сил при дворе и в Думе дошло до предела. Если раньше многие бояре и окольничие «ездили» то за старшим из царей, то за младшим, то теперь в тех и других росписях мы находим лишь одно—два совпадения.

Под знаком подобного размежевания сил, при растущем влиянии Нарышкиных, прошел конец 1688 — первая половина 1689 г. За вторую половину 1688 г. в думные дьяки был пожалован Автамон Иванов (29 августа), в думные дворяне — И. С. Ларионов (17 августа) и П. П. Савелов (27 августа), в окольничие — К. Ф. Нарышкин (27 августа) и тот же П. П. Савелов (21 декабря), в бояре — Л. Р. Неплюев (22 декабря 1688 г.). Только последний был близок кн. В. В. Голицыну и царевне Софье Алексеевне, все остальные представляют собой родственников или сторонников Нарышкиных и патриарха. Только два повышения в думных чинах и одно новое пожалование в Думу пришлось на долю сторонников Милославских за первую половину 1689 г. В один день — 21 марта 1689 г. из думных дворян были пожалованы в окольничие Ф. Л. Шакловитый и И. М. Татищев большой, а С. И. Салтыков получил боярство[113].

Усиление позиций Нарышкиных в Думе нельзя не связать с совершеннолетием Петра, сделавшим незаконной саму власть правительницы. Окончательно закрепить это должно было венчание молодого царя с Евдокией Федоровной Лопухиной, состоявшееся 27 января 1689 г. На следующий день после него в окольничие был пожалован ее отец, Ф. А. Лопухин (к этому времени Лопухины так захудали, что царскому тестю нельзя быть дать полагавшийся ему по традиции боярский чин)[114]. Еще 4 января окольничество получил Г. Ф. Нарышкин, двоюродный брат деда Петра, а 7 февраля 1689 г. — постельничий Петра И. С. Головкин. Его место занял сын, Г. И. Головкин[115]. 7 февраля 1689 г. получил думное дворянство С. Е. Полтев (уже 25 марта 1689 г. он будет пожалован в окольничие), а 10 февраля в бояре из окольничих был пожалован кн. Н. И. Приимков-Ростовский[116].

Об обострении придворной борьбы в феврале—марте 1689 г. свидетельствует посылка на воеводство сразу двух сторонников Нарышкиных — думного дворянина И. Б. Ловчикова и боярина кн. Д. А. Борятинского[117]. Одновременно Нарышкиным удалось посадить в Судном Вла-

димирском приказе думного дворянина П. И. Потемкина (16 марта 1689 г.)[118]. На следующий день в окольничие были пожалованы дядья новой царицы — В. А. Лопухин и П. А. Лопухин большой[119]. Однако уже 21 марта 1689 г. в бояре был пожалован С. И. Салтыков, а в окольничие из думных дворян — Ф. Л. Шакловитый и И. М. Татищев большой[120]. 24 марта 1689 г. был пожалован в бояре И. И. Головин, также близкий к царевне Софье Алексеевне. Однако одновременно с ним был пожалован в окольничие Д. Я. Стрешнев, а на следующий день стал думным дьяком Я. А. Кириллов, сын крупного приказного деятеля, выходца из купеческой семьи[121]. Последние два пожалования были осуществлены всецело в интересах Нарышкиных. Придворная борьба открыла двери Думы и перед И. П. Чаплыгиным и К. И. Квашниным-Самариным, пожалованными соответственно в думные дворяне и в окольничие 25 марта 1689 г.[122] В тот же день получил боярство и Ю. И. Салтыков, дядя царицы Прасковьи Федоровны, а 31 марта окольничество получил Н. И. Акинфов, а боярство — Л. С. Милославский[123]. Однако это были последние пожалования сторонников Милославских в Думу вплоть до переворота. Уже 29 июня 1689 г. пожалования и повышения в думных чинах затронули сразу четырех сторонников Нарышкиных: Г. Ф. Деревнина (пожалован в думные дьяки), П. М. Апраксина, И. И. Нарышкина (в окольничие) и Ф. А. Лопухина (из окольничих в бояре)[124]. Наконец, на следующий день был пожалован в думные дьяки Л. А. Домнин, проявивший свою преданность Нарышкиным уже во время переворота 1689 г.[125]

Соотношение сил накануне переворота позволяет представить, с одной стороны, роспись несостоявшегося летнего Троицкого похода Петра, который должен был начаться 30 мая 1689 г., с другой стороны, роспись думных людей, сопровождавших царевну Софью Алексеевну во время ее неудачной попытки примириться с братом (31 августа — 1 сентября 1689 г.). В последней значатся бояре кн. Я. Н. Одоевский, кн. В. В. Голицын, кн. В. Д. Долгоруков, кн. М. Я. Черкасский, А. С. Шеин, кн. А. И. Голицын, Л. Р. Неплюев, окольничие В. А. Змеев, В. С. Нарбеков, М. П. Измайлов, С. Ф. Толочанов, П. Л. Львов, думные дворяне Ф. С. Нар-

беков и Г. И. Косагов, думный дьяк Е. И. Украинцев[126]. Это уже не придворная группировка Милославских в своем прежнем, полном составе: среди свиты царевны Софьи Алексеевны нет ни одного из придворных царя Ивана (Салтыковых, Прозоровских). Всю роспись можно почти без остатка разделить на три группы: придворные царевны Софьи Алексеевны (В. С. Нарбеков, Ф. С. Нарбеков), приближенные кн. В. В. Голицына (Л. Р. Неплюев, В. А. Змеев, С. Ф. Толочанов, Г. И. Косагов и Б. И. Украинцев) и члены влиятельного думного класса Одоевских (кн. Я. Н. Одоевский, кн. М. Я. Черкасский). Если первые и вторые после переворота 1689 г. за немногими исключениями (Г. И. Косагов и Е. И. Украинцев) были удалены с политической арены, то с князьями Одоевскими Нарышкиными был достигнут своего рода компромисс.

О возросшем числе сторонников Нарышкиных в Боярской думе свидетельствует роспись думных людей, которым было велено «быти в Троицком объезде июня с 30 числа» 1689 г. (несостоявшемся летнем Троицком походе Петра). Здесь записаны бояре кн. М. А. Черкасский, кн. И. Б. Троекуров, кн. Н. С. Урусов, кн. М. И. Лыков, кн. Ф. С. Урусов, И. Т. Кондырев, кн. К. О. Щербатов, Ф. П. Соковнин, Ф. П. Шереметев, Л. К. Нарышкин, Т. Н. Стрешнев, окольничие кн. С. Ф. Львов, кн. Я. В. Хилков, А. П. Соковнин, кн. Д. Н. Щербатов, кн. Ф. Ф. Волконский, С. Ф. Толочанов, кн. Н. И. Приимков-Ростовский, кн. Ф. Л. Волконский, кн. М. Н. Львов, М. Ф. Нарышкин и И. А. Матюшкин, думные дворяне И. Б. Ловчиков, В. С. Змеев, И. С. Хитрово, Р. М. Павлов, П. И. Прончищев и Г. Ф. Тарбеев, думный дьяк Н. М. Зотов[127]. Летний Троицкий поход Петра не состоялся, поэтому в росписи нет обычных помет и поправок дьяков. Только несколько фамилий отличает наш список от списка тех, кто приедет к Петру осенью 1689 г. в Троицу. Но эти добавления были продиктованы уже самой логикой придворной политической борьбы, а не внесены, как прежде, рукой разрядного дьяка.

Подводя итоги, необходимо сказать, что значение Боярской думы в структуре власти Русского государства в 1682—1689 гг. было исключительно велико. Практически,

это был «серебряный век» Думы, последнее боярское правление. Царская власть, трудами Алексея Михайловича ставшая в значительной мере независимой от влияния Боярской думы и опиравшаяся на не подчиненный ей приказ Тайных дел, ослабла при его преемниках — царе Федоре Алексеевиче и братьях-соправителях Петре и Иване. В условиях, когда на троне находились два недееспособных самодержца, как-то ограничить влияние Боярской думы могла лишь регентша — царевна Софья Алексеевна. Однако и само сосредоточение в ее руках власти было не в последнюю очередь связано с участием в думных заседаниях. Не случайно имя правительницы первоначально появляется в царском титуле в указах с боярским приговором[128]. Кстати говоря, само отличие последних от именных указов стирается благодаря специфике законодательной практики регентства. Согласно свидетельству современника-иностранца, «царевна обдумывает все с магнатами, после чего решение публикуется... от имени обоих царей»[129]. Однако именно это «соцарствие», а вернее — «тройственное правление» — подготовило и позднее падение Боярской думы. Обстановка ожесточенной борьбы за власть, как это не раз бывало и ранее, широко открыли двери Думы перед незнатными служилыми людьми, поддержкой которых стремились заручиться обе придворные группировки. Этот приток «неродословных» служилых людей оказался фатальным для Думы, число членов которой уже при царе Федоре Алексеевиче перевалило за сто человек. Боярская дума, с одной стороны, становилась недееспособной в административном отношении, неспособной к повседневной работе. С другой стороны, в политическом отношении Дума оказывалась заинтересованной в сохранении существующего положения, в раздроблении высшей власти. Все это предопределило позицию наиболее влиятельных думных деятелей во время переворота 1689 г., не примкнувших ни к одной из сторон. Петр и его окружение не простили Боярской думе этой фронды; отсюда начинается неуклонное падение ее роли в государственных делах. Судьба Боярской думы как учреждения и боярской аристократии расходятся: первую ожидало постепенное вымирание; вторую — включение в формирующиеся структуры власти петровской России.

Расправная палата и боярские комиссии в 1683—1689 гг.

Особые комиссии Боярской думы давно попали в поле зрения историков. Еще Г. Ф Миллер обратил внимание на «отделения» Думы, присутствия которых находились будто бы в различных палатах царского дворца (Золотой, Золотой меньшой и Передней палат)[130]. Объяснить эти упоминания в историко-правовом отношении попытался М. М. Михайлов. Он сделал вывод о том, что при Боярской думе существовала Расправная палата, называвшаяся «иногда Золотою... как сама Дума» по месту своего заседания. Расправная (Золотая) палата предстала в освещении историка «высшей судебной инстанцией не только по делам гражданским, но также по делам судебным, казенного управления и по уголовным». В дополнение к этому, согласно М. М. Михайлову, «во время отсутствия Государя из столицы она управляла Москвою»[131].

Выводы М. М. Михайлова развил и конкретизировал в своем историко-правовом исследовании Н. П. Загоскин. Историк впервые подчеркнул идею разделения властей, заложенную в Палате, возникшей, «вероятно, в виду необходимости придать более твердую и правильную организацию судебно-инстанционной функции Думы», при чем «уничтожалась необходимость в учреждении особой комиссии для ведения Москвы на случай каждой отлучки царя из столицы»[132].

В свою очередь, В. О. Ключевский указал на «обременение думы множеством частных дел как на основную причину создания Расправной палаты. Возникновение постоянно действующей Расправной палаты историк отнес к 1681 г., а прекращение ее деятельности связал с указом 1694 г. В трактовке роли Расправной палаты В. О. Ключевский присоединился ко мнению Н. П. Загоскина, выдвинув на первый план рассмотрение взнесенных «в Верх» из приказов дел и управление столицей в отсутствие государя[133].

С оригинальной концепцией истории Расправной палаты выступил В. И. Сергеевич[134]. Историк отнес «учреждение боярской судной коллегии» к началу опричнины (1564 г.), когда Дума была разделена на опричную и земскую. Именно в рамках последней и возникла «коллегия земских бояр, поставленная над приказами: это не Дума, а Расправная па-

лата, имеющая власть решать текущие дела в управлении». Следующее упоминание о боярской коллегии, заседающей в отсутствие царя, историк нашел в Соборном Уложении 1649 г. (X, 2), в той самой статье, которая традиционно считается единственным упоминанием о Боярской думе в этом кодексе русского права XVII в. Наконец, сам указ 1684 г., который подвел черту под деятельностью Расправной палаты, историк интерпретирует следующим образом: «...В этом указе сведены вместе все прежние распоряжения о боярской палате и он как бы завершает ее организацию». Тем самым Расправная палата в построениях В. И. Сергеевича как бы вытесняет саму Боярскую думу, присваивая себе все самые важные факты ее истории. Эта сторона концепции историка была подвергнута критике его современников, отдававших предпочтение концепциям Н. П. Загоскина и В. О. Ключевского[135]. Но, отказываясь от самых смелых объяснений, данных В. И. Сергеевичем, нельзя не признать важность поставленных им вопросов. Прежде всего, это вопрос об историко-правовых традициях, связанных с Расправной палатой и другими боярскими комиссиями. Сводя все дело к необходимости реформы деятельности Думы, сложившейся во второй половине XVII в. и обусловившей возникновение Расправной палаты, мы можем упустить из виду такую важную сторону московского политического обихода как «старину, пошлину». Короче говоря, если речь идет о том, чтобы объяснить не только сущность, но и своеобразие форм деятельности Расправной палаты, то представляется невозможным обходиться без обращения к идеям В. И. Сергеевича.

Новый этап в изучении Расправной палаты был связан с именем С. К. Богоявленского[136]. В отличие от своих предшественников, опиравшихся в основном на законодательные акты и на данные о назначениях в Палату, историк обнаружил и исследовал список дел, рассмотренных Расправной палатой в 1689—95 гг. Ряд дел, упомянутых в списке, историку удалось выявить в архивных фондах. В результате сложилась цельная картина деятельности Расправной палаты как «высшей судебной инстанции». Благодаря огромному материалу о московских приказах, собранном автором (вошедшему впоследствии в справочник «Приказные судьи XVII в.». М.; Л., 1946). С. К. Богоявленскому удалось

раскрыть взаимоотношения Расправной палаты с судными приказами. Касается историк и проблемы взаимоотношений Боярской думы и Расправной палаты. По его мнению, решение Расправной палаты не нуждалось в утверждении Думой, но могло быть отменено ею.

В последние годы к истории Расправной палаты обратился П. В. Седов. Историк относит возникновение первой комиссии «для расправных дел» к 1654 г., однако, по его мнению, постоянная Расправная палата была учреждена только в 1678 г. Изучив деятельность палаты в 1678—1681 гг., П. В. Седов пришел к выводу, что она обладала «большим авторитетом», нежели ее недолговечные предшественницы, и была, благодаря своему составу, поставлена вне приказной системы[137].

Однако несмотря на значительные успехи, достигнутые в изучении Расправной палаты и боярских комиссий, многие вопросы еще остаются нерешенными. Давно введен в научный оборот ряд законодательных актов, однако, к кому они относятся — к Боярской думе или к Расправной палате — остается спорным. Уже сейчас можно составить список руководителей и членов боярских комиссий за весь XVII в., однако вопрос о том, чем они руководили — постоянной Расправной палатой или однодневной комиссией «на государеве дворе» — повисает в воздухе. И наконец, нужно прибавить ко всему вышеизложенному вопрос о реальной компетенции Расправной палаты, о которой мы можем судить лишь по последним пяти годам ее существования. Все эти вопросы остаются актуальными и для 1680-х гг. Выше нами представлен материал о боярских комиссиях, управлявших Москвой во время стрелецкого восстания 1682 г. После подавления восстания боярские комиссии, естественно, лишились своих чрезвычайных полномочий, но потребность в них не отпала.

С. К. Богоявленский отнес возобновление деятельности Расправной палаты к июлю 1683 г.[138] Данные Летописца, составленного одним из новых членов Расправной палаты — кн. А. Я. Дашковым — позволяют утверждать, что это произошло за четыре месяца до того: «Марта в 28 день [1683 г.] указали великие государи, в полате сидеть для росправных дел, бояром князю Михайлу Андреевичу да князю Андрею Ивановичу Голицыным, Михайлу Львовичу Плещееву,

окольничим князю Ивану Михайловичу Коркодинову, князю Матвею Венедихтовичу Оболенскому, Алексею Прокофьевичу Соковнину, енаралу и думному [так! — *А. Л.*] Агею Алексеевичу Шепелеву, думным дворяном Андрею Яковлевичу Дашкову, Ивану Ивановичу Сухотину, думным дьяком Ивану Савиновичу Горохову, Павлу Михайловичу [Остафьеву]»[139]. Данные дворцовых разрядов не позволяют связать образование комиссии с отъездом самодержцев из столицы, а само название («для расправных дел») свидетельствует о ее судебных функциях. Об этом же свидетельствует и состав комиссии. Ни один из ее членов, за исключением думного дьяка П. М. Остафьева, сидевшего в Сибирском приказе[140], не имел приказных постов. Это давало возможность Расправной палате выполнять свою основную работу — принимать и пересматривать «неправедно» вершенные в приказах дела и разрешать конфликты, возникавшие на пересечении компетенций различных приказов.

Однако не прошло и месяца, как была организована новая думная комиссия более узкого состава. На время похода обоих царей на богомолье в Воскресенский девичий монастырь (12—13 апреля 1683 г.) «на их государском дворе в Москве были» оставлены бояре кн. Н. И. Одоевский и М. П. Головин, думный дворянин И. И. Сухотин и думный дьяк И. С. Горохов[141]. Новая комиссия очень напоминает ту, что «ведала Москву» во время недавнего стрелецкого восстания. Только место кн. Ф. Ф. Куракина занял кн. Н. И. Одоевский — один из старейших бояр, фактически занимавший в то время первое место в Боярской думе. Рядом с ним мы видим все того же боярина М. П. Головина, руководившего в то время Земским приказом[142]. Другие «товарищи» кн. Н. И. Одоевского — И. И. Сухотин и И. С. Горохов — также работали в прежней комиссии кн. Ф. Ф. Куракина. Словом, перед нами обычная думная комиссия, остававшаяся управлять столицей в отсутствие царей.

Однако уже месяц спустя последняя функция переходит к комиссии кн. М. А. Голицына. В дворцовых разрядах под 6 мая 1683 г. упомянуто о том, что «на Москве... на их великих государей дворе» был оставлен, по случаю отъезда царя Петра Алексеевича в подмосковное Воробьево боярин кн. М. А. Голицын «с товарыщи»[143]. Состав майской комис-

сии полностью повторяет состав мартовской, за исключением отсутствующего боярина кн. А. И. Голицына[144], однако ее функции кардинальным образом изменились. Помимо прежних, судебных полномочий, она отныне «ведает Москву» в отсутствие государя. В течение следующего 1684 г. неоднократно упоминаются «бояре князь Михайло Андреевич Голицын с товарищи», «которые с ним боярином у расправных дел, иногда остававшиеся «на Москве на их государском дворе»[145]. Однако само совмещение двух функций — судебной и административной — не было постоянным. В сентябре 1683 г., вместо кн. М. А. Голицына, сопровождавшего Петра в Троицкий поход, руководителем комиссии, оставленной «на Москве... на их в. г. дворе» вновь стал кн. Н. И. Одоевский[146]. Раскрыть процесс формирования комиссии позволяют черновые росписи ее состава. Первоначально предполагалось включить в ее состав бояр П. В. Шереметева и А. П. Салтыкова, окольничих М. П. Измайлова, И. А. Мусина-Пушкина, И. Ф. Бутурлина и кн. И. С. Хотетовского, думного генерала А. А. Шепелева, думных дворян И. А. Желябужского, Т. П. Савелова, И. А. Хитрово, Р. М. Павлова, Ф. А. Зыкова, думных дьяков Д. Л. Полянского и П. М. Остафьева. После того, как были вычеркнуты А. П. Салтыков и И. С. Хотетовский и внесен боярин Б. В. Бутурлин, сложилась первая редакция росписи[147]. Однако она не удовлетворила составителей. Во второй редакции росписи исключенными оказались А. А. Шепелев, И. А. Желябужский, Т. П. Савелов[148]. Роспись была перебелена[149] и в таком виде вошла в «дворцовые разряды» под сентябрем 1683 г.[150]

С. К. Богоявленский охарактеризовал комиссию кн. Н. И. Одоевского как «составленную из начальников различных приказов: Судного Владимирского, Судного Московского, Холопья суда и пр.»[151]. Приведенные выше неопубликованные черновые росписи состава боярской комиссии, позволяют утверждать, что ее формирование в этом направлении велось сознательно. Если в первую редакцию попали боярин П. В. Шереметев и окольничий М. П. Измайлов, сидевшие в Судном Московском приказе, и окольничий кн. И. С. Хотетовский, бывший судьей Холопьего приказа, что в черновике второй редакции к ним прибавился боярин

И. В. Бутурлин, руководивший Судным Владимирским приказом. Из начальной в окончательную редакцию росписи без изменений перешли имена тех, кто имел приказные посты: боярина И. Ф. Бутурлина (Ямской приказ), думного дьяка П. М. Остафьева (Сибирский приказ). Зато среди выбывших почти все не имеют приказных мест: А. А. Шепелев, Т. П. Савелов и И. А. Желябужский. Исключение составляют И. С. Хотетовский (Холопий приказ) и А. П. Салтыков (Разбойный), вычеркнутые еще в первой редакции. Однако последнего уже в октябре 1683 г. сменит на его приказном посту тот же боярин П. В. Шереметев[152].

Таким образом, боярская комиссия кн. Н. И. Одоевского представляла своего рода боярское правительство, совет думцев, наделенных приказными постами. Ее члены пользовались судебно-административными полномочиями прежде всего как приказные судьи, а уже во вторую очередь как члены Думы[153]. В этом они представляли полную противоположность участникам Расправной палаты, освобожденным от всякого приказного совместительства, для полной беспристрастности в рассмотрении дел. Это обусловило необходимость одновременного существования обеих комиссий. Так, в сентябре 1684 г. «на их великих государей дворе» оставлена была комиссия под руководством боярина и оружейничего П. В. Шереметева[154], а уже в октябре великие государи указали «у росправных дел быть» М. А. Голицыну «с товарыщи». И здесь черновые росписи позволяют проследить, как формировался состав Расправной палаты. В 1-ю редакцию росписи были сначала включены бояре кн. М. Г. Ромодановский и М. С. Пушкин, окольничие кн. Б. В. Горчаков, кн. С. Ф. Львов, М. П. Измайлов и А. П. Соковнин, думный генерал А. А. Шепелев, думные дворяне И. Б. Ловчиков и А. Ф. Полибин, думные дьяки Д. Л. Полянский и П. М. Остафьев. Затем С. Ф. Львов и М. П. Измайлов были вычеркнуты, между строк был вписан думный дворянин В. Д. Мясново[155]. В сформировавшийся, таким образом, текст 1-й редакции были внесены изменения: М. П. Измайлов был восстановлен, а А. П. Соковнин исключен[156]. Изучение обоих редакций росписи позволяет утверждать, что принцип неучастия приказных судей в работе Расправной палаты соблюдался неукоснительно. Даже сре-

ди отвергнутых при редактировании кандидатур нет ни одного думца, сидевшего в то время в приказах. Однако, определенный административный опыт для работы в Расправной палате. Этим объясняется, очевидно, вызвавшее первоначально какие-то сомнения у составителей назначение окольничего М. П. Измайлова, сидевшего до 15 декабря 1683 г. в Судном Московском приказе[157]. С другой стороны, работа в Расправной палате сама давала соответствующий опыт. Поэтому М. С. Пушкин, имя которого открывает роспись ее членов, уже 13 января 1684 г. станет судьей Судного Владимирского приказа[158].

К осени 1684 г. относится, судя по всему, и временное объединение двух комиссий. В черновой разрядной росписи обозначены бояре кн. М. А. Голицын, И. Б. Бутурлин, П. В. Шереметев, кн. М. А. Черкасский, А. П. Салтыков, кн. И. Б. Троекуров, М. С. Пушкин, окольничие кн. Б. В. Горчаков, М. П. Измайлов, Б. Ф. Полибин, Я. В. Хилков, В. Ф. Жирово-Засекин, А. С. Хитрово, кн. Ф. Ф. Волконский, А. В. Толстой, думный генерал А. А. Шепелев, думные дворяне В. Д. Мясново, А. И. Хитрово, И. С. Телепнев, Г. С. Караулов, Ф. Т. Зыков, думные дьяки П. Оловянников, Е. Полянский, И. Ляпунов, Л. Домнин, стольники Я. С. Пушкин и кн. Б. Ф. Долгоруков[159].

Состав обеих комиссий не оставался неизменным. Кн. М. Г. Ромодановскому было «велено быть в Астрахань», а В. Д. Мясному — «быть в Киеве»[160]. 15 декабря 1684 г. «быть в Полатез боярином со князем Михайлом Андреевичем Голицыным» было указано боярину И. В. Бутурлину и думному дворянину П. И. Потемкину[161]. Однако, если основной состав Расправной палаты оставался достаточно постоянным, то комиссия, «ведавшая» Москву, сменялась от раза к разу. Так, в феврале 1685 г. «на Москве» был оставлен боярин кн. Н. И. Одоевский «с товарыщи», в июле его сменили боярин кн. А. А. Голицын, а в августе расширенную боярскую комиссию возглавил боярин и оружейничий П. В. Шереметев[162].

Таким образом, в 1683—1686 гг. существовал целый ряд боярских комиссий. Среди них выделяются комиссии «на государевом дворе». Непостоянные по своему составу, форми-

ровавшиеся от раза к разу, они, как правило, включали в себя ряд приказных руководителей. В отличие от них, комиссия «для расправных дел», руководимая кн. М. А. Голицыным[163], была более устойчивой и формировалась из думцев, не охваченных приказными назначениями. В силу этого она могла не только принимать апелляции на решения, принимаемые в приказах, но и пересматривать их. Однако до последнего времени было «не ясно... чем занималась Палата под руководством М. А. Голицына»[164]. Найденная нами роспись дел, находившихся в Палате на 1 января 1685 г., помогает ответить на этот вопрос[165].

Полное название этого документа звучит так: «193-го генваря в 1 день роспись делам, которые взяты в Верх в Полату росправных дел к бояром ко князю Михайлу Андреевичу Голицыну, с товарыщи из разных приказов [и] подписанным челобитным» (л. 1). Всего в росписи перечислено свыше 37 дел, а также одна приказная память и одна выпись на село. Наряду с делами в роспись попали и материалы собственного делопроизводства Расправной палаты — «тетрадь записная вершеным делам, другая подписным челобитным, взятым в Верх», «связка челобитен, по которым дела велено взять в Полату», а также «две связки розных писем» (л. 2—3). Краткие описания и пометы против них («отдано», «отослан», «справитца»), помогают понять, как происходила работа Палаты. Дела «взносились» «в Верх» «в мешке за печатью», как это помечено о деле П. Бестужева (л. 3). Впрочем, одно дело хранилось «в коробочке, за печатью» (л. 4). Роспись скреплена по листам подьячими, служившими в Расправной палате — Ефимом Кощеевым, Василием Чернеевым и Лукьяном Васильевым.

Уже просмотр лаконичных записей о делах, в которых, как правило, упоминаются лишь истец и ответчик, позволяет достаточно полно определить, что за дела поступали в Палату. Роспись открывают «два дела окольничего Матвея Петровича Измайлова, с Ываном Вердеревским и тех дел выписка [166-]вершеная[-166]», затем следует «дело боярина князь Григорья Афанасьевича Козловского с Федосеем Полозовым, и с того дела выписка» (л. 1). Во всех этих делах фигурируют, как правило, служилые люди думных и московских чинов. Первые были ведомы судом во Владимирском Суд-

ном приказе, вторые — в Московском. При этом, несмотря на старую московскую традицию, согласно которой «судебное разбирательство проводилось в том учреждении, где был ведом судом ответчик», во Владимирском Судном приказе рассматривались не только иски думных чинов, но и иски на них. Сложившееся в результате привилегированное положение Владимирского Судного приказа, который был «честнее» Московского, приводило к постоянным конфликтам двух приказов по вопросам их компетенции[167]. Разрешить эту задачу и призвана была Расправная палата.

Эта задача была тем более сложной, поскольку узкий круг думцев, выделившийся из столичного дворянства, был связан с ним множеством родственных, имущественных и других связей. Тем самым Расправная палата превращена была на деле в своего рода апелляционный суд для высшей аристократии. В этом еще раз убеждают расписки о взятии дел из Палаты, следующие за росписью. Дела из Расправной палаты забирали подьячие Владимирского Судного приказа Яков Алексеев, Александр Никанов, Данила Березов, и Московского Судного приказа — Яков Копнин и Матвей Куклеяров (л. 5—8).

Понятно, что передача дел и перевод подьячих из Судного Московского приказа в Судный Владимирский приказ, осуществленные царским указом от 9 февраля 1685 г., должны были оставить Расправную палату без работы[168]. В следующем, 1686 г., Палата разбирает в основном старые дела. К их числу относится, например, дело Г. В. Архарова с А. Елизарьевым, упомянутое выше, которое начато было еще при царе Федоре Алексеевиче и частью пропало во время разгрома московских приказов «в Смутное время»[169]. В рассмотрении этих дел уже не принимал участия боярин кн. М. А. Голицын, назначенный 30 января 1685 г. на воеводство в Курск[170]. Несмотря на новое назначение, он продолжал оставаться номинальным руководителем Расправной палаты. Во всяком случае, именно об этом свидетельствует упоминание его имени в позднейших документах Расправной палаты.

С. К. Богоявленский недоумевал, почему руководитель Расправной палатой назначен был М. А. Голицын, «занимавший далеко не первое место среди бояр»[171]. Возможно, неавторитетному в Думе боярину помогли связи с придвор-

ной группировкой, сложившейся вокруг царевны Софьи Алексеевны? Однако это предположение приходится отбросить: вскоре после нового назначения, в сентябре 1683 г., мы видим кн. М. А. Голицына среди сопровождающих Петра на богомолье в Троицу[172].

Не выдерживает критики и другое возможное объяснение столь неожиданного возвышения князя Михаила Андреевича — его родство с фактическим правителем государства, князем В. В. Голицыным[173]. Материалы делопроизводства Расправной палаты и Посольского приказа свидетельствуют о том, что родство их руководителей мало сказалось на взаимоотношениях двух ведомств[174]. Впоследствии взаимоотношения дяди и племянника выльются в открытый местнический конфликт[175].

Пролить свет на причины назначения кн. М. А. Голицына главой Расправной палаты позволяет характерная вводная часть актов, вышедших из ее делопроизводства. Впервые она появляется в указе по делу Г. В. Архарова с А. Елизаровым, относящемся к 1686 г.: «А февраля в 21 день по указу великих государей и по приговору бояр князя Михаила Андреевича Голицына с товарыщи и по помете на том деле думного дьяка Данила Леонтьевича Полянского велено...»[176] Обычно формула «царь указал, а бояре приговорили» свидетельствовала об участии в решении дела Боярской думы. В данном случае речь идет, очевидно, о «приговоре» не всей Думы, а лишь Расправной палаты. При этом самым удивительным является участие самодержцев в принятии решения («по указу великих государей...»), а значит, и в заседании Расправной палаты. Последняя была задумана и создана именно как боярская комиссия, вершившая судные дела как раз в отсутствие царя. Превращение Расправной палаты в свою противоположность, в своего рода Думу узкого состава, заседающую в присутствии царей, заставляет переоценить многие особенности ее истории, в том числе и назначение ее главой кн. М. А. Голицына. Право первого голоса в Расправной палате должен бы иметь не он, а царствующая особа, от случая к случаю присутствующая на ее заседаниях. Авторитетный думный деятель, в роде боярина кн. Н. И. Одоевского, к советам которого прислушивался еще царь Алексей Михайлович, был бы здесь явно не на месте.

Однако уже к концу 1687 г. оба руководителя боярских комиссий ушли с политической сцены. Кн. М. А. Голицын 25 сентября 1687 г. умер[177], а на место одряхлевшего кн. Н. И. Одоевского пришел его сын — князь Яков Никитич. В июне 1688 г. он возглавил оставленную «на Москве» боярскую комиссию. Но уже в июле «на их великих государей дворе» был вновь оставлен «боярин и оружейничий» П. В. Шереметев, «с товарыщи» а в августе, в первый и последний раз, — боярин кн. А. И. Голицын[178]. Однако оба последние назначения носили временный характер. Накануне переворота, 19 августа 1689 г., внимание правительницы вновь остановилось на боярине кн. Я. Н. Одоевском. Вместе с ним «по Москве, по их государскому указу оставлены были бояре кн. Г. А. Козловский, окольничие И. С. Хитрово, И. И. Чаадаев, кн. Ф. И. Шаховской, думные дворяне Т. П. Савелов, П. С. Хитрово и думный дьяк Л. А. Домнин[179].

Это уже прообраз Расправной палаты, воссозданной Петром по указу от 12 сентября 1689 г. Руководителем палаты стал боярин князь Я. Н. Одоевский. Вместе с ним «у расправных дел» велено было находиться боярам М. П. Головину, кн. Г. А. Козловскому, М. С. Пушкину, окольничим М. П. Измайлову, кн. Ф. И. Шаховскому, кн. Д. Н. Щербатову и кн. Ф. Л. Волконскому, думным дворянам Ф. С. Нарбекому и Ф. А. Зыкову, думным дьякам П. Н. Никифорову и Я. А. Кириллову[180]. Последовавшее сразу за дворцовым переворотом изменение состава Расправной палаты показывает, какое внимание уделяло новое правительство этому учреждению.

Назначение кн. Я. Н. Одоевского главой Расправной палаты должно было, очевидно, подчеркнуть преемственность в политике Нарышкиных, их лояльность по отношению к влиятельному думному клану. Умерший незадолго до того — 12 февраля 1689 г. — отец князя Якова Никитича, Никита Иванович Одоевский, был руководителем Расправной палаты в 1678—1681 гг. и комиссий «на государеве дворе» в 1683—1685 гг.[181] Не случайно, незадолго до этого — 25 февраля 1689 г. — князю Я. Н. Одоевскому поручен был Аптекарский приказ[182], бессменным главой которого был его отец[183]. К тому же и сам князь Яков Никитич в

1683—1689 гг. неоднократно оставался «на Москве» во главе боярской комиссии.

В состав комиссий, остававшихся «на Москве» или «на их великих государей дворе», входили в свое время и другие новые члены Расправной палаты: бояре М. П. Головин, кн. Г. А. Козловский, окольничие М. П. Измайлов и кн. Ф. И. Шаховской, думные дворяне Ф. С. Нарбеков и Ф. А. Зыков. Из «ветеранов» Расправной палаты, сидевших в ней еще в 1682 г., в число новоназначенных попал только боярин М. С. Пушкин. Никогда прежде не работали в Расправной палате оба назначенных туда указом 12 сентября думных дьяка — П. Н. Никифоров и И. А. Кириллов. Пестрым был и политический состав представленных в палате думцев. Конечно же, здесь были те, кто во время переворота 1689 г. последовал за Петром в Троицу (боярин М. С. Пушкин, окольничие кн. Д. Н. Щербатов и Ф. Л. Волконский). Однако Нарышкиным пришлось включить в состав Расправной палаты и тех, кто занимал достаточно самостоятельные позиции.

Последнее в полной мере можно отнести к назначению в палату кн. Г. А. Козловского. За тридцать лет до описываемых событий, в бытность еще стольником, князь Григорий Афанасьевич руководил Московским Судным приказом, что, видимо, дало ему необходимый для работы в палате административный опыт[184]. Очевидно, этому он и был обязан своим новым назначением. Однако кн. Г. А. Козловский никогда не был особо близок к Нарышкиным. Родовитый, с послужным списком, которому мог позавидовать любой московский полководец[185], он не соблюдал даже минимальной лояльности по отношению к царской родне и 15 апреля 1691 г. заместничался с самим царским дядей — боярином Л. К. Нарышкиным[186].

Однако куда более серьезно выглядело другое. Назначенные в Расправную палату, Ф. Т. Зыков и Д. Н. Щербатов сохранили свои посты в судных приказах. Первый остался судьей Холопьего, а второй — Владимирского Судного приказа[187]. Это показывает, что Нарышкины совсем по-иному подошли к деятельности палаты, чем их предшественники, что в перспективе не могло не привести к свертыванию ее деятельности.

Однако на первых порах работа Расправной палаты шла достаточно активно, доказательством ему служит обнаруженный С. К. Богоявленским список дел, включающий до 150 названий[188]. Заседала Расправная палата под председательством кн. Я. Н. Одоевского в Золотой Палате, по имени которой она иногда называется в документах. Так, например, в памяти из Патриаршего разряда в Расправную палату от 17 июня 1691 г. упоминается о том, что «святейший патриарх [Адриан — *А. Л.*] указал в Золотую полату к... бояром ко князю Якову Никитичю с товарищи отписать, чтоб взятое дело из Мастерские полаты прислать в Патриарш розряд»[189]. Однако иное «заседание» Расправной палаты могло быть перенесено и на двор к ее руководителю. Об этом свидетельствует письмо монастырского приказчика Василия Ушакова игуменье Марфе и келарю Улее[190].

С 1691 г. кн. Я. Н. Одоевского сменил на посту руководителя Расправной палаты боярин кн. М. Я. Черкасский[191]. Вверенное кн. М. Я. Черкасскому учреждение по-прежнему носит название «Золотой полаты»[192] или «Росправной палаты»[193]. Наряду с прежними названиями, без изменений остается и компетенция Расправной палаты. В ней по-прежнему рассматривались дела, «неправедно» вершенные в приказах, или возникшие на стыке компетенций двух различных приказов. Примером первой стороны деятельности Расправной палаты является челобитье полуполковника С. Л. Брянковского. Двор полуполковника был в свое время отписан у него по «правежной выписи» по иску священника церкви Логгина Сотника Федора. Однако, когда последний сначала заложил двор, а затем просрочил долг, двор был вновь отписан, но уже в пользу кредитора — протопопа девичьего Вознесенского монастыря Матвея. И первое, и второе дело было вершено в Земском приказе окольничим князем М. Н. Львовым. Полуполковник С. Л. Брянковский оспорил законность второго решения, обратившись в Расправную палату, и добился успеха, получив «правежную выпись» на потерянный было двор[194]. Повод для другого челобитья, поданного кадашевцем О. Исаевым, дала неопределенность компетенции двух приказов — вышеупомянутого Земского и Царицыной мастерской палаты. Исаев обвинял в «бесчестье» другого кадашевца — И. Ф. Шахова. Пока это дело

рассматривалось в Царицыной Мастерской палате, в которой были «ведомы судом» тяглецы Кадашевской слободы, подьячий В. Торопов отсудил у Шахова его двор. Тогда Исаев подал челобитную, в которой сослался на царский указ, запрещавший «таких тяглых дворов мимо тяглецов беломесцом продавать и отдавать», и просил забрать оба дела на пересмотр в Расправную палату. Удалось ли челобитчику отсудить двор обидчика, мы не знаем, так как конец дела утрачен[195].

Указ от 17 марта 1694 г., согласно которому спорные и невершеные дела велено было «слушать... боярам и думным людям всем»[196], а не особой думной комиссии, положил конец существованию Расправной Палаты. Это был закономерный итог административной практики нарышкинского правления. Однако сама пятнадцатилетняя история этого учреждения, время от времени упраздняемого, для того чтобы возникнуть снова, подводит к ряду важных особенностей политического строя России конца XVII в. Прежде всего, это назревшая необходимость как-то развести поток законодательных, судебных, административных и дипломатических дел, захлестнувших Боярскую думу с головой и породивших своеобразную практику разделения властей. А. Г. Маньков, проанализировавший царские указы с боярским приговором за вторую половину XVII в., пришел к выводу о том, что большая часть их представляет собой законодательные памятники[197]. Но если сама Боярская дума все более и более специализировалась на законодательной работе, то основная масса текущих судебных дел, «взнесенных» из приказов, направлялась в Расправную палату. Особый вопрос представляет собой внешнеполитическая деятельность Боярской думы. В документах 1680-х нередки упоминания «о немногих боярах», участвовавших в обсуждении того или иного дипломатического вопроса. Необходимость отделения законодательной власти от судебной была причиной возникновения Расправной палаты. Поскольку эта причина в 1694 г., конечно же, не была устранена, русские законодатели еще не раз обратятся к опыту этого учреждения.

В начале XVIII в. Расправная палата была восстановлена Петром Великим, причем в ней заседали прежние деяте-

ли — бояре кн. М. А. Черкасский и И. Б. Троекуров. Это учреждение пережило саму Боярскую думу, закончив свое существование в качестве подразделения Сената[198].

Земский собор 1683—84 гг.

Историография и источники. Первым и по сути дела единственным исследователем Земского собора 1683—84 гг. остается В. К. Никольский. Историк впервые обратил внимание на опубликованный в Полном собрании законов Российской империи указ от 18 декабря 1683 г. о его созыве, получивший при издании довольно-таки невнятное заглавие («именной [указ] о взятии изо всех городов по два человека служивых и отставных дворян и детей боярских, способных к отправлению с послами для договора о заключении мира с польским королем») и потому не привлекший к себе внимание предшествующих исследователей[199]. Благодаря архивным изысканиям, В. К. Никольскому удалось выявить уникальный по своей полноте комплекс материалов, характеризующих созыв и организацию Земского собора 1683—84 гг. Он был положен в основу небольшой монографии, опубликованной в 1928 г.[200]

К сильным сторонам исследования В. К. Никольского следует отнести его непредвзятость, независимость от сложившихся к его времени историографических стереотипов. Так, историк оказался свободным как от славянофильской идеализации земских соборов, так и от принижения их значения, свойственного в значительной мере последователям государственной школы. Критикуя последних, В. К. Никольский предостерегал против подхода к русской жизни XVII в. «с точки зрения юридической системы понятий, выработанных в XIX и XX веке»[201].

Плодотворной представляется мысль В. К. Никольского о том, что русско-польское сближение в последней трети XVII в. не прошло даром для сословно-государственного строя Русского государства. «Боярство, это московское панство, увлекалось идеями польского можновладства, пленялось независимым положением польской аристократии, — писал историк. — В 1683 г. польское имя гремело по всей

Европе: победы Яна Собесского прославили страну златой шляхтской вольности. Не мудрено, что и наши московские поляколюбы могли увлечься таким великим образцом»[202]. В. К. Никольский отмечал, что земский собор и сейм оказались в результате близки «не только корнями обозначавших их слов, но и самим своим составом»[203]. Изучение сравнительно-исторического материала полностью подтверждает догадку В. К. Никольского о паралеллизме процессов, происходивших в двух соседних странах. Так, за пять лет до Земского собора 1683—84 гг. в Польше прошли сеймики, давшие предстоящему Гродненскому сейму инструкции о заключении вечного мира с Россией[204].

В результате В. К. Никольский пришел к выводам, позволившим ему оспорить традиционную концепцию «постепенного вырождения земского собора», согласно которой соборное представительство, «пережив свой золотой век в смуту и в первые годы правления Михаила», зачахло при Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче. При двух последних самодержцах правильно организованные земские соборы будто бы были вытеснены «односословными комиссиями выборных, экспертов по техническим вопросам». В. К. Никольский решительно выступает против подобного взгляда, утверждая «прерывистость соборного развития, чередование периодов подъема и упадка в соборной истории». С одним из таких периодов подъема связан и Земский собор 1683—84 гг., доказывающий «живучесть учреждения накануне его конца»[205].

В последние годы к истории Земского собора 1683—84 гг. обратился Л. В. Черепнин[206]. В своем очерке Л. В. Черепнин использовал документы, опубликованные В. К. Никольским и в целом присоединился к его выводам о характере Земского собора 1683—84 гг. Однако некоторые выводы самого Л. В. Черепнина с «его общих с другими соборами чертах и особенностях» нуждаются в коррективах. Так, трудно согласиться с историком в том, что организация выборов на собор 1683—84 гг. «мало отличалось от той, которая была в 1651 или 1653 гг.». В отличие от В. К. Никольского, Л. В. Черепнин более односторонне подходит к «самоуправству» воевод и нарушениям избирательной «конституции» с их стороны[207]. Однако все это не так важно по

сравнению с тем, что история Земского собора 1683—84 гг. оказалась в освещении Л. В. Черепнина подчиненной общей концепции, подобной тем, против которых боролся в свое время В. К. Никольский. В дальнейшем Л. В. Черепнин прямо пишет о «затухании соборов» после 1653 г., выделяя как «небольшой взлет» начало 1680-х гг.[208] Нельзя не отметить, что взятые Л. В. Черепниным на вооружение выводы В. К. Никольского и его собственная концепция противоречат друг другу, что придает его освещению собора 1683—84 гг. некоторую двойственность.

Источниковедческая сторона предпринятого исследования определяется тем, что в нашем распоряжении находится практически тот же круг источников, который был выявлен еще В. К. Никольским. Историк обнаружил в столбцах Московского (№ 651) и Белгородского (№ 1059) столов «30 воеводских отписок, 22 выборных списка за руками, 3 доездные памяти рассыльщиков, 3 сказки избирателей, 5 подписных челобитных выборных об отводе им дворов и 3 указных зазывных грамоты Разряда». Кроме того, в записной книге Белгородского стола № 122 В. К. Никольский нашел 64 краткие записки, передающие содержание воеводских отписок[209]. При детальном изучении тех же архивных дел мне удалось выявить еще 7 подлинных воеводских отписок и 7 их записей в книге Белгородского стола, а также 2 выборных списка и одну челобитную выборного А. А. Лихарева (Великий Новгород, Водская пятина). К тому следует прибавить найденный в столбцах Приказного стола выборный список по Черни и комплекс материалов, отложившийся в записных книгах Новгородской приказной палаты[210]. Таким образом, выявленные в последнее время материалы составляют лишь небольшое приращение к первоначальному комплексу источников. Поэтому особое значение приобретает здесь техника источниковедческого исследования, которая могла бы позволить «выжать» из архивных документов возможно более полные сведения о земском соборе 1683—84 г. Это особенно важно потому, что самому В. К. Никольскому свойственен во многом иллюстративный подход к источнику. Историк порой идет от отдельного яркого эпизода, изложенного в воеводской отписке или сказке самих дворян, к широкому обобщению, минуя при этом трудо-

емкие подсчеты, которые позволяют установить общую картину. Именно последние в значительной мере составили основу данной работы.

Дипломатическая предыстория Земского собора 1683–84 г. К началу 1683 г., после окончательного подавления московского восстания, перед новым правительством во всей остроте встал вопрос о выборе внешнеполитической стратегии. Открывавшиеся в связи с этим возможности можно условно свести к трем путям.

Во-первых, весьма заманчивой была перспектива силового решения Балтийского вопроса в новой войне со Швецией. Заключенный в 1661 г. в разгар русско-польской войны, Кардисский мир не мог удовлетворить московских дипломатов, т. к. согласно ему, под властью шведской короны попрежнему оставались отторгнутые в Смуту старинные новгородские земли. Но военное столкновение с державой, обладавшей одной из сильнейших армий в Европе, потребовало бы не только напряжения всех сил, но и отказа от активной внешней политики по всем остальным вопросам.

Во-вторых, в 1683 г. истекал пятнадцатилетний срок Андрусовского перемирия, заключенного в 1667 г.[211] Поэтому со всей остротой вставал вопрос о будущности Киева и Левобережной Украины, временно отошедших к России по перемирию. Закрепить за Россией эти земли могли не только дипломатические переговоры, но и победоносная война. Еще в 1686 г. с подобным планом выступят бояре, близкие ко двору царя Ивана Алексеевича (Ф. П. Салтыков, кн. П. И. Прозоровский). Дополнительным доводом в пользу войны с Речью Посполитой была необходимость освобождения православных на польских землях от религиозного гнета.

В-третьих, заключенный в 1681 г. Бахчисарайский договор с Крымским ханством не удовлетворял обе стороны, к тому же условия его практически не выполнялись[212]. Московским дипломатам приходилось считаться с возможностью новой войны на степной границе. Естественным союзником в этой войне могла бы стать Польша.

Именно к третьему варианту осенью 1683 г. склонились московские дипломаты. На мой взгляд, решающую роль в этом ответственном внешнеполитическом выборе сыграли три обстоятельства.

Во-первых, резко ухудшились русско-крымские отношения. Согласно сообщению нидерландского резидента барона Иоганна фан Келлера от 15 мая 1683 г., «послы их Царских Величеств, посланные к крымскому хану, вернулись сюда и принесли жалобы на несправедливости, обиды и палочные удары, которыми их наградили татары, при всем народе, под тем предлогом, что золото, которое было послано для выкупа пленников, не имело ни нужного веса, ни стоимости, если верить тому, что говорили татары. О подобных поступках, сколь же жестоких, сколь же бессмысленных и противоречащих правам человека, здесь узнали с негодованием; они живо возмутили все сердца и, возможно, породят благородное желание предпринять грозную месть»[213].

Во-вторых, огромное влияние на умы московских дипломатов оказала и победа над турками, одержанная Яном III под стенами Вены. Результатов осады Вены, согласно донесению того же Келлера от 17 сентября 1683 г., в Москве дожидались с таким же нетерпением, как и исхода русско-шведских переговоров (о них см. ниже)[214]. Получив известие о победе, «их Царские Величества приказали не только служить благодарственные службы во всех церквях, но также послать гонца в Польшу, чтобы поздравить короля по случаю этой победы и доблести, которую проявили войска»[215]. В свою очередь, Ян III послал в Москву своего посланника Яна Окрасу[216].

Неудачная миссия Яна Окрасы позволяет раскрыть позиции обеих сторон — русской и польской — окончательно оформившиеся в новой обстановке. Прежде всего, новую окраску приобрела деятельность польского короля, выступающего отныне защитником общехристианских интересов, который сумел преодолеть польско-имперские противоречия во имя победы над общим врагом. «А государь де ево, королевское величество ту войну с тем неприятелем всчал не для своих земель, но за все християнство, видя то, что тот враг Креста Святаго многие земли и городы у християн силою своею бусурманскою завладел и не удоволився тем, дале роспространитись похотел», — говорил «в ответе» Ян Окраса[217]. Возросший авторитет Яна III не позволял отныне решать наболевшие вопросы русско-польских отношений си-

лой, не вызывая повсеместно упреков в коварстве, предательстве общехристианских интересов.

Однако подобной возможности был отныне лишен и Ян III, все силы которого были отныне связаны открытым военным противостоянием с Оттоманской Портой. Это заставляло его более энергично, чем раньше, искать союз с Россией. Предложение последнего было сделано уже Яном Окрасой. На переговорах в Ответной палате, в которых с русской стороны участвовал боярин кн. В. В. Голицын, боярин Б. В. Бутурлин, окольничий С. Ф Толочанов и думный дьяк Е. И. Украинцев, Окраса просил о военной помощи. Признавая, что «в нынешнее... зимнее время их царского величества ратем итти невозможно», польский посланник просил двинуть войска «хотя весною». Окраса подчеркивал, что его поручение носит срочный чрезвычайный характер, поскольку от его выполнения зависело, продолжать ли далее Яну III войну, или заключать мир[218]. Предложения Окрасы были отвергнуты русскими дипломатами. В своих выступлениях они жестко связали возможность заключения военного союза с закреплением итогов Андрусовского перемирия. Последнее же было всецело в компетенции комиссии, которая должна была вскоре выехать из Москвы для участия в приграничном съезде. «...А с ним, посланником, о таком великом деле мимо той комисии им царского величества ближним бояром не токмо в договор, но и в розговор вступать не для чего», — подвели итог русские дипломаты[219].

Наконец, большую роль сыграл и благополучный исход русско-шведских переговоров, которого в Москве ожидали одновременно с известиями о ходе битвы под Веной. Отправленное осенью 1683 г. в Стокгольм посольство окольничего И. А. Прончищева вернулось 4 января 1684 г. в Москву, успешно завершив переговоры. В ходе ответного шведского посольства К. Гильденстерна в Москву 28 мая 1684 г. был подтвержден Кардисский мир 1661 г.[220] Это решение рассматривается иногда как значительная дипломатическая уступка правительства регентства, шедшего на все, чтобы развязать себе руки для решения основных внешнеполитических задач. Однако планы пересмотра Кардисского мира были не только у России, но и у Швеции. Более того, последняя едва не реализовала их в 1682 г., когда Русское го-

сударство было ослаблено стрелецким восстанием[221]. Учитывая это, нельзя не признать подтверждение договора 1661 г. своевременным и взвешенным решением.

Однако для окончательного утверждения избранного правительством регентства внешнеполитического курса необходима была санкция земского собора. Остается лишь согласиться с В. К. Никольским, отметившим, что земский собор был необходим для окончательного завершения русско-польской войны, начатой благодаря решениям Земских соборов 1651 и 1653 гг.[222] Согласно царскому указу от 18 декабря 1683 г., великие государи «указали, изо всех городов, в которых помещики и вотчинники дворяне и дети боярские, взять к Москве из служилых и из отставных дворян и детей боярских ис первой статьи и по два человека из города, и из Великаго Новагорода, по два ж человека из пятины, добрых и разумных и пожиточных людей для постановления вечнаго миру и о союзе, о котором между ими в. г. и польским королем и их обоими государств чинят договор великие и полномочные послы ныне на съездех при границе в Смоленском уезде. А стать тем дворяном изо всех городов на Москве на срок в нынешнем во 192-м году января в 5-м числе»[223]. Уже на следующий день из Посольского приказа были посланы памяти об этом в Разряд и в Казанский приказ[224]. В составленной на его основе в Разряде зазывной грамоты в города некоторые положения первоначального царского указа были пересмотрены. Во-первых, в состав избирателей впервые были включены рейтары, что значительно расширило социальную основу собора. Во-вторых, вопреки первоначальному распоряжению выслать «двойников» изо всех городов (исключая Великий Новгород, представленный десятью выборными), «малые» города получили право выслать одного выборного[225]. Это облегчило участие в соборе для малочисленных «служилых городов», которых было куда меньше, чем полноценных дворянских территориальных корпораций. И первая, и вторая мера оказали определяющее воздействие как на характер выборов на Земский собор 1683—84 г., так и на состав дворянского представительства на нем.

Выборы на земский собор 1683—84 гг. На протяжении XVII в. процедура выборов на земский собор претерпела

значительные изменения, видоизменяясь от раза к разу. Так, на земский собор 1619 г. для рассуждения о новой раскладке податей и повинностей положено было выбрать по одному представителю духовенства от каждого города, по два от дворян и детей боярских, да по два же от посадских людей. По получении царской грамоты о созыве собора, воевода должен был призвать «всех чинов людей» в соборную церковь, зачитать им грамоту и велеть выбрать из своей среды «добрых и разумных» людей, дав на них выборные списки «за руками»[226].

На земский собор 1651 г., который призван был решить вопрос о войне с Польшей, велено было «выбрати... лучших дворян, двух человек, да посадских лучших же людей, двух человек». В царской грамоте подробно регламентировались обязанности воеводы по организации выборов: «...И ты б нам указ... дворянам и детям боярским сказал, чтобы они, по прежнему и по сему нашему указу, выбрали дворян лучших людей из себя, да из посадских людей двух человек тотчас»[227]. Однако в этой части государев указ, как свидетельствуют воеводские отписки, в большинстве городов оказался невыполненным. Так, воеводы 35 городов сообщили, что они сами «выбрали» из дворян, детей боярских и посадских людей представителей на собор[228]. Характерный пример такого смешения прихоти воеводы с сословной волей подчиненных ему служилых людей дает отписка С. Дурново, воеводы Переяславля-Рязанского, простодушно сообщившего о возникших у него при «выборах» трудностях: «Приехали в город, в Переяславль Рязанской для выбора к твоему — государеву, царственному, великому, и земскому, и литовскому делу выборные дворяне, и то не многие люди, и мне, холопу твоему, выбрать неотчего»[229]. Вслед за С. К. Дурново карачевский воевода, кн. Ф. А. Шаховской также отождествил «выборных», которых полагалось избрать, с теми, кто написаны «по выбору, в списку» служилых людей[230]. Только пять воевод, по примеру воеводы Соловы В. Остафьева, сообщили, что «соловляне дворяне и дети боярские промеж себя выбрали к твоему, государеву, царственному великому и литовскому делу соловлян»[231]. О каком-то промежуточном варианте свидетельствует отписка верейского воеводы П. Щелина, содержащего следующий неповторимый оборот: «И я,

холоп твой, по твоей государеве грамоте, в Верее из дворян выбрали дворяне двух человек»[232].

Поэтому трудно согласиться с Л. В. Черепниным, утверждавшим, что понимать слово «выбрал» применительно к воеводе, очевидно, надо в том смысле, что он провел выборы, и что «буквальное понимание глагола «выбрал» как «выдвинул по своему усмотрению» означало бы отсутствие выборного представительства на Руси»[233]. Дело не только в прослеженной выше терминологической разнице, а в том, что от собора 1651 г. практически не сохранилось выборной документации — собственно «выборных списков» («выборов за руками»), за исключением единственного «выбора» от Новосили, датированного 15 февраля 1651 г.[234] Есть основания предполагать, что подобная документация и не велась, а между тем именно она является по сути единственным доказательством того, что выборная процедура действительно имела место (что, опять таки, не исключает возможности подмены воли избирателей и даже подлога).

Еще более характерную картину в смысле формализации выборной процедуры дает собор 1681—82 гг. «для ратных и земских дел». Большую часть документации собора составляют росписи его участников и записи о прибытии в Москву «выборных»[235]. Нечего и говорить, что от собора 1681—82 гг. не дошло не только ни одного «выборного списка», исключая единственное смутное упоминание об одном из них[236].

На фоне подобного свертывания процедуры выборов на соборы во второй половине XVII в. земской собор 1683—84 гг. представляет собой исключительное явление. Выше уже было сказано, что от собора сохранилось (полностью или в отрывках) 24 выборных списка; семь из них были опубликованы В. К. Никольским в приложении к его исследованию[237].

Исследование выборных списков позволило В. К. Никольскому сделать вывод о разном составе выборщиков в замосковных и украинных городах. Если в первых состав избирателей достаточно традиционен, то в последних он, по словам историка «получал... иногда весьма расширенную форму». Так, в Коротояке выбирают «грацкие и уездные полковые службы, копейщики, и рейтары, и салдаты». В

Новосили, помимо полковой и городовой службы, в состав избирателей попали стрельцы, пушкари и казаки, причем не только пятидесятники, но и рядовые. В Усмани к ним прибавляются прапорщики, казенные кузнецы и воротники. Такая же пестрота характерна для выборного списка от Нового Оскола: «дети боярские и драгуны, и стрельцы, и полковыя казаки, и пушкари и полковыя службы градцкия и уездныя всяких чинов люди копейщики и рейтары и салдаты, детей боярских заказныя головы...»[238]

Однако между выборами в замосковных и украинных городах были не только качественные, но и количественные различия, за которыми стоял совершенно разный уровень сословной активности дворянства в центре и на южной окраине Русского государства. Это особенно ярко видно на примере выборов от одной из самых сильных и многочисленных служилых корпораций — Ростова Великого. В них приняло участие лишь 17 человек (5 «полковой службы», 5 отставных и 4 рейтара)[239]. О составе выборщиков от Суздаля можно судить лишь по рукоприкладствам на обороте выборного списка; здесь удается насчитать лишь 8 имен, причем, по крайней мере, трое из них — окладчики. Это уже подмена соборной практики соглашением между самыми видными деятелями «служилого города». Налицо свертывание сословной активности, потеря интереса к соборной деятельности.

Совершенно иная картина наблюдается в украинных городах. Так, в выборном списке от Донкова перечислено поименно 230 выборщиков, в списке от Лебедяни — 178, в списке от Ефремова — 111, а в списке от Козлова — 101[240]. Реальное количество выборщиков следует признать гораздо большим, если учесть, что все эти списки сохранились не полностью. Не менее важные наблюдения можно сделать на материале рукоприкладств на оборотах выборных списков. Здесь подписывание списков не передоверено окладчикам, как в Суздале. В выборном списке от Лебедяни, включающем более 176 выборщиков, за своих прихожан «по их веленью» руку приложили священники местных церквей[241]. Эта приходская организация служилого населения, подобие которой можно видеть лишь в сибирском служилом мире, не имеет ничего общего с традиционной сословной организацией служилых землевладельцев[242]. Включенные в состав из-

бирателей на южных окраинах Русского государства, служилые люди по прибору принесли с собой традиции стрелецких и казачьих кругов в чинную обстановку «служилого города», способствовали подъему сословной активности всей служилой массы. Однако, для того, чтобы реализовать возникшие возможности, правительству требовалась более гибкая политика, нежели та, которая проводилась на деле.

Наряду с высокой сословной активностью служилых людей, в ходе выборов на земский собор 1683—84 гг. проявился и обычный для них абсентизм. Объяснить причины этого двойственного положения помогают наблюдения В. К. Никольского над редакциями правительственных документов о созыве собора. Если в черновике указа, составленного в Посольском приказе, избирателями признавались городовые дворяне и дети боярские полковой службы (как служилые, так и отставные), то Разрядный приказ расширил их круг за счет рейтар. Однако и в том, и в другом случае избиратели должны были выбрать делегатов из «знатных, и пожиточных, и лутчих первой статьи». Это разграничение пассивного и активного избирательного права, привело к тому, что последнее стало «уделом количественно ничтожной кучки отборных дворян»[243].

Действительно, военная реформа 1678—1681 гг. привела к тому, что преобладающая часть русского войска была переведена к «новому ратному строю», а полковую службу продолжали нести по-прежнему лишь московские чины и ничтожная часть городовых дворян. Именно из верхушки («первой статьи») последних и предписывалось выдвинуть выборных. При этом кандидат должен был удовлетворять как зафиксированным в указе, так и негласным условиям: не находиться в это время в пасылках, на воеводстве и т. д. Вероятно, хотя об этом и нет прямых сведений в документах, подразумевалась грамотность. Даже разрешение выбирать отставных не могло изменить положение к лучшему. Многочисленные челобитные дворян с просьбой об отставке, с приложением впечатляющих врачебных «осмотров» челобитчиков, свидетельствуют о том, что «из отставных лишь единицы не были от ран увечны» и могли принять посильное участие в политической жизни.

Таким образом, правительство ограничило круг, из которого могли быть выдвинуты выборные, жесткими сословными рамками. Это приводило к тому, что дворяне того или иного «служилого города», откликнувшиеся на призыв воеводы и собравшиеся для выборов на собор, просто не могли найти в своем кругу человека, удовлетворявшего правительственным требованиям. Так случилось в Мценске, где воевода М. Р. Беклемишев «по указу в. г. и по грамоте из Розряду мценским помещиком полковые и городовые службы дворяном сказывал государев указ чтоб выбрали дву человек разумных и пожиточных людей, и они... у него во Мценску были многие люди и выбору никаково ему не дали». Согласно помете думного дьяка В. Г. Семенова, воеводе послана была грамота, разрешавшая произвести выбор не только из дворян полковой и городовой службы, но и из рейтар[244]. Нечто подобное случилось, судя по всему, в Воротынске. Здесь, по словам воеводы С. Зуева, «воротынские помещики городовые дворяня выбору ему никакова ему [так — *А. Л.*] не дали». Разрядный приказ и здесь оказался на высоте, указав «послать грамоту к нему ж, чтобы он ис полковой службы [и] из рейтар лутчих людей выслал по человеку, а будет полковые службы нет, и выслать рейтар дву человек»[245]. Очевидно, в Разряде прекрасно понимали сущность конфликта, перед лицом которого оказывался воевода, стремившийся выполнить царский указ буквально. Однако правило, согласно которому представительство на соборе оказывалось целиком в руках дворян полковой службы, действовало неукоснительно. Исключения допускались только тогда, когда под угрозу срыва ставилось проведение самих выборов, так как не из кого было выбирать. Стремясь к наибольшему представительству дворян полковой службы — прежнего поместного ополчения — правительство тем самым оставляло неиспользованными резервы соборной практики, за рамками которой оставались широкие круги служилых землевладельцев.

Характеризуя выборы на Земский собор 1683—84 гг., нельзя обойти и вопрос о вмешательстве воеводской администрации. Как уже было отмечено выше, на выборах на предшествующие соборы воеводы порой «своей властью назначали депутатов»[246]. Для собора 1683—84 гг. была характерна

развернутая выборная процедура; следовательно, административное вмешательство должно было выражаться в ее нарушении или игнорировании. Проанализировав три подобных случая, В. К. Никольский пришел к выводу, что мы имеем дело с «очень редким, но не единичным фактом». В целом же, согласно историку, в нашем распоряжении находится «слишком мало фактов» для предположения о том, что в Русском государстве существовало «административное давление на избирателей»[247].

Однако примеры воеводского произвола, приведенные В. К. Никольским (Зубцов, Малоярославец и Лихвин), можно продолжить. Так, ярославский воевода стольник И. Аничков выслал двух «двойников», а «выбору... под отпискою» об этом не прислал[248]. Сходным образом поступил воевода Переяславля-Рязанского стольник М. Селиванов, когда местные дворяне чуть не сорвали ему выборы на собор[249]. «И резанцы дворяне и дети боярские полковые службы, и рейтары, и отставные по высылке переславских площедных подьячих и служилых людей в Переславле Резанском объявились немногие, самое малое число, а многие чинятца вашему в. г. указу непослушны, в Переславль Резанской не едут <...> и мне холопу вашему в том их непослушание от вас в. г. в пене не быть», — писал воевода. После того, как Селиванову была послана грамота «с прежнего отпуску, чтоб выслал тотчас», ему пришлось поторопиться. В следующей отписке он сообщал уже, что выслал обоих двойников, оговариваясь: «что выбор на них пришлет вскоре»[250]. У воевод были и другие возможности обойти избирательную процедуру. Так, можайский воевода Н. Зеленов прислал вместо выбора на «двойников» какую-то «скаску»[251]. Еще любопытнее выглядит поступок старицкого воеводы кн. С. Шелешпальского, который также не прислал выбора на «двойников», поскольку «есть де выбор на них старой»[252].

Все три рассмотренные выше случая дают возможность выявить довольно показательную тенденцию. Становится ясно, что только определенное служебное положение дает воеводе возможность успешно противостоять подчиненному ему «служилому городу». В первом и втором случае это была принадлежность к московским чинам, в третьем — к титулованной знати. Наконец преувеличивать значение проти-

востояний «служилого города» и воеводы мешает то, что последний выступает здесь в роли простого исполнителя распоряжений центральной администрации. Не уездный временщик, навязывающий свои кандидатуры избирателям, а единственное ответственное лицо, справедливо опасающееся государевой «пени» — вот кем скорее предстает воевода в этих эпизодах.

Ряд неповторимых особенностей характеризовал выборы на земский собор в Новгородской земле. Здесь знатному и влиятельному воеводе — а на воеводство в Великий Новгород посылали, как правило, одного из первых бояр Думы — противостоял сильный и сплоченный «служилый город», опиравшийся на прочную землевладельческую основу[253]. Наконец, свои сложности создавало и то, что управление огромной Новгородской землей, несравнимой с крошечными центральными уездами, было сосредоточено в одном месте. Поэтому в царской грамоте в Великий Новгород предписывалось выбрать на собор не двух, как с других «городов», а десять выборных — «с пятины по два человека ис первые статьи лутчих, и разумных, и знающих, и пожиточных людей»[254].

В ответной отписке новгородского воеводы боярина кн. Ф. С. Урусова, полученной в Москве только 19 января 1683 г., сообщалось, что выборы прошли уже в двух пятинах. Служилые люди из Бежецкой пятины выбрали на собор И. И. Аничкова и Б. К. Лупандина, а Обонежской патины — И. Е. Качалова и Н. Ф. Харламова. Но И. Е. Качалова, отлучившегося из Новгорода, «послали того ж числа и велели его выслать к Москве». Что же касается И. И. Аничкова, то он «поехал к Москве до... указу». Новгородским властям оставалось выслать Б. К. Лупандина и Н. Ф. Харламова к выборы на всех четырех в Москву, что и было сделано, согласно отписке, 2 января 1684 г.[255] В Записных книгах отписка нашла следующее отражение: «Писано к в. г. о выборе. Как дворян в Великом Новегороде выберут, и их к в. г. к Москве вышлют, и выборы на них пришлют. Выборы посланы к в. г. к Москве Бежецкие пятины на Ивана Оничкова, на Богдана Лупандина, Обонежские пятины на Ивана Качалова, на Микиту Харламова»[256].

Новгородские власти явно торопились; очевидно было, что медленная деятельность дворянской сословной организации не устраивала их. Между тем необходимо было уложиться к «указному сроку» — 5 января 1684 г. Воеводе пришлось перейти к решительным действиям. Были посланы «памяти в пятины по Ивана Качалова, по Луку Самарина, по князь Гаврилу Мышецкого, по Алексея Лихарева, по Гаврила Крекьшина чтоб их выслать в Великий Новгород тотчас»[257]. Дальше следуют записи о трех документах: «доезжая память Ивана Качалова, что он по высылки к в. г. к Москве поехал»; «доезжая память Луки Самарина, что он к в. г. к Москве выслан»; «доезжая память Гаврилы Крекшина что он к в. г. к Москве выслан»[258]. Вряд ли, высылая в Москву одного выборного за другим, новгородские власти позаботились о том, чтобы их кандидаты были одобрены новгородскими служилыми людьми. Зато можно было доложить в Москву о выполнении царского указа.

Начало второй воеводской отписки, посвященной выборам, было опубликовано В. К. Никольским по подлиннику из Разрядного архива: «И по вашему в. г. указу и по грамоте в Великом Новегороде новгородцы дворяне и дети боярские выбрали из Вотцкой пятины князь Гаврила княж Матвеева с. Мышетцкого, Алексея Антонова с. Лихарева, из Шелонской пятины князь Офонасья княж Иванова с. Кропоткина, Гаврила Микитина с. Крекъшина, из Деревской пятины Алексея...»[259] Историк счел, что конец документа, обрывающегося на самом интересном месте, безвозвратно утерян. Однако нам удалось отыскать его в том же столбце, за два сстава от начала. Это позволяет восстановить полный список выборных от Новгорода: «...Микифорова с. Оничкова, Луку Васильева с. Самарина и их, Гаврилу Мышетцкого с товарыщи из Великого Новагорода к вам в. г. ц. и в. кн. Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю в. В. и М. и Б. Р. с. к Москве мы, холопи ваши, выслали, и выборы послали под сею отпискою чрез уставленную почту февраля в 15 день и велели им явитца в Розряде думному дьяку Василью Григорьевичю Семенову с товарыщи, а про Алексея Оничкова Деревские пятины дворяне и дети бярские сказали, что он Алексей съехал к Москве до вашего в. г. указу»[260]. Недатированная запись о посылке этой отписки следует в записной

книге Новгородской приказной палаты после записей доезжих памятей о высылке или отъезде к Москве И. Е. Качалова, Л. В. Самарина и Г. Н. Крекшина. Следовательно, в то время, как по крайней мере двое из шести перечисленных в отписке выборных уже находились на пути в столицу, на них были задним числом оформлены «выборы»[261].

Вторая отписка была получена в Разряде только 22 февраля 1684 г. Тем временем, еще 18 января, в Новгород была отправлена новая царская грамота с прежним указом. В ней предписывалось выслать выборных «с остаточных пятин» «тотчас без мотчанья... не дожидаясь к себе о том иного нашего в. г. указу». Согласно грамоте, «ныне ис тех новгородцов объявились на Москве в Розряде Бежецкой пятины Богдан Кузьмин с. Лупандин, из Обонежской Никита Федоров с. Харламов, а опричь их иные в Розряде генваря по 17 число нихто не объявливались»[262].

В конечном счете, в Москве собрались все десять новгородских выборных. Об этом свидетельствует и запись грамоты о том, «что отпущены с Москвы новгородцы князь Гаврила Мышецкой, Алексей Лихарев, Богдан Лупандин, Иван Аничков, Алексей Аничков, князь Афонасей Кропоткин, Гаврила Крекшин, Микита Харламов, Иван Качалов и впредь в полки их на службу в. г. высылать не велено год»[263]. Последняя деталь еще раз подчеркивала двойственный характер участия в соборе, — не столько сословной привилегии, сколько служебной обязанности.

Состав дворянского представительства на Земском соборе 1683/84 гг. Согласно приказному списку выборных, изученному В. К. Никольским, в соборе приняли участие 70 служилых людей московских чинов и 173 городовых дворянина и детей боярских, представлявших 102 города[264]. Представительство Государева двора на земском соборе складывалось следующим образом: в соборе приняли участие 31 стольник, 8 стряпчих, 15 московских дворян и 16 жильцов. До 17 «выборных» от московских чинов принадлежали к титулованной знати. Уже простой просмотр имен показывает, что среди «выборных» находились как сыновья думцев, так и те, кто скоро сам будет пожалован думным чином. Таким образом, участие в соборе рассматривалось в

данном случае как привилегия, которой наделена была лишь верхушка столичного дворянства.

К сожалению, данные приказного списка, относящиеся к городовым дворянам и детям боярским, настолько лаконичны, что не позволяют сделать каких бы то ни было выводов: в нем сообщается лишь имя, отчество, родовое прозвание «выборного» и «город», который он представлял. Сам по себе именной состав «выборных» от провинциального дворянства также достаточно интересен, однако его изучение не может заменить качественного анализа этой низшей курии собора.

Исходя из этого, была предпринята попытка собрать и систематизировать все имеющиеся в нашем распоряжении упоминания об участниках собора, независимые от приказного списка (данные воеводских отписков и выборных списков, челобитных и черновых росписей «выборных»). При этом, конечно, было бы большим соблазном привлечь для характеристики служебного положения или сословного статуса того или иного служилого человека смежные источники — смотренные списки, данные о выдаче жалованья и т. д. Однако подобные данные, даже близкие по времени к событиям 1683—84 гг., могут оказаться устаревшими (особенно, если вспомнить о быстром служебном продвижении вчерашних участников собора). Поэтому от подобных источников пришлось отказаться. Таким образом, в проведенном исследовании были использованы лишь те источники, где интересующие нас дворяне прямо упоминаются в качестве участников собора.

Собранные нами около трехсот упоминаний помогли так или иначе осветить деятельность 143 из 173 городовых дворян и детей, боярских, принявших участие в соборе, то есть большинства выборных от провинциального дворянства. Однако основная часть собранных сведений не носит качественного характера. Это, как правило, упоминание о выборе или высылке дворян, их приезде в Москву. Подчас из трех—четырех подобных упоминаний можно собрать даже хронологически последовательный рассказ о деятельности того или иного выборного. Однако о месте выборных в сословной и служебной иерархии мы можем судить лишь на

примере 66 человек, то есть меньшинства выборных от «служилого города».

К сожалению, и эти данные не вполне сопоставимы друг с другом. Лаконичные источники сообщают, как правило, лишь об одной стороне сословно-служебного положения «выборного» — «отставной», или «первые статьи», или «полковой службы». Развернутые характеристики статуса выборных почти не встречаются. Так, например, сама царская грамота предопределила, что на соборе должно было присутствовать хотя бы несколько «отставных первой статьи полковой службы». Но подобных упоминаний в просмотренных документах нам не встретилось ни одного.

Тем не менее, собранный материал является достаточно представительной выборкой для характеристики представительства провинциального дворянства на соборе. Охватывая менее половины выборных (38%), эти данные позволяют судить о соборе в целом, а не его частях (например, представителях украинных или замосковных городов).

Только 7 дворян, прибывших на собор, полностью отвечали условиям царской грамоты — служили полковую службу и были записаны в первой статье. Это были В. К. Мясоедов (Вязьма), И. В. Булгаков (Орел), И. Ф. Исаков и Л. П. Быков (Ростов), И. А. Уваров (Хотмыш), Е. Л. Ртищев и Е. В. Остафьев (Солова)[265]. Еще 11 человек просто несли «полковую службу» без означения статьи. Стараясь выполнить требования зазывных грамот на собор, воеводы подчас шли на невольный подлог. Так, елецкий воевода сообщал о выборе местными дворянами «ис полковые службы, копейщика Афонасья Ларионова с. Перцова», а в записи отписки из Алешни упомянут некий И. М. Лукьянов — «полковые службы начальный человек, порутчик» (!)[266]. Конечно, и тот и другой несли «полковую службу» лишь на словах, а на деле уже влились в состав полков «нового ратного строя».

Так, среди выборных было 13 рейтар, 4 копейщика и 2 солдата[267]. Не вызывает сомнений и принадлежность к «новому ратному строю» «из начальных людей ротмистра» С. И. Ряполова (Старый Оскол), хотя не совсем ясно, какую именно службу он нес[268]. В целом, служилые люди иноземного строя составили среди «выборных» почти треть.

Вся эта разнородная служилая масса представляла, однако, не низы, а верхи «служилого города». Среди изученных нами выборных 21 дворянин служил по «первой статье» (в том числе семь дворян «полковой службы первой статьи», перечисленных выше). Среди тех, кто был записан по «первой статье», оказались, однако, рейтар Л. Л. Тевяшов (Лихвин), копейщик С. П. Старово (Новосиль), солдат М. Ф. Санин (Чернь)[269]. Подобные примеры «размывания» верхушки «служилого города», место которое заняли служилые люди «нового ратного строя», можно продолжать. Необходимо отметить и другое: та узкая группа, которой принадлежала в настоящее время вся власть в том или ином «служилом городе», была неполно представлена на соборе. Об этом говорит, прежде всего, высокая доля «отставных», не принимавших активного участия в служебной и сословной деятельности «города», среди выборных. Они составили почти треть — 21 человек. Во-вторых, нельзя не отметить и того, что сравнительно мало городов было представлено двумя выборными, принадлежащими к одному служилому роду. Назовем лишь Козловых (Волок Ламский), Стоговых (Можайск) и Власьевых (Муром)[270]. Между тем, подобная семейственность была традиционна, например, при формировании коллегии окладчиков, составлявшихся в каждом городе из представителей нескольких знатнейших родов.

В целом собранные данные, несмотря на узость изученного материала, позволяют сделать несколько выводов. Правительству почти не удалось собрать на соборе служилых людей «первой статьи полковой службы». Изученных нами выборных можно было бы разложить на три части: «полковую службу» (18 чел.), «первую статью» (21 чел.) и служилых людей «нового ратного строя» (20 чел.). Однако первые две группы пересекаются на одну треть (7 чел.). Таким образом, у сотенной службы, на которую стремилось опереться правительство, вряд ли было абсолютное большинство перед набиравшими силу служилыми людьми «нового ратного строя».

Принимал ли решения Земской собор 1683—84 гг.? Неудачный исход Андрусовских переговоров привел к тому, что Земскому собору не пришлось принять окончательного решения по тому вопросу, для решения которого он был со-

зван — о Вечном мире с Польшей. Несмотря на это, В. К. Никольский предположил, что земский собор в 1683—84 гг. все же заседал и даже принимал решения. К числу последних историк отнес восстановление местного дворянского самоуправления, упраздненного указом от 27 ноября 1679 г.[271] Согласно царскому указу с боярским приговором, принятого во время сбора «выборных в Москве, 18 февраля 1684 г., велено было «во всех городах быть губным старостам, и в тех городах розбойныя и убийственныя и татиныя и всякия губныя дела ведать им по прежнему, а воеводам тех дел не ведать»[272]. В. К. Никольский вынужден признать, что никакого упоминания о «выборных» в указе, выдаваемом им за соборный акт, нет. Но это затруднение он обходит следующим образом: «Подлинник указа 18 февраля мне не удалось найти. Редакция же “Полного собрания законов”, откуда он стал мне известен, иногда печатает законодательные акты с купюрами, особенно в отношении вступительных частей их. Возможно, что она и выбросила указание на участие выборных в появлении этого указа»[273].

Обращение к материалам II-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, являвшейся издателем «Полного собрания законов», не подтверждает этого предположения. Полный заголовок указа, впоследствии действительно сокращенный при издании, выглядит здесь следующим образом: «Великие государи, выписки в Комнате слушав, указали и бояря приговорили...»[274] Нельзя не отметить, что приказная выписка и соборный приговор — вещи совершенно различные и, следовательно, для того, чтобы говорить об участии «выборных» в выработке указа, нет достаточных оснований. Однако было бы неправильным утверждать, что указ от 18 февраля 1684 г. никак не был связан с ходом земского собора. Дел в том, что, согласно указ, велено было «о выборе губных старост послать великих государей грамоты»[275]. Если учесть время, необходимое для составления и рассылки грамот, то приходится предположить, что выборы губных старост должны были начаться в первых числах марта 1684 г. Так как в некоторых городах выборы на земский собор затянулись до конца января — начала февраля 1684 г., то получается своего рода непрерывная выборная кампания. «Служилый город» еще не успел успокоиться по-

сле высылки своих представителей на собор, а от него уже вновь потребовали проявить сословную активность.

Таким образом, до тех пор, пока в наших руках не появится соборный приговор по тому или иному вопросу, относящийся к январю — началу марта 1684 г., от суждений о предполагаемых решениях собора приходится отказаться. Однако это не значит, что собравшиеся в Москве выборные бездействовали и не принимали участия в политической жизни столицы. Об этом говорит хотя бы следующая запись в черновой росписи выборных, сделанная против имени Б. К. Лупандина (Великий Новгород, Бежецкая пятина): «генваря в 20 день был у руки, да в 28-м»[276].

Дни обоих аудиенций — 20 и 28 января 1684 г. — были настолько наполнены важными событиями, что на этом следует остановиться особо. 20 января 1684 г. состоялось заседание Боярской думы, посвященное обсуждению третьей отписки «великих и полномочных послов» из Андрусова. Связанные по рукам и ногам мелочными требованиями наказа, боярин кн. Н. И. Одоевский «с товарыщи» должен был на всякий вопрос отвечать по заранее заготовленному ответу, а о любом непредвиденном обстоятельстве писать в Москву, где и принималось окончательное решение. Так случилось и на этот раз. Польские дипломаты требовали заключения сначала военного союза, а уже потом вечного мира; русские представители отстаивали обратный порядок. Последнее было полностью поддержано решением Боярской думы: «192 г., генваря в 20 день, великим государем и сестре их, великой государыне благоверной царевне, известно, а боярам чтено. И великие государи и сестра их (титул) слушав сей записки в Комнате, указали, и бояре приговорили. Послать свою великих государей грамоту к великим и полномочным послом. Велеть им говорить с польскими и литовскими комиссары прежде о постановлении вечного миру. А как за помощию Божею вечный мир договорят и постановят, и тогда говорить и о тех делех, обоим государствам годных и надобных. И отказать комиссаром впрямь, что прежде постановления вечного мира о союзе договору учинить не возможно. И говорить с польскими комиссары по наказу»[277].

Данные дворцовых разрядов и черновых разрядных записей позволяют предположить, кто из членов Боярской ду-

мы был приглашен на это заседание, на котором присутствовали оба самодержца и регентша. Дело в том, что в тот же день состоялся богомольный поход царя Ивана Алексеевича в Новодевичий монастырь. Старшего царя провожали бояре кн. В. В. Голицын, кн. М. А. Черкасский, П. В. Шереметев, кн. Н. С. Урусов, кн. В. Ф. Одоевский, Г. Н. Собакин, кн. М. Я. Черкасский, Б. В. Бутурлин, И. Ф. Волынский, Ф. П. Шереметев, окольничие К. О. Хлопов, В. А. Змеев, М. П. Измайлов, А. И. Ржевский, С. Ф. Толочанов, думные дворяне И. Б. Ловчиков, А. И. Хитрово и думный дьяк В. Г. Семенов[278]. Примечательно, что в черновой росписи тех, кому назначено было ехать «за государем», перечислено меньше думцев, чем было на деле. Так, по сравнению с росписью прибавились бояре кн. Н. С. Урусов, Г. Н. Собакин, И. Ф. Волынский и думный дьяк В. Г. Семенов. Из назначенных заранее не было лишь окольничего кн. Я. В. Хилкова, а думный дворянин И. Б. Ловчиков сменил Ф. Г. Хрущева меньшого[279]. Все эти перемены могли быть связаны с только что завершившимся заседанием Думы, на которое бояре были приглашены еще «за 3 часа до света»[280] и с которого они теперь освободились. Видимо, по окончанию этого заседания Боярской думы, и была дана аудиенция для «выборных».

Что же касается 28 января 1684 г., то о заседании Боярской думы в этот день ничего не известно. Зато в этот день дана была аудиенция имперскому гонцу Иоганну Эберхарду Хевелю. «Генваря в 28 день в. г. ц. и в. кн. Иоанн Алексеевичь, в. В. и М. и Б. Р. с. изволил быть в Столовой палате, а за ним великим государем были бояре и околничие и думные и ближние люди в объяринных кафтанах, — сообщают дворцовые разряды, — в. г. ц. и в. кн. Петру Алексевичю, в. В. и М. и Б. Р. с. выходу в то время не было»[281]. Хевель был послан в Москву, чтобы убедить русских дипломатов в необходимости союза против турок и оставил интересное описание аудиенции, на которой присутствовали и «выборные». В своем донесении от 7/8 февраля он пишет, что когда царь Иван «встал, чтобы спросить о здоровье императора, то едва мог стоять на ногах, и его поддерживали два камергера под руки... говорил он слабым и неясным голосом». Когда австрийский дипломат спросил своего пристава,

«почему лишь один Царь Иван не только принимал его, но и ответ дал ему единственно от своего имени», то ему было отвечено «что Петр нездоров и поэтому не оставляет комнаты своей». Однако Хевель легко догадался об истинной причине отсутствия Петра — натянутых отношениях между двумя братьями[282]. Подобный же выбор могли сделать, со своей стороны, и дворянские «выборные».

Однако «выборные» не остались простыми свидетелями придворной борьбы. Их присутствием в Москве поспешили воспользоваться соперничающие думные группировки. Повод к этому дала челобитная об отпуске, с которой «выборные» обращались к самым влиятельным боярам. Согласно толкам, распространявшимся по Москве, «двойники» (т. е. «выборные») «к боярину Ивану Михайловичю [Милославскому] прихаживали и бивали челом об отпуске не по одно время, да они ж говаривали что они об отпуске ж своем и боярину князь Василью Васильевичу Голицыну бивали ж челом, и в том меж себя в розговорех на бояр негодовали, что им отпуску нет...»[283]. «Московский Кромвель» воспользовался недовольством «выборных» и выступил перед дворянской делегацией с целой речью, в которой заклеймил своих противников. Согласно донесению датского посла Хильдебрандта Горна от 10 марта 1684 г. Милославский заявил, что кн. В. В. Голицын «за деньги продаст не только государство, но и душу», а царевна Софья Алексеевна «расточает... казну» и ведет такую политику, которая несмываемым пятном ляжет на честь царствующего дома[284]. Такого оборота дел правительство регентства явно не предусмотрело, поэтому оно поспешило 8 марта 1684 г. распустить «выборных», назначив на следующий день отпускную аудиенцию[285].

Деятельность Земского собора 1683—1684 гг. нельзя назвать активной. Единственным его самостоятельным актом была петиция о самороспуске. Очевидно, внешнеполитические вопросы, которые предстояло обсудить собору, не вызвали интереса у дворянских «выборных». Последнее неудивительно: заключение «вечного мира» с католической Речью Посполитой еще два года спустя будет вызывать недовольство в верхах Русского государства. Сказалось, конечно, и то, что сама соборная традиция находилась к этому

времени на излете. Это, в значительной мере, было предопределено эволюцией «служилого города», провинциального дворянства, бывшего одним из главных хранителей этой традиции.

Крымские походы 1687 и 1689 гг. и борьба за власть в верхах Русского государства

Крымские походы 1687 и 1689 гг. давно оказались в поле зрения историков. Если первоначально внимание привлекала лишь военная и военно-политическая сторона походов, то впоследствии в центре внимания оказалась их дипломатическая история. Лишь в последнее время исследователи вновь обратились к изучению внутриполитических аспектов походов.

В дореволюционной историографии наиболее глубокое исследование истории Крымских походов дал Н. Г. Устрялов. Скептически оценивая как дипломатические способности, так и полководческий дар кн. В. В. Голицына, историк рассматривал обе кампании как совершенно неудачное предприятие, провал которого в конечном счете предопределил исход дворцового переворота 1689 г.[286] К выводам Н. Г. Устрялова присоединился С. М. Соловьев. «Многие... имели право оскорбляться прославлениями, наградами за поход, не достигший своей цели, и это уже был второй такой поход, — писал великий русский историк об итогах Крымского похода 1689 г. — Современники не могли так снисходительно смотреть на эти походы Голицына, как можем смотреть теперь мы, отдаленные от события более чем на полтораста лет»[287].

В отличие от своих предшественников, М. И. Белов обратил преимущественное внимание на дипломатическую историю Крымских походов. Оценивая кн. В. В. Голицына как «талантливого московского дипломата», историк охарактеризовал вступление России в антитурецкую Священную лигу как неизбежный шаг, вызванный несоблюдением крымцами условий Бахчисарайского мира 1681 г.[288] Даже промедление с вступлением России в Священную лигу в течение 1683—1686 гг. автор объясняет в основном диплomати-

ческими маневрами «канцлера предпетровской поры», не учитывая, что при русском дворе были и силы, заинтересованные в затягивании и даже в срыве русско-польских переговоров[289].

Особо следует сказать о той картине соотношения сил накануне 2-го Крымского похода, которую рисует М. И. Белов. Прежде всего, не подтверждается источниками тезис о «растущем выступлении народа, на почве которого происходит дальнейшее обострение взаимоотношений между правительством царевны Софьи—Голицына—Шакловитого и окружением царя Петра Алексеевича». Слишком общим представляется и тезис о «господствующем классе — дворянстве» как опоре придворной группировки Нарышкиных. В 1687 г. Нарышкины, как будет показано ниже, стояли за спиной родовитой местнической оппозиции, выступившей против росписи служивых людей московских чинов на роты. Что же касается массы господствующего класса — провинциального дворянства — то оно в 1689 г. не поддержало рвавшихся к власти приближенных Петра. Остается лишь согласиться с М. И. Беловым, когда он пишет о значительной роли династического конфликта и борьбы обоих придворных группировок за влияние на столичный стрелецкий гарнизон[290]. Представляется корректным и вывод М. И. Белова о том, что исход переворота был прямо связан с «резким недовольством народа, не желавшего биться за неясные цели и не понимавшего голицынской стратегии отступления»[291].

Вышедшая год спустя после работы М. И. Белова статья Г. К. Бабушкиной без преувеличения поставила изучение дипломатической истории Крымских походов на новый уровень[292]. В отличие от М. И. Белова, исследовательница рассматривала «крымско-турецкий вопрос» в русской дипломатии не изолировано, а в связи с двумя другими — «балтийским» и «белорусско-балтийским». Исследовательница высоко оценила деятельность «руководителя внешней политики России в 80-х гг. XVII в.» — кн. В. В. Голицына, сумевшего сохранить status quo на Балтике, закрепить за Россией днепровское Левобережье и приступить к решению крымского вопроса. Вслед за М. И. Беловым Г. К. Бабушкина утверждает, что «имелись серьезные экономические и поли-

тические причины для выступления против Крымского ханства, которое систематически нарушало мирный договор, терзало русские земли и создавало угрожающее положение на границе». Отмечая большое значение Крымских походов для международного авторитета России, исследовательница тем не менее рассматривает их как неудачу в военном плане.

Против подобной оценки, являющейся общим местом для всей предшествующей историографии, выступил в последнее время А. П. Богданов[293]. Историк акцентировал внимание на том, что Крымские походы позволили создать важный военный фортпост на степной границе (крепость Новобогородицк), распространить сыск беглых крестьян и холопов на Белгородскую черту (что должно было удовлетворить интересы служилых землевладельцев) и обеспечить хотя бы видимость выполнения Россией ее союзнических обязательств перед другими членами Священной лиги. Исследование борьбы за власть в правящих верхах во время Крымских походов привело А. П. Богданова к выводу о более сложном соотношении сил в 1687—1689 гг., нежели это представлялось раньше. Так, патриарх Иоаким, как удалось показать, первоначально поддерживал внешнеполитические инициативы кн. В. В. Голицына, позволившие ему в 1686 г. добиться канонического подчинения киевской митрополии московской патриархии, и лишь затем перешел в стан противников «канцлера предпетровской поры».

Тем не менее, многие вопросы, связанные с внутриполитическими аспектами Крымских походов 1687 и 1689 гг., остаются неизученными. Так, в отрыве от предшествующей и последующей борьбы за власть рассматривается выступление московской знати в 1687 г. против службы в ротах. Не до конца изучена и роль патриарха в крушении амбициозных династических и дипломатических проектов, вынашивавшихся сторонниками царевны Софьи Алексеевны в 1687—1689 гг. Недостаточно точно изучен и характер противоборствующих группировок, подчас более дробных, чем основные придворные кланы (Нарышкины и Милославские). В этом позволяет убедиться и история назначения воевод в полки накануне 1-го Крымского похода.

Назначения воевод для предстоящего Крымского похода были объявлены еще 22 октября 1686 г. Воеводой Большо-

го полка был назначен боярин кн. В. В. Голицын[294]. Согласно сообщению Невилля, Голицын не хотел принимать на себя командование русским войском и даже «предлагал некоторых господ, способных занять этот пост, но ему было сказано, что если он заключил мир с Польшей, то должен сам взять на себя труд и посмотреть, так ли легко завоевание Перекопа, как он утверждал». Французский дипломат отмечает, что «вельможи, предложившие ему это, были недовольны соглашением с Польшей»[295]. Раскрыть имена последних позволяет уже упоминавшееся выше (см. раздел 1) сообщение кн. Б. И. Куракина об обсуждении Вечного мира в Боярской думе, во время которого против царевны Софьи Алексеевны и кн. В. В. Голицына выступили бояре кн. П. И. Прозоровский и Ф. П. Салтыков, бывшие «того мнения, чтоб войну против поляков начать»[296]. Таким образом, раскол внутри правящей группировки, между приверженцами регентши и «канцлера предпетровской поры», с одной стороны, и окружением царя Ивана, а, с другой стороны, сохранился и в 1687 г. Назначения других воевод только усугубили его.

Товарищами кн. В. В. Голицына в Большом полку были назначены боярин кн. К. О. Щербатов, окольничий В. А. Змеев, думный генерал А. А. Шепелев и думный дьяк Е. И. Украинцев, в Новгородский разряд — боярин А. С. Шеин, окольничий кн. Д. А. Борятинский, в Рязанский разряд — боярин кн. В. Д. Долгоруков, окольничий П. Д. Скуратов, в Севский полк — окольничий Л. Р. Неплюев, в Астраханский полк — И. Ю. Леонтьев[297]. Кроме того, в заоцкие и украинные города были назначены новые воеводы, не принимавшие личного участия в походе. «Да по иным местом стоят бояре и воеводы с ратными людьми, в Белегороде боярин князь Михайла Андреевичь Голицын, да окольничий князь Федор Львовичь Волконской...»[298] Последнее назначение дало повод для резкого местнического столкновения. Дело в том, что кн. М. А. Голицын приходился дядей кн. В. В. Голицыну, и следовательно, был старшего его по местническому счету. Согласно В. Н. Татищеву, в силу нового назначения получилось так, что князь Василий Васильевич «князя Михаила Андреевича меньшим себе сде-

лал», что «немалою причиною несчастию его почитали». Тем самым он «озлобил не только всех посторонних, но и своих Голицыных дядьев родных». В адрес «канцлера предпетровской поры» раздавались упреки в том, что он возобновил местничество, написал «все знатные роды с собою в товарищи», а своего ни с кем написать не захотел[299].

Однако споры из-за воеводских назначений были лишь первым звеном в цепи местнических конфликтов, сопровождавших Крымские походы. Гораздо более серьезный характер имело выступление столичной знати против ротной службы. Указ, согласно которому служилых людей московских чинов велено было «расписывать... в роты, а не в сотни», был дан еще 24 ноября 1681 г. и явился одной из завершающих мер военных реформ 1678—1681 гг. Он представлял собой уступку феодальной аристократии, сохранившей старинную полковую службу, при внешнем подражании «новому ратному строю», выразившемся в делении на роты. Поскольку этот же указ фактически отменил «враждотворное местничество», торжественно «уничтоженное» 12 января 1689 г., его значение для сословно-государственного строя страны нельзя не признать решающим. Однако с тех пор указ неоднократно нарушался: для приемов послов и других торжественных церемоний столичные феодалы по-прежнему расписывались по сотням[300]. Поэтому кн. В. В. Голицыну необходимо было для утверждения нового порядка добиться согласия Боярской думы «А чтоб та грамота об ротмистрах была ведома бояром потому, что указ при ц[аре] Ф[едоре] А[лексеевиче] состоялся», — писал «канцлер предпетровской поры» Ф. Л. Шакловитому из похода. «Для Бога, присылай грамоту о ротмистрах, — время», — поторапливал он своего корреспондента в одном из последующих писем[301].

Согласно присланному указу, служилые люди московских чинов разделялись на роты, в каждую из которых назначались ротмистры, хорунжие и поручики. Порядок проведения указа в жизнь позволяет проследить поименные списки состава рот. Стремясь избежать споров о старшинстве между поручиками, хорунжими и ротмистрами, кн. В. В. Голицын порой назначал всех троих в одну роту из числа сродников. В итоге в половине рот (27 из 54) все три командных поста

оказались сосредоточены в руках одного служилого рода[302]. Пример такой «фамильной роты» дает Летописец кн. А. Я. Дашкова. «У второй на десять роты у стольников ротмистр Иван Андреев сын большей Дашков, порутчик Иван Васильев сын меньшей Дашков, хорунжей Поликарп Иванов сын Дашков...»[303] Своими ротами командовали как представители титулованной знати (князья Волконские, князья Козловские, Волынские), так и выходцы из незнатных родов (Давыдовы, Эверлаковы, Зиновьевы, Игнатьевы). В соответствии с этим происходило и комплектование рот: во избежание местнических столкновений, служилые люди вне зависимости от чина, записывались «под начало» к своим родственникам. Если по первоначальному замыслу предполагалось разделить служилых людей на 19 стольнических, 11 стряпческих, 12 дворянских и 12 жилецких рот, то на деле почти все роты оказались смешанными по своему составу. Только две жилецкие роты полностью отвечали своему названию, зато в 40 были представлены все московские чины от стольников до жильцов[304]. Проведенный в жизнь с такими уступками местнической чести московских чинов, указ должен был удовлетворить их притязания. Однако небольшая группа недовольных поняла его как принижение своего сословного статуса.

«Ротмистром сказали: никто ничего, — все ради, толко противников: Долгорукой князь Борис, да князь Юрья Щербатой, и по поступкам мню, что стоять им будет упорно, — писал Ф. Л. Шакловитому кн. В. В. Голицын. — А я отпишу тотчас, чтоб милость показан была: учинен бы был такой образец, чтоб все задрожали»[305]. В другом письме «канцлер предпетровской поры» уточнил, о каком «образце» идет речь: «Так бы разорить, чтоб вечно в старцы, и деревни б неимущим того часу роздать; так будет тогда твердо и постоянно»[306].

В конечном счете, отмеченное кн. В. В. Голицыным недовольство знати вылилось в открытую демонстрацию. Два ротмистра — стольники кн. Б. Ф. Долгоруков и кн. Ю. А. Щербатов — явились на смотр со своими боевыми холопами «в черном платье, и лошади были покрыты черными сукнами, на что глядя всем полком дивилися и говорили:

есть ли им не будет указу, будут и все так делать». Кн. В. В. Голицын тотчас послал к Ф. Л. Шакловитому с просьбой «учинить указ доброй». «А естьли не будет указу, то делать нам с ними нечего» — закончил он свое письмо[307].

Однако сам царский указ нужен был кн. В. В. Голицыну для того, чтобы хорошенько припугнуть бунтовщиков. Узнав «по писму с Москвы», что о них «присланы статьи», князья Б. Ф. Долгоруков, Ю. А. Щербатов, Дмитриев-Мамонов и Солнцов-Засекин пришли к кн. В. В. Голицыну с повинной. «И я, на слезы их, то им уступил, надеясь на милость государскую, сказывать не велел»[308].

Выступление титулованной знати против «канцлера предпетровской поры» было, таким образом, скоро подавлено, однако его значения преуменьшать не следует. В толках, которые велись в окружении местников, можно найти следы враждебности по отношению к правительству регентства. Так, холоп кн. Ю. Ф. Щербатова привез в поход известие о бунте в Москве, не на шутку встревожившее кн. В. В. Голицына[309]. Прося прощения у кн. В. В. Голицына, Дмитриевы-Мамоновы клялись, «что ничего не говорили»; следовательно, помимо дерзкой демонстрации за ними числились и какие-то противные слова[310]. Недовольством знати резкими действиями правительства местничества умело воспользовались Нарышкины, еще в 1682 г. защищавшие «враждотворное местничество»[311]. Когда осенью 1689 г. Петр удалился в Троице-Сергиев монастырь, за ним в «государев поход» последовало восемь князей Долгоруковых, девять Щербатовых, пятеро Кольцовых-Мосальских. Среди приехавших были и прежние «бунтовщики»[312]. Поддержка Петра титулованной верхушкой Государева двора сыграла не последнюю роль в исходе переворота.

Отсутствием в столице кн. В. В. Голицына не преминули воспользоваться Нарышкины и их союзники, и, прежде всего, патриарх Иоаким. Еще 3 апреля 1687 г. патриарх направил кн. В. В. Голицыну послание, в котором благославил его на войну с «врагами христианскими, проклятыми махометанами». «...Благодарим Господа Бога, молим же благость его с велиим нашим пастырским желанием, да даст любви твоей Вседержный Правитель Христос Бог здравие телесе многолетно, душевное спасение во всяком благосоветии всесовер-

шенно, в ратоборстве мужество и храбрость, упование на Господа Бога неуклонное, воевождение в свободе добростройное», — витиевато напутствовал патриарх князя В. В. Голицына[313]. В приписке к письму Иоаким обратился с обычной для московских корреспондентов просьбой «о сродственных людех», по «крове ближних» патриарху. Опубликовавший это послание Л. М. Савелов, сам дальний родственник Иоакима (в миру Ивана Савелова), предположил, что речь идет здесь о племянниках патриарха — Г. П. и А. Т. Савеловых, или о более дальнем его однородце Б. Я. Савелове, также участвовавшем в походе[314]. Получивший послание Иоакима еще 12 апреля 1682 г., в Ахтырке, кн. В. В. Голицын только месяц спустя откликнулся более чем смиренным письмом, до сих пор оставшемся неопубликованным. В нем Голицын благодарил патриарха за его молитвы и просил и впредь предстоятельствовать перед Всевышним за него и за войско[315].

О том, что прежнее недоброжелательство не забыто, живо напомнило второе послание Иоакима кн. В. В. Голицыну, направленное из Москвы 6 мая 1687 г., в котором патриарх сообщал, что он повелел напечатать молитвы «о вспоможении христианскому воинству, и о освобождении из неволи агарянские», и послать их находящемуся в походе Рожденственскому протопопу Захарию, «да о них возвестив вашему благородию, раздаст всем священником, иже чина церковнаго в полкех молитвы творят»[316].

Речь шла о небольшой книжечки «Ектении победе на агаряны», вышедшей в Москве двумя изданиями в мае 1687 г.[317] В присланных из Москвы «Ектениях...» кн. В. В. Голицына не могло не насторожить одно упоминание, не совсем обычное для подобных произведений. «Боляры... в послушании и в страсе немздоприимны сохрани...» — должны были молить Господа, согласно «Ектениям...», полковые священники[318]. Поскольку бояр в русском войске было не так уж и много, современники вполне могли отнести этот намек на счет кн. В. В. Голицына, о котором еще в 1684 г. И. М. Милославский говорил, что тот «за деньги продаст не тольско государство, но и душу»[319]. Враждебная выходка по отношению к «канцлеру предпетровской поры», благосло-

венная высшим церковным иерархом, подготовила почву для возникшей в 1689 г. легенды о его подкупе крымцами.

Враждебные действия патриарха против кн. В. В. Голицына не ограничились этим. Так, в одном из писем Ф. Л. Шакловитый сообщил кн. В. В. Голицыну, что патриарх приказал забрать из церкви в Барашах «ризы и кафтаны» (вероятно, вложенные князем) и «служить в них не велел». В ответном письме кн. В. В. Голицын недоумевал: «О патриаршей дурости подивляюсь: отпиши, что за порок на тех ризах, и каким подобием? Так же и по мои, что у церкви, что порок? И не посылал ли ко мне?» Однако патриарх Иоаким, видимо, и не собирался «посылать» за Голицыным по этому поводу, ограничиваясь в официальной переписке лишь пожеланиями успешного «промысла» над «агарянами»[320].

Итоги первого Крымского похода 1687 г. оказались неутешительными. Пройдя два месяца по выжженной неприятелем, безводной степи, не разу не встретив неприятеля, войско вернулось назад. Если прислушаться к мнению лучших военных специалистов того времени, то тактика кн. В. В. Голицына предстанет не только разумной, но и единственно возможной. Согласно мнению графа Луиджи Марсильи, автора известного военно-стратегического описания Оттоманской Порты, штурм Перекопа и дальнейший поход в степной Крым был бы гибелен для русского войска из-за отсутствия опыта ведения войны в столь сложных условиях[321].

Однако, необходимо отметить и другое. Разосланные к иностранным дворам известия об успехе похода и щедрые награждения воевод создавали неправильное представление о задачах и результатах похода. Выдавая желаемое за действительное, правительство регентства добилось того, что реальные результаты его внешней политики — закрепление за Россией Киева и Днепровского Левобережья, небольшие потери во время 1-го Крымского похода и основание крепости Самары (Новобогородицка) — оставались неоцененными. То же самое можно сказать и о перемене малороссийского гетмана. Преданный православию, но отличавшийся излишней самостоятельностью, Иван Самойлович был при содействии кн. В. В. Голицына сменен полонофилом

И. С. Мазепой, на поддержку которого кн. В. В. Голицын рассчитывал в придворной борьбе.

Конец 1687 — начало 1688 г. прошли в приготовлениях к новому походу в Крым. «Уже поговаривают о новых налогах с мещан и крестьян и о намерении будущей ранней весною предпринять поход на Крым; причем будет избран новый путь (пехота — по Днепру, конница — сухим путем)», — сообщил в донесении от 23 сентября 1687 г. шведский комиссар в Москве Христофор Кохен, — Князь Голицын поговаривает, будто опять примет участие в новом походе»[322]. В октябре 1688 г. было сделано официальное объявление о новом походе и назначены воеводы: в Московском разряде — боярин князь В. В. Голицын, боярин И. Ф. Волынский, окольничий В. А. Змеев и думный дьяк Е. И. Украинцев, в Новгородском — боярин А. С. Шеин и стольник кн. Ф. Ю. Борятинский, в Севский разряд — окольничий Л. Р. Неплюев и думный дворянин Г. И. Косагов, в Казанский разряд — окольничий И. Ю. Леонтьев[323]. Во многие полки были назначены иностранные офицеры, что вызвало, согласно донесению Кохена от 2 февраля 1688 г., недовольство патриарха Иоакима[324]. Подробности последнего столкновения позволяет раскрыть Завещание патриарха Иоакима. Согласно Завещанию, патриарх молил «начальствующих» — царевну Софью Алексеевну и боярина кн. В. В. Голицына — «еже бы еретикам, иноверцам над христианы в полках начальниками не быти». Но к мнению патриарха не прислушались. Впоследствии Иоаким будет связывать именно с этим неудачу второго Крымского похода[325].

К 1688 г. как во внешней, так и во внутренней политике правительства регентства стала проявляться тенденция к необоснованным проектам, иногда напрямую граничившая с авантюризмом. Особенно ярко это сказалось в деле архимандрита афонского Павловского монастыря Исайи. Исайя прибыл в Москву в сентябре 1688 г. с посланиями «прежде бывшего» константинопольского патриарха Дионисия, сербского нареченного патриарха Арсения Черноевича и валашского господаря Щербана Кантакузена, однако тут же объявил себя заодно и представителем «ныняшнего» константинопольского патриарха Иакова[326]. Последнее особенно заинтересовало ближайшее окружение царевны Софьи

Алексеевны, вынашивавшей смелые династические планы и мечтавшей заручиться поддержкой вселенских патриархов в их осуществлении.

Об этой стороне миссии Исайи стало известно три года спустя, когда неожиданный оборот событий вновь привел его в Москву. Возвращавшийся в первый раз из России с богатой «милостыней» и царскими грамотами, Исайя столкнулся осенью 1689 г. в австрийских владениях с изгнанными из Москвы иезуитами Иржи Давидом и Товием Тихановским, опознавшими его. Так афонский архимандрит попал в венскую тюрьму где и находился два года, пока его не выкупил возвращавшийся из Венеции в Москву Иоанникий Лихуд. В качестве благодарности за счастливое избавление, Исайя поведал в Посольском приказе о тайном поручении, которое было ему дано в первый раз[327].

Согласно показаниям афонского архимандрита, в феврале 1689 г., накануне отъезда, его призвал к себе князь В. В. Голицын. Прежде всего Голицын, справился, был ли Исайя на прощальной аудиенции у Иоакима. Узнав, что греки «еще не простилися» с патриархом, Голицын наказал, чтобы Исайя вновь пришел к нему после «отпуска» у патриарха. «...И потом да паки приид ко мне, и мы тебя отпустим, и поедешь с миром в путь свой, и есть некоторые дело государское, которое сделаешь нам у святейших патриархов вселенских», — сказал напоследок «канцлер предпетровской поры». Лукавый грек тотчас слово в слово доложил о голицинском поручении Иоакиму. Патриарх оказался странным образом осведомленном о намерениях Голицына. «И он святейший патриарх почал говорить мне, что я-де это дело знаю, которое дело просит и ищет князь Василий Васильевич от тех вселенских святейших патриархов: чтобы святейшие вселенские патриархи послали такую грамоту благословенную, чтобы могла государыня царевна Софья царскую корону носити и вкупе с великими государи во всяком правиле ей поминатися», — показывал впоследствии Исайя. Иоаким стал доказывать Исайе, «что не по правилам Святых Апостол и Святых Отец, чтобы при живых двух царях и третью особу женскаго пола на царство короновать». Наконец он заставил Исайю поклясться перед иконами в том, что он не исполнит предназначенного ему поручения, и отпустил его к В. В. Го-

лицыну. Осторожный Голицын вновь не сказал архимандриту ничего определенного, но кроме того, что «в Севске Леонтий Романович [Неплюев] о том деле... изъявит и скажет, что за дело». Исайя обещал выполнить поручение, если оно будет в его силах. Впоследствии он объяснял свой ответ тем, что не мог поступить иначе, храня «патриаршу тайну в сердце своем». Однако есть все основания для того, чтобы не поверить ему. Еще Н. Ф. Каптерев указал на отправленное Исайей с дороги письмо кн. В. В. Голицыну, в котором тот уверяет его в успехе дела[328].

В Севске Л. Р. Неплюев, действуя от имени царевны Софьи Алексеевны и кн. В. В. Голицына, прямо поставил вопрос о венчании регентши на царство и упоминании ее имени в церковных службах наравне с именами царей. Исайя пытался было возражать, напоминая, что этот вопрос находится скорее в ведении московского патриарха, но Неплюев резко оборвал его. «И Леонтей де на то слово так ему сказал: что мы от сего нашего патриарха ни благословения, ни клятвы не ищем, плюнь де на него»[329]. Удивившийся такому «безстрашию и безбожию», афонский архимандрит все же нашел в себе силы противостоять Неплюеву, навязывавшему ему особого спутника, «который с ним у святейших патриархов будет говорить». Впоследствии Исайя утверждал, что собирался, добравшись до Костантинополя, передать константинопольскому патриарху не голицинское поручение, а «претительное слово» патриарха Иоакима. Как бы то ни было, честолюбивые планы царевны Софьи Алексеевны остались неосуществленными.

Вскоре московским властям пришлось усомниться в полномочиях Исайи. Причиной тому были широкие внешнеполитические проекты, который Исайя развивал в Москве. Афонский архимандрит справедливо указывал московским дипломатам, что успехи Священной лиги не идут впрок православному населению Османской империи, что в отвоеванных в Венгрии и в Морее землях насильственно насаждается уния, а население попадает «в пущую и горшую неволю», под власть «папежников». Однако из сего этого делались далекие от возможного выводы. Исайя предлагал, вместо очередного похода на Крым, двинуть русское войско к устью Дуная и соединиться там с мултянским господарем Щерба-

ном, у которого якобы до 70000 войска. На помощь объединенному войску придут сербы и болгары числом до 300000, «и будет путь до Царьграда без помешки».

Для того, чтобы проверить сведения, сообщенные Исайей, тогда ж, в сентябре 1688 г. Ф. Л. Шакловитый направился с посольство к гетману И. С. Мазепе. Поблагодарив за обращение к нему за советом, осторожный гетман отвел одно за другим все заявления Исайи. Во-первых, он заметил, что константинопольский патриарх Иаков, от имени которого действовал архимандрит, отставлен, а на престол возведен другой. Во-вторых, Мазепа сообщил, что, по его сведениям, мултянский господарь Щербан уже перешел в подданство к императору, так что его поддержка ничего не принесет. Наконец, гетман предостерег от похода на Буджацкую орду, кочевавшую на Дунае, более боеспособную и многолюдную, нежели крымская. Предупрежденный об ожидавшемся на следующий год нападении крымцев на Украину, Мазепа настаивал на новом походе в Крым. Для этого он предложил идти походом по первому зимнему пути, когда можно будет обойти Перекоп по льду. Мазепа предлагал, что для этого войскам придется собраться в указных местах к началу февраля.

План второго Крымского похода был принят на заседании Боярской думы 7 ноября 1688 г. В основу боярского приговора были положены предложения Мазепы. Постановлено было, что «бояре и воеводы в тот поход пойдут с указных мест в феврале месяце». Гетману указано было немедленно собирать полки и выставить заставы «для осторожности от... ханского приходу». В приговоре нашлось место и малороссийским внутренним делам, в которых Боярская дума приняла исключительно сторону гетмана. Племянник Мазеты пожалован был в стольники, а по челобитью генеральной старшины и иных заслуженных особ о чинах, учинен им их, великих государей, указ будет в то время, как он, гетман будет на Москве и увидит их государские очи». Боярский приговор от 7 ноября 1688 г. должен был стать свидетельством единства правительства регентства и нового гетмана во внешне- и внутриполитических вопросах.

После того, как служилые люди были собраны «в указных местах», 3 апреля 1689 г. русское войско выступило

во 2-й Крымский поход[330]. После шестинедельного перехода по степи, 15 мая 1689 г. русские передовые отряды впервые столкнулись с противником. Согласно дневнику похода завязавшийся бой тянулся «до 6 часу дня от светания дня». О характере этого столкновения — своего рода разведки боем — свидетельствует тот факт, что он не замедлил движения русского войска, прошедшего как и в обычные дни, 10 верст[331]. Тем не менее, кн. В. В. Голицын счел необходимым посвятить этому сражению особое донесение в Москву, преувеличивавшее значение одержанной победы[332]. Однако с основными силами крымцев русской армии пришлось сразиться лишь на следующий день. «Маия в 16 день... перешли 9 верст в един день з боем, — лаконично сообщает дневник похода, — И того числа Ахтырский и Сумской полки много татар побили в обозе у себя»[333]. Последнее сообщение позволяет приурочить именно к 16 мая 1689 г. подробный рассказ о бое русских с татарами, сообщаемый Невиллем. Согласно французскому дипломату, окруженные превосходящими силами крымцев, русские войска вынуждены были занять круговую оборону. Внутри кольца из рогаток оказалась пехота и вся артиллерия, конница же осталась за укреплениями. Она и приняла основной удар татар. Но если «казаки из Сум и Ахтырки» во главе с думным дьяком Е. И. Украинцевым, не выдержали натиска крымцев, то боярин Б. П. Шереметев, встретил его «с большим мужеством». Невилль утверждает, что кн. В. В. Голицын намеренно подставил Б. П. Шереметева под удар, надеясь «избавиться от него, ибо это... его большой враг»[334].

При этом вряд ли можно согласиться с Невиллем, утверждающим, что победу одержали крымцы; за русскими осталось поле боя. На следующий день, 17 мая 1689 г., русское войско подошло к реке Колончак[335]. В донесениях, посланных в эти дни в Москву, кн. В. В. Голицын сообщал о «боях великих и жестоких» с врагом[336]. Наиболее определенно их результаты были охарактеризованы в письме «канцлера предпетровской поры» к патриарху: «...Ратные люди их, бусорман, в те дни многих побили и поранили, и знамена, и лошади, и многую рухлядь побрали». Голицынское письмо было послано 19 мая 1689 г., с Колончака, «от

Перекопи за 7 верст»[337]. На следующий день русское войско подошло к Перекопу, к стенам перегораживавшей перешеек крепости Ор. Однако ее ворота были открыты, а защитников за ними не было. Открывавшийся перед русским войском беспрепятственный проход в степной Крым был умелой ловушкой крымцев[338].

Простояв несколько дней у стен Перекопа, русское войско ни с чем повернуло вспять. Неожиданное решение об отступлении было связано с тайными переговорами с крымцами, в которые вступил боярин кн. В. В. Голицын. Именно переговоры окончательно подорвали авторитет руковителя правительства регентства. В глазах современников, они явились изменой собственному внешнеполитическому курсу и получили самые фантастические объяснения. Одно из первых сообщений о переговорах содержится в письме гетмана И. С. Мазепы патриарху Иоакиму. Гетман писал, что хан «присылал Кеман-мурзу в обозы, просячи на давних шертех миру, в чем ему отказано для сохранения с польскою стороною договоров»[339]. В письме И. С. Мазепы Иоакиму напрасно было бы видеть проявление какого-то особо доверительного отношения гетмана к патриарху: все то, что он счел нужным сообщить, вполне укладывалось в официальную версию этой щекотливой истории, принятую правительством регентства вплоть до его падения. Так, согласно грамоте с милостивым словом ближнему боярину и дворовому воеводе кн. В. В. Голицыну, относящейся к 19 июня 1689 г., категорически сообщалось, что русские воеводы «в мирных договорах хану отказали»[340]. Более подробно история переговоров была изложена в царской грамоте союзнику по Священной лиге — венецианскому герцогу Франческо Морозини, с которой был послан к нему Иоанникий Лихуд. Согласно грамоте, «Хан, видя свое изнеможение, к Нашим Царского Величества ближним бояром в обоз присылал из Перекопи... с прошением о миру: чтоб войну прекратить и мир учинить»[341]. Сами переговоры с враждебной державой, являвшиеся очевидным нарушением союзнических обязательств, требовали дополнительных оправданий; поэтому в грамоте появилось сообщение о том, что русские воеводы поставили условием переговоров «удовольствование всех со-

юзников» (хотя не совсем ясно, как мог крымский хан, являвшийся лишь вассалом Османской империи, удовлетворить, например, интересы Венеции). Не без ехидства было описано, как от татарского мурзы русские воеводы с возмущением узнали о переговорах, которые сами союзники вели с крымцами: «И тот Кеман мурза, выслушав предложенной наших царского величества ближних бояр и донесшим их до хана сказал, что будто у союзника нашего королевского величества полского с ханом уже мир учинен и посланники его королевского величества ныне при нем хане в Перекопе обретаютца, которых он имеет вскоре к его королевскому величеству отпустить... И наши царскаго величества ближние бояре и воеводы того и слушать не похотели...»[342] При всех различиях, все три источника — письмо гетмана патриарху, грамоту с милостивым словом и грамоту к Франческо Морозини — объединяет одно: инициатором переговоров в них безусловно выступает крымский хан, а верные своим союзным обязательствам русские воеводы отвергают его предложения.

Однако уже иностранным наблюдателям, находившимся в Москве осенью 1689 г., удалось собрать сведения, опровергавшие официальную версию. Прежде всего, следует назвать чешского иезуита Иржи Давида, который первым сообщил правду о тайных переговорах. Изганны из Москвы 2 октября 1689 г.[343], сразу после дворцового переворота, Иржи Давид, еще находясь по дороге в Вену, составил вместе со своим коллегой Товией Тихановским донесение императору Леопольду I. Сообщенные в нем сведения о переговорах вошли в состав написанного в следующем году трактата Давида о России. Согласно Иржи Давиду, «в тот день, когда войско отошло к Перекопу, хан прислал к Голицыну одного из мурз для переговоров о мире». Русская сторона выдвинула свои условия мира. После «трех или четырех» аудиенций у кн. В. В. Голицына крымский мурза вернулся назад «без всякого решения»[344]. Сходное описание переговоров находим в составленных несколько позже «Записках о Московии» Невилля. Французский дипломат сообщает, что начало

переговорам положила случайно возникшая пересылка между калмыками и ногайскими татарами, находившимися в русском войске, и перекопскими ногайцами. О ней было доложено боярину кн. В. В. Голицыну, который и без того был расположен заключить перемирие и отступить. После того, как русская сторона подтвердила свое стремление к переговорам, в лагерь кн. В. В. Голицына отправлен был Сулеш-мурза, а взамен в качестве заложника послан был «господин по имени Змеев». Русские воеводы изложили свои условия. «Сулеш-мурза, желая продержать московитов до следующего дня, и хорошо зная, что такое большое войско не может долго оставаться без фуража и воды, затянул переговоры и удовлетворился тем, что дал некоторую надежду на соглашение», — пишет Невилль. На следующий день ханский посланник выдвинул заведомо неприемлемые условия, включавшие уплату дани за последние три года. Переговоры были прерваны, а Сулеш-мурза оставался в русском лагере вплоть до возвращения на берега Каланчака, где и был произведен обмен заложников[345].

Позднее всего узнало правду о переговорах, проходивших в причерноморской степи, правительство Нарышкиных. Еще в распросе стрелецкого капитана В. Сапогова, записанном 30 августа 1689 г. в Троице-Сергиевом монастыре. Согласно Сапогову, кн. В. В. Голицын посылал «от себя из полка астраханского татарина Кармаша, да с ним своего человека Ивашка Тинбаева для переговору под Перекоп». Сапогов назвал и участников переговоров — окольничего В. А. Змеева, стольника кн. Я. Ф. Долгорукова, ротмистра кн. В. Ф. Долгорукова и И. А. Змеева, оставленного в заложниках (с русской стороны) и «князя Сулешева» (с крымской стороны). «А славу де он боярин такую учинил, будто с крымцы учинил мирной договор», — заключил свой рассказ о переговорах В. Сапогов[346].

Благодаря показаниям В. Сапогова удалось выявить самих очевидцев начала переговоров — послуживца кн. В. В. Голицына Ивана Тинбаева, переводчика Посольского приказа Сулеймана мурзы Тонкачеева. К делу была приобщена даже подлинная переписка, положившая начало пере-

говорам. Данные распросных речей полностью подтверждают не только обстоятельства переговоров, сообщаемые иностранными дипломатами, но и, что самое важное, условия, которые были выдвинуты русской стороной.

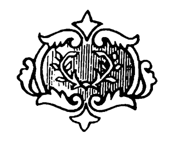
Начатое правительством Нарышкиных расследование должно было принести важные данные[350]. Однако это было

Распрос Сулеймана Тонкочеева	**Невилль «Записки о Московии»**	**Давид И. «Современое состояние Великой России»**
«Чтоб хан полонянников руских людей всех отдал, и на украинные городы войною б не ходил, и клади б не спрашивал, так же бы и на польские городы войною не ходил».[347]	«Чтобы все пленные русские были освобождены; чтобы татары не совершали более набегов на земли, находящиеся в подданстве царей, чтобы они отказались от 80000 экю, которые они требовали от московской казны, чтобы они оставили в покое поляков и чтобы они не оказывали никакой помощи туркам».[348]	«Во-первых, чтобы татары обязались, что не посмеют больше нападать ни на империю москвитян, ни на Польшу. Во-вторых, что не будут оказывать туркам никакой помощи против христиан. В-третьих, что никогда не будут больше требовать от Московии ежегодной дани в сорок тысяч рублей. В-четвертых, что они отдадут всех христиан, которых до сих пор взяли в плен».[349]

поспешно свернуто. Так, причастные к переговорам полковые воеводы, которых первоначально, вероятно, предполагалось допросить, так и не были привлечены к делу[351]. Вся ответственность за предосудительные переговоры с врагом была опять-таки возложена на одного кн. В. В. Голицына.

Бесславный исход Крымского похода 1689 г. был крушением как для боярина кн. В. В. Голицына, так и для возглавляемого им правительства регенства. Утешительное послание патриарха «канцлеру предпетровской поры», в котором происшедшее оправдывалось волей Божьей, не могло оттенить торжества его противников в Думе и при дворе[352]. Сбылось

предсказание проницательного нидерландского дипломата Иоганна фан Келлера, который еще 19 апреля 1689 г. писал в донесении Генеральным штатам: «Если случится, — но пусть Господь хранит эту страну от подобного несчастья! — что эта вторая кампания не будет для русских более удачной, нежели первая, нет оснований сомневаться, что в стране разразится всеобщий мятеж»[353].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дворцовый переворот 1689 г.

Ход переворота: 8 августа — 7 сентября 1689 г.

Неудачный исход Крымского похода 1689 г. подвел черту под неудачной и непопулярной внешней политикой правительства регентства царевны Софьи Алексеевны. Внутриполитическое положение осложнилось обострившимся династическим кризисом. Брак царя Петра с Евдокией Федоровной Лопухиной 27 января 1689 г. лишил законной силы опеку правительницы над младшим братом. К лету 1689 г. сложилось своего рода неустойчивое равновесие между Нарышкиными, все более претендовавшими на власть, и Милославскими, сохранявшими поддержку большинства в думе. Подобное положение не могло быть долговечным.

Поводом для открытого разрыва послужил извет пятидесятника Дмитрия Мельнова и десятника Якова Ладогина, служивших в Стремянном приказе[1]. Поскольку этот документ занимает совершенно исключительное место среди источников, посвященных дворцовому перевороту 1689 г., есть основания для того, чтобы подробно разобрать его — как с внешней, палеографической, так и с внутренней, содержательной стороны. Согласно сообщению Дмитрия Мельнова, в ночь с 7 на 8 августа он не без труда попал в Кремль, поскольку Никольские ворота были заперты, а на карауле стояли стрельцы, которые бывают «безпрестанно у Федора Шакловитова». Впущенный наконец в Кремль, он получил приказание поставить лошадь «на Лыкове дворе», то есть на взятом еще в 1648 г. в казну дворе кн. В. М. Лыкова-Оболенского (ум. 1646 г.), находившемся неподалеку от Никольских ворот. Здесь жило кремлевское духовенство, находились некоторые приказы и стоял стрелецкий караул[2]. Однако в ночь с 7 на 8 августа стрельцов здесь было больше

обычного — «человек с 200», под командованием четырех пятидесятников и сотенного[3]. От стоявших на карауле стрельцов Мельнов услышал о том, что «в Верху» учинился какой-то «шум». Здесь же он стал очевидцем бесцеремонного обращения караульных с приближенным царя Петра, приехавшим «из походу, из села Преображенскаго». Всадник, назвавшийся спальником Федором Плещеевым, был стащен с лошади караульными стрельцами во главе с Никитой Гладковым, избит и отведен «в Верх», «в Золотую полату» к Федору Шакловитому. Шакловитый приказал отпустить Плещеева, а его холопа и схваченных с ним двух потешных «велел держать за караулом» на том же Лыкове дворе. Тем временем отличившийся во время этой истории Никита Гладкой велел стрельцам ждать набата у Спасской башни, а по набату — «итти в Кремль». О том же Гладкой говорил и у ближайшей к Кремлю стрелецкой съезжей, находившейся на Лубянке[4]. Услышав это, Дмитрий Мельнов и Яким Ладогин решили предупредить об угрозе находившегося в Преображенском Петра. В свой план они посвятили пятисотного Стремянного полка Лариона Елизарьева, пятидесятника Ипата Ульфова, сотенных Ивана Троицкого, Михаила Феоктистова и Федора Турка.

Таким образом представляется основная канва событий 7—8 августа 1689 г., если, конечно, полностью довериться «Извету». Первые сомнения в его достоверности появились после того, как Г. Есипов опубликовал указ о денежном вознаграждении изветчиков, относящийся к 12 декабря 1689 г. Согласно указу, «пятисотенному Лариону Елизарову, пятидесятнику Ипату Ульфову с товарыщи, семи человеком», велено было вместо пожалованных им еще 22 октября 1689 г. «каменных лавок, и амбаров, и харчевен, и пирожен и рыбных мест» выдать семь тысяч рублей, по тысяче человеку[5]. Однако М. П. Погодин скептически отнесся к этой публикации, отметив, что такая огромная сумма вряд ли была бы дана «за донос, оказавшийся пустым, ложным, хотя и благонамеренным»[6]. Сторонником достоверности «Извета» выступил и Е. Ф. Шмурло. Сущность его рассуждений можно свести к трем пунктам. Во-первых, огромная сумма свидетельствует о том, что авторы «Извета» действительно сыграли большую роль в августовских событиях, а значит, не

были подставными лицами. Во-вторых, меньшая сумма вряд ли могла быть достойной наградой для тех «изветчиков», которые принадлежали к верхушке стрелецкого гарнизона. Наконец, равное вознаграждение всех «изветчиков», вне зависимости от чинов или личных заслуг, также должно свидетельствовать против существования какого-либо «предварительного уговора»[7].

Все эти объяснения можно было бы признать удовлетворительными, если бы речь шла только о денежкой награде. Однако недавно обнаруженный документ показывает, что «изветчиков» ждала еще одна награда, небывалая по меркам русской жизни XVII в. Это запись в книге Стрелецкого приказа «докладной выписки» с пометой думного дьяка Е. И. Украинцева «о стрельцах, о пятидесятниках о Ипате Ульфове, о Дмитрее Мельнове, о десятниках о Федоре Турке, о Якове Ладогине, велено их от стрелецкие службы отставить и быть в иных чинех, в каких они похотят»[8]. Дальнейшие события свидетельствуют о том, что «изветчики» воспользовались этой исключительной милостью. Когда через несколько месяцев в Стрелецком приказе понадобилось для разбирательства по одному из дел присутствие Ипата Ульфова, то сыскать его не удалось[9]. Следовательно, к этому времени по крайней мере один из героев августовских событий уже оставил службу в московском стрелецком гарнизоне в связи с переходом в иной, избранный им «чин».

Особого исследования заслуживает и все то, что связано с другим участником событий — комнатным стрельником царя Петра (в «Извете» он назван спальником) Федором Федоровичем Плещеевым. Отпущенный «из-за караула», Плещеев в ту же ночь благополучно добрался до Преображенского: иначе он не смог бы утром 8 августа приехать в Троицу «за великим государем» (именно о последнем свидетельствует Смотренный список Троициого похода 1689 г.)[10]. «извет» Ф. Ф. Плещеева, если он, конечно, имел место, был бы гораздо более содержательным, чем показания Мельнова и Ладогина, видевших лишь внешнюю сторону событий. О том, что роль Плещеева в событиях кануна переворота не была сугубо страдательной, свидетельствует и его пожалование 18 марта 1690 г. ста рубли «на дворовое строенье»[11]. Следовательно, у Ф. Ф. Плещеева все-таки

были какие-то заслуги перед молодым царем. Очевидно одно: «Извет» Мельнова и Ладогина не был единственным сообщением о враждебных приготовлениях в Москве, полученным в ночь на 8 августа в Преображенском.

Сомнения усугубляет и обращение к подлинному тексту «Извета»[12]. Он написан на 6 сставах, тем же почерком и на той же бумаге, что и следующий за ним извет уже упоминавшегося выше пятисотного Лариона Елизарьева, составленный не ранее 10 августа 1689 г.[13] Это видно хотя бы потому, что и рукоприкладство Дмитрин Мельнова, и сделанная несколько позже приписка Якова Ладогина не поместились на первых шести сставах, содержащих их «Извет»; их последние слова оказались уже на первом листе показаний Лариона Елизарьева[14]. Последние открываются следующими словами: «Да августа в 10-й день в Троицком Сергиеве монастыре пришол с Москвы Стремянного полку стрелец пятисотной Ларион Елизарьев и извещал...»[15] Таким образом, сам «извет» Мельнова и Ладогина был подписан не раньше 10 августа[16], о чем догадывались и издатели «Розыскных дел», датировавшие его составление 8—10 августа 1689 г.[17]

Однако и такая датировка носит по крайней мере условный характер. Действительно, она целиком основана на том, что показания Л. Елизарьева били записаны именно 10 августа. 1689 г., т. е. в день его приезда в Троицу. Однако и здесь мы вправе говорить лишь о том, что показания записаны не раньше 10 августа 1689 г. — «черной даты» этого документа. Об этом свидетельствуют и палеографические данные, полученные при обращении к архивным подлинникам[18]. Действительно, следующие за «изветом» Л. Елизарьева сказки пятидесятников Ипата Ульфова (л. 20—24), М. Г. Воротнинова (л. 24—27, 11 августа 1689 г.), Ивана Михайлова и пристава Егора Михайлова (л. 27—29) и пятидесятника Михаила Кузьмина (л. 29—30, 21 августа 1689 г.) написаны одним и тем же почерком, на той же бумаге, что и оба предшествующих «извета». Однако на л. 27 происходит смена чернил и пера; оставшиеся три с половиной листа написаны той же рукой, но другим пером и более светлыми чернилами. Крайнее единообразие внешнего оформления «изветов» и «сказок», то, что новый документ порой начинается на том же составе, который содержит и окончание

предыдущего — все это говорит о том, что временной интервал между составлением отдельных документов был не очень велик. Скорее всего, все они были записаны одновременно.

Причина возрастающего со временем интереса окружения Петра к показаниям перебежчиков из Москвы очевидна. В конце августа, когда в руках приверженцев Петра оказались показания стрелецких капитанов Филиппа и Василия Сапоговых, стало очевидно, что «изветы» и «сказки» стрельцов представляют самостоятельный интерес и могут сыграть свою роль в заключительный момент борьбы за власть[19]. Это и произошло 31 августа 1689 г., когда данные розыска были обнародованы Нарышкиными. Вплоть до этого времени сбор сведений о враждебных планах царевны Софьи Алексеевны и ее окружения не был первоочередным делом. Главной задачей, стоявшей перед Нарышкиными, начиная с 8 августа 1689 г., была борьба за Боярскую думу.

Прежде всего, надо было вызвать в Троицу наиболее видных деятелей думы, отъезд которых из Москвы подорвал бы позиции царевны Софьи Алексеевны и ее окружения. Однако Нарышкиных ждала очевидная неудача. Если бояре и приезжали из Москвы в Троицу, то не иначе, как заручившись разрешением или поручением царевны Софьи Алексеевны. Первым из бояр в Троицу приехал 13 августа 1689 г. кн. И. Б. Троекуров. Согласно свидетельству Патрика Гордона, он был послан царевной Софьей Алексеевной, чтобы склонить Петра вернуться в Москву, но уже на третий день возвратился и «привез с собой малоудовлетворительный ответ»[20]. На другой день после возвращения Троекурова, 16 августа 1689 г. — в Троицу посланы были боярин кн. П. И. Прозоровский, дядька старшего царя, и царский духовник[21]. Помимо прежнего поручения, Прозоровскому было наказано как-то оправдать то, что вызванным Петром стрельцам и солдатам не позволяют ехать в Троицу. 18 августа Прозоровский и духовник вернулись, «не выполнив ничего из того, что им было поручено»[22]. Причина неудачи обоих посылок лежит на поверхности: если И. Б. Троекуров был одним из доверенных лиц молодого царя, то П. И. Прозоровский, близкий ко двору Ивана, был «человек... весьма противной царевны Софии Алексеевны»[23]. Впоследствии И. Б. Троекуров вновь приедет в Троицу, теперь уже окон-

чательно, а П. И. Прозоровский своей новой поездкой из Москвы в Троицу и обратно приблизит выдачу Шакловитого, а заодно и передаст письмо Петра брату. Однако открытый переход обоих бояр в стан сторонников Петра лишь подчеркивает выжидательную, враждебную позицию, занятую большинством членов Думы по отношению к Нарышкиным. Картина была бы неполной, если бы мы умолчали о двойственной политике, проводившейся окружением молодого Петра. Вплоть до заседания Боярской думы 3 сентября 1689 г., принявшего решение о выдаче Шакловитого, Нарышкины были заинтересованы в том, чтобы и в Москве оставались преданные им или колеблющиеся думцы. Поэтому адресованная думным чинам грамота, требовавшая их немедленной явки в Троицу, осталась, судя по помете на отпуске, неотправленной: «...такова грамота не послана: написан указ о других памятях, о сыску воров» [т. е. того же Шакловитого и его сообщников]»[24].

Позиция Боярской думы прямо отразилась и на отношении Государева двора к происходящему. Нельзя забывать, что сыновья тех, кто «сидел» в Боярской думе, служили комнатными стольниками при дворах обоих царей. В этом отношении особый интерес представляет список 18 комнатных стольников, приехавших в Троицу 8 августа 1689 г. «за великим государем». Здесь мы видим Ивана Стрешнева — сына покойного дядьки Петра, боярина Р. М. Стрешнева и его тезку — сына боярина Т. Н. Стрешнева. Отцы князя Андрея Черкасского, и Василия Глебова — боярин кн. М. А. Черкасский, и думный дворянин М. И. Глебов — также сопровождали Петра в Троицком походе. Брат комнатного стольника Федора Апраксина — окольничий П. М. Апраксин — также примкнул осенью 1689 г. к Петру. Если прибавить к этому многочисленную родню Петра по матери и жене М. К., Ф. К., М. Г., А. Р. и И. И. Нарышкиных, А. Ф. и С. А. Лопухиных (брата царицы Евдокии Федоровны с сыном), и будущего мемуариста кн. Б. И. Куракина, женатого на сестре царицы, Ксении Федоровне Лопухиной — то состав ближайшего окружения царя Петра будет описан достаточно полно[25]. Однако приближенные Петра, тесно связанные между собой родственными узами, представляли собой узкую и далеко не самую

влиятельную группировку среди московской знати. В этом нетрудно убедиться, прослеживая последующие «приезды» служилых людей в Троицу. Если 8 августа «за государем» приехало 25 комнатных и 43 «простых» стольника, 19 стряпчих и 9 жильцов, то на следующий день — всего 13 стольников, 2 стряпчих и 2 жильца[26]. Спустя две недели число «приездов» еще более сократилось. Так, 20 августа приехали 2 стольника и 2 стряпчих, 22 августа — 4 стольника, 23 августа не явился никто[27]. Ближайшие приверженцы Петра к этому времени уже собрались в Троице, а основная масса служилых людей московских чинов не торопилась делать ответственный выбор. Для того, чтобы они покинули свои московские дворы и, следуя указу Петра, двинулись в Троицу, необходимы были решающие перемены в пользу Нарышкиных.

Зато Нарышкиным удалось заполучить в Троицу царевен и патриарха. История с отъездом царевен из Москвы освещается в источниках сбивчиво и противоречиво. Кн. Б. И. Куракин упоминает о том, что о необходимости явиться в Троицу «объявлено было обеим его величества теткам, сестрам отца его, царевнам Анне и Татьяне Михайловнам». Однако в другом месте он сообщает уже только об одной царевне Татьяне Михайловне, которая «в Троицкой монастырь пришла и была во всю ту бытность»[28]. Не проясняет дело и обращение к печатному изданию «Записок о Московии» де ла Невилля. Согласно этому источнику, царевна Софья Алексеевна решила послать «к своему брату двух своих теток по отцу, царевну Анну Михайловну, и одну из своих сестер, Марфу Алексеевну»[29]. Это место, достаточно невнятное, удалось пояснить благодаря более исправному чтению, которое дает список «Записок о Московии» из Национальной библиотеки в Париже. Оказалось, что имя одной из царевен было пропущено, а на самом деле следует читать: «...двух своих теток по отцу, царевну Анну Михайловну, Татьяну Михайловну, и одну из своих сестер, Марфу Алексеевну»[30]. Таким образом, в Троицу с примирительной миссией приехала как Марфа Алексеевна, впоследствии уличенная братом в переговорах с опальной царевной Софьей Алексеевной, так и поддерживавшая Петра Татьяна Алексеевна[31]. Неудивительно, что царевны легко поверили в на-

рышкинскую версию заговора и решили не возвращаться более в Москву[32].

Согласно «Запискам о Московии» Невилля, потерпев неудачу с посылкой теток и сестры в Троицу, царевна Софья Алексеевна «обратилась к патриарху, поведала ему свою печаль и так преуспела, что этот старик предложил свои услуги для примирения». Невилль сообщает далее, что патриарх Иоаким «в тот же день» выехал в Троицу[33]. Опираясь на данные «Чиновника» патриарха Иоакима, Е. Ф. Шмурло отнес его отъезд в Троицу к промежутку между 19 августа, когда патриарх служил еще в Москве, и 21 августа, когда он был уже в Троице[34]. Данные Смотренного списка Троицкого похода 1689 г. позволяют уточнить эти наблюдения. Конечно, «приезд» патриарха не был записан в одном ряде с «приездами» служилых людей. Однако под 21 августа 1689 г. в список занесены явившиеся в этот день «приказные люди» патриарха Иоакима — дворецкий Д. И. Сурмин, казначей А. Д. Владыкин и дьяк И. Тугаринов[35]. Очевидно, все они сопровождали патриарха и приехали вместе с ним. «И так, по приезде патриарха Иоакима и бояр, и всех знатных, уже двор царя Петра Алексеевича пришел в силу и тем начало отнято правлению царевны Софии и осталось в руках царя Петра Алексеевича и матери его, царицы Наталии Кирилловны», — писал впоследствии кн. Б. И. Куракин[36]. Однако поворотным пунктом во всей цепи событий конца августа — начала сентября 1689 г. было все-таки изменение позиции стрелецкого гарнизона. Судя по небольшой записке, сохранившейся между отпусками указов Петра в стрелецкие полки, «августа по 25-е число, с Москвы, к великому государю в Троицкой Сергиев монастырь, против грамот, стольники и полковники и их полков стрельцы никто не бывал»[37]. Через день, 27 августа, восемнадцати стрелецким полковникам были посланы грамоты с указом «быть к нам великому государю в Троицкой Сергиев монастырь без мотчанья». Ослушникам пригрозили смертной казнью. Одновременно во все стрелецкие полки посланы были грамоты, согласно которым «пятисотным, и приставом, и пятидесятником, и десятником, да по 10 человек из полка рядовым стрельцом» велено было явиться в Троицу[38]. Перелом в настроениях стрельцов и их начальников произошел 30 августа, когда в

Троицу явилось сразу 14 стрелецких полковников (Р. С. Ефимьев, А. И. Нармацкой, Б. Ф. Дементьев, Б. С. Щербачов, С. М. Кравков, В. С. Борисов, И. К. Нечаев, Д. Р. Жуков, Р. Г. Остафьев, С. Г. Сергеев, И. М. Кобыльский, И. К. Нечаев, И. И. Дуров и С. Ф. Головнин) и 3 подполковника (Б. М. Батурин, С. М. Стрекалов и Р. Ф. Рыжиков)[39]. Вместе с ними прибыли и выборные от стрелецких полков. К 1 сентября 1689 г. в Троице находилось уже 912 стрельцов (10 пятисотных, 9 приставов, 133 пятидесятника, 480 десятников и 280 рядовых)[40]. Значение, которое имела поддержка стрелецкого гарнизона, невозможно переоценить. Во-первых, окружение Петра решилиось пойти на открытый разрыв с царевной Софьей Алексеевной. Выехавшая из Москвы накануне, 29 августа, правительница надеялась на личную встречу с братом для объяснений и примирения[41]. Однако уже на следующий день она была остановлена на полпути и не допущена в Троицу. После возвращения царевны в столицу «в 7-м часу ночи» на 31 августа 1689 г. скрывать придворный конфликт дальше стало невозможно. Поэтому тогда же «августа против 31-го числа... во втором часу нощи» царь Петр обнародовал материалы розыскного дела. Согласно летописной записи, для этого велено было созвать стольников, полковников, московских дворян и всяких чинов людей, «так же соцких и десятников, и пятидесятников и рядовых» стрельцов[42]. Принявшие сторону Петра стрельцы имели возможность убедиться в правильности сделанного выбора.

Во-вторых, переезд стрелецких выборных в Троицу оказал воздействие и на позицию Боярской думы и Государева двора. Уже 3 сентября состоялось заседание Боярской думы, об итогах которого стрелецкие пятидесятники К. Семенов и И. Телкин в тот же день сообщили в Троицу полковнику Ивану Цыклеру. Согласно их письму, «бояры, и околничие, и думные дворяня приговорили вора Федку Шакловитова и товарыщев его отдать к великому государю в Троецкой поход»[43]. Решение Боярской думы было сообщено присланному в Москву Петром стрелецкому полковнику С. Сергееву[44]. 6 сентября Ф. Л. Шакловитый покинул свое убежище в дворцовой церкви Св. Екатерины и под стражей ночью был увезен в Троицу. «В тот же день бояре получили повеле-

ние ехать к Троице, что было им позволено старшим царем и царевною», — записал в «Дневнике» Патрик Гордон[45]. Отныне отпала необходимость оставаться в Москве для тех думцев, которые втайне сочувствовали Петру. Вслед за сообщением о выдаче Шакловитого Гордон помещает под 7 сентября следующую запись: «Прибыло несколько бояр, и они были допущены к его величеству»[46].

Проследить изменение настроений Государева двора позволяют записи «приездов» служилых людей московских чинов в Смотренном списке Троицкого похода 1689 г. Так, например, 31 августа в Троицу прибыло 37 служилых людей московских чинов, а 4 сентября — 43. С этого дня число приездов начинает возрастать, пока не переваливает 9 сентября ста человек[47].

Но даже перехода всех этих сил на сторону нового правительства было бы не достаточно для такой быстрой и бескровной смены власти, если бы на сторону правительницы встал бы «служилый город». Однако этого не случилось. Приведшие осенью 1682 г. к власти правительство регентства городовые дворяне и дети боярские семь лет спустя не поддержали его. Не откликнулись они и на призывы Нарышкиных. Три десятка имен служилых людей городовых чинов, занесенные в Смотренный список Троицкого похода — вот все, что осталось от поместного ополчения. Сказалось ухудшение положения основной массы служилых землевладельцев, их сближение с податным сословием, сделавшее их безразличными к итогам борьбы за власть в верхах. Только самоустранение «служилого города» с арены политической борьбы придало перевороту 1689 г. его московский, дворцовый характер. В этом отношении он прямо предшествует дворцовым переворотам XVIII в.[48]

Закрепить результаты переворота должно было соглашение между Петром и Иваном, для заключения которого в Троицу послан был вновь боярин кн. П. И. Прозоровский. Очевидно, именно он и привез в Москву письмо Петра брату. В письме утверждалось, что царевна Софья Алексеевна «государством... учела владеть своею волею», а не по закону, причем это правление принесло как ущерб обоим соправителям, так и «народу тягость». Коротко сообщив о злодейских умыслах Ф. Л. Шакловитого с сообщниками, в которых те

«по розыску и с пытки винились», Петр перешел к основной теме письма: «А теперь, государь братец, настоит время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей ц[аревне] С[офье] А[лексеевне], с нашими двемя мужескими особоми в титлах и вросправе дел быти не изволяем». Вслед за этим Петр поспешил выговорить себе право «учинить по приказом правдивых судей, а неприличных переменить», не ставя брата в известность о каждом новом назначении. Сверх письма были и какие-то устные сообщения, которые должен был «словесно донести» посланный с ним из Троицы в Москву боярин кн. П. И. Прозоровский[49].

Почерк, которым написано письмо, совершенно не схож с петровским. Царь даже не счел нужным поставить в конце свою роспись[50]. Не содержит письмо и помет о времени отправления и вручения. Тем не менее, события, о которых идет речь, позволяют достаточно точно датировать его. Н. Г. Устрялов отнес составление письма к 8—12 сентября[51]. Его датировку принял и М. М. Богословский, считавший, что письмо написано «между 8 и 12 сентября, после допроса Шакловитого, но до его казни и до назначения новых начальников приказов, начавшегося 12 сентября»[52].

Соглашаясь с этой датировкой, мы должны объяснить одно противоречие. В письме Петр предлагает брату отказаться от тяготившей его опеки царевны Софьи Алексеевны и «переменить» приказных судей (последнее и было сделано уже 12 сентября). Однако указ об именовании во всех государственных актах только двух государей, без упоминания царевны, был издан еще 7 сентября[53]. Для того, чтобы согласовать данные источников, Н. Г. Устрялов оспорил последнюю дату и отнес указ к 8—12 сентября, так, чтобы представить его следствием переписки Петра с братом[54].

Последнее предположение прямо вытекает из авторской оценки письма Петра брату как компромисса, вслед за достижением которого последовала отмена регентства и смена приказного руководства. Однако новые архивные находки заставляют усомниться в справедливости этой характеристики. Дело в том, что историк исходил из сообщений «Дневника» Патрика Гордона и «Дворцовых разрядов», относивших

первые назначения новых приказных судей к 12 сентября[55]. Однако в неопубликованной Записной книге Московского стола Разрядного приказа за 1689/90 г. содержится запись о том, что еще «сентября в 8 день великие государи указали в Стрелецком приказе... быть боярину князю Ивану Борисовичу Троекурову...»[56]. Троекуров занял место привезенного накануне в Троицу под стражей Ф. Л. Шакловитого. Нетерпение Нарышкиных, поспешивших еще до приговора и казни «вора и изменника» Федора Шакловитого отдать его пост своему стороннику вполне понятно: в руках начальника Стрелецкого приказа находился политический сыск и столичный стрелецкий гарнизон.

Таким образом, не только исключение имени царевны из царского титула, но и первые перемены в приказах сделаны были без совета с царем Иваном Алексеевичем. Тем самым несколько проясняется и характер письма. В нем под видом родственного совета Петр ставит брата post factum в известность о принятых им и его окружением важнейших решениях. Ивану и его придворным оставалось лишь принять сообщение Петра, ставшего фактически единственным самодержцем, к сведению.

Розыск по делу Федора Шакловитого

Согласно Невиллю, «как только Федьку [Шакловитого — *А. Л.*] привезли, он был препровожден в большую комнату, где царь собрал бояр»[57]. О том же свидетельствует запись, предваряющая текст распросных речей Ф. Шакловитого («В нынешнем во 198-м году, сентября в 7-й день, Федка Шакловитой перед бояры в роспросе сказал...»)[58].

Однако далеко не все бояре, находившиеся в Троице, были допущены к розыску по делу Ф. Шакловитого. Состав боярской комиссии позволяет уточнить «Летописец» Кариона Истомина: «...а у розыску того были бояре князь Борис Алексеевич Голицын, князь Иван Борисович Троекуров, Тихон Никитич Стрешнев с товарыщи»[59]. Под традиционным приказным оборотом («...с товарыщи»), очевидно, скрывались младшие по чину, и, прежде всего, дьяки и подьячие,

без которых не обходилась в своей работе ни одна думная комиссия.

Ни одно имя здесь, конечно же, не появилось случайно. Дело Шакловитого могло принять неожиданный оборот, а то и прямо затронуть честь династии. Поэтому к щекотливому разбирательству были допущены не просто доверенные члены думы, но, прежде всего, те, кто был связан родственными узами с Петром и Нарышкиными. Так, князь Иван Борисович Троекуров был женат на Анастасии Федоровне Лопухиной — сестре молодой царицы[60]. Тихон Никитич Стрешнев служил стольником Петра еще в бытность его царевичем. Это назначение нельзя не связать с тем, что Семен Лукьянович Стрешнев был дядькой Петра[61]. Другим воспитателем молодого царя был третий участник розыска — князь Борис Алексеевич Голицын[62]. Летописец допускает характерную ошибку, называя его боярином: на самом деле свой первый думный чин Голицын получит лишь 28 февраля 1690 г., т. е. после переворота[63]. Во время описываемых событий у него был придворный чин кравчего Петра[64].

В то же время эта комиссия не могла быть беспристрастной, так как почти все ее члены были связаны с князем Василием Васильевичем Голицыным. Борис Алексеевич Голицын был двоюродным братом князя Василия Васильевича[65]. Мать В. В. Голицына княгиня Татьяна Ивановна была в девичестве Стрешневой, из Стрешневых же была и его вторая жена, Евдокия Ивановна[66]. Таким образом, Т. Н. Стрешнев был связан с В. В. Голицыным двойным, хотя и дальним родством. Только Иван Борисович Троекуров не только не был близок к В. В. Голицыну, но и имел с ним какую-то тяжбу. Однако даже участие Троекурова вряд ли могло изменить направление работы комиссии.

Едва оказавшись на пороге палаты, в которой заседала думная комиссия, Шакловитый уже был приговорен и обвинен. Именно он, по замыслу следствия, должен был принять на себя всю вину за случившееся, и, тем самым спасти жизнь (а, возможно, и политическую карьеру) кн. В. В. Голицына.

Проследить, как работала думная комиссия, позволяют подлинные распросные речи Федора Шакловитого, содержащие многочисленные исправления и дополнения. Все они не были учтены при публикации: отдельные слова и целые

строки, вписанные между строк или на полях, были внесены в основной текст, а все то, что было вымарано в процессе редактирования, просто исключено. В результате текст показаний Шакловитого стал связным и логически последовательным, однако наиболее важные следы работы комиссии исчезли.

Первый пример этого преподносит нам само начало распросных речей Шакловитого. Сравним начало распроса Федора Шакловитого в подлиннике и печатном издании:

ГИМ ОПИ. Ф. 167 (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках). № 3. Л. 1	**Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1883. Стб. 165**
[67]-В нынешнем во 198-м году, сентября в 7 день-[67] [68]-он же-[68] Фетка Шакловитой перед бояры в роспросе сказал: в прошлом де во 195-м году, в великий пост объявилось письмо на Лубянке.	В нынешнем во 198-м году, сентября в 7-й день, Федка Шакловитой перед бояры в роспросе сказал: в прошлом де во 195-м году, в великий пост, объявилось писмо на Лубянке.

Если убрать из подлинника вставки и восстановить зачеркнутое, то мы получим первоначальный текст: «Он же Фетка в роспросе сказал...» Но это не начало роспроса, а вырванный из его середины отрывок! Подтверждение этой догадки находим в той же рукописи. Перелистав три сстава, мы находим тот лист, с которого началась на самом деле запись показаний Шакловитого:

ГИМ ОПИ. Ф. 167. № 3. Л. 1	**Розыскные дела. Т. 1. Стб. 166**
[69]-198-го сентября в 7 день перед бояры Федка Шакловитой сказал-[69] в прошлом де во 195-м году, в августе месяце, а в котором числе, — того не упомнит, в селе Коломенском изволила в. г. ц. и в. кн. София Алексеевна, призвав его Фетку, приказывать...	А в прошлом де во 195-м году, в августе месяце, а в котором числе, — того не упомнит, в селе Коломенском, изволила в. г. ц. и в. кн. София Алексеевна, призвав его Федку, приказывать...

После того, как начальные строки были вычеркнуты, начало показаний Шакловитого поменялось местами с их сере-

диной. Цель этой правки лежит на поверхности: для того, чтобы сделать показания Шакловитого связными и удобочитаемыми, его признания расположили в хронологическом порядке. Так, рассказ о поручении, данном царевной Софьей Алексеевной Шакловитому в августе 1687 г., с которого Шакловитый начал свои показания, поменялся местами с рассказом о подметном письме, «объявившемся» на Лубянке в великий пост «того же» 1687 г.[70].

Постараемся восстановить показания Шакловитого в их первоначальной последовательности. Шакловитый начал с того, что вызывало наибольший интерес боярской — комиссии — с династических планов царевны Софьи Алексеевны. В августе 1687 г. царевна дала ему поручение: «если она, государыня, изволит венчатца царским венцом, чтоб проведать в стрельцах, что от них в том будет, какая отповедь?». Шакловитый «проведал» и три дня спустя получил ответ от стрельцов «разных полков», «что они тому делу ради помогать и готовы, чтоб им написать челобитную...». Челобитную стрельцы вместе с присоединившимися к ним людьми «иных чинов» предполагали подать царя, «как они великие государи будут у действа» (вероятно, у так называемого «действа нового лета», намеченного на 1 сентября 1687 г.). Впоследствии царевна Софья Алексеевна отказалась от этого плана, «чтоб то не было братьям ее государским, великим государем, во гнев и в безчестье»[71]. Вслед за этим Шакловитый рассказал о предшествующем эпизоде придворной борьбы, относящемся к великому посту 1687 г. В это время пятисотный Ларион Елизарьев (тот самый, который осенью 1689 г. окажет неоценимую услугу Петру и его окружению) принес Шакловитому подметное письмо «на полустолбце», найденное на Лубянке, «а в том писме написано, чтоб всяких чинов люди, народом собрався, шли к Казанской Богородице [на Красную площадь — *А. Л.*]... и учинили б по тому писму». Посланный туда Ларион Елизарьев вынул из-за иконы «писмо в тетратех на четырех листах», написанное полууставом. Письмо содержало «непристойные слова» о царевне Софье Алексеевне и прямые угрозы по адресу ее приближенных. Неприятное впечатление от письма было усугублено тем, что его появление совпало с первым набором петровских потешных. Тогда царевна приказала Федору обра-

титься к стрельцам, чтобы они были «радетельны и верны» по отношению к ней и к царю Ивану. Впоследствии сами стрельцы приходили к Шакловитому и жаловались на потешных конюхов, недвусмысленно напоминая об угрозе новой «хованщины». «И вас де станут за ноги таскать», — говорили стрельцы, намекая на надругательства над телами убитых во время стрелецкого восстания 1682 г. Шакловитый утверждал, что он «в том их отговаривал, и до того их не допускал», «бунта никакого не заводил», и вообще во время этих разговоров «на государское здоровье никакого умыслу не было»[72].

Мотивы самооправдания слишком явно звучат и в рассказе Шакловитого о событиях 7—8 августа 1689 г. Официальную версию этих событий, принятую в окружении царевны Софьи Алексеевны, он обогатил несколькими интересными деталями. Прежде всего Шакловитый сообщил, что накануне переворота «был он... болен», а когда за ним прислали «с Верху... чтоб быть, как ни есть», то он «насилу... выбрел». Тем самым Шакловитый постарался отвести от себя обвинения в подготовке августовских событий.

Согласно Шакловитому, царевна Софья Алексеевна приказала ему «нарядить» стрельцов «человек со сто» для сопровождения ее во время предстоящего похода в Донской монастырь. Это было нужно потому, что во время предыдущего богомольного похода в Новодевичий монастырь «на Девичье поле, перед нею государынею неподалеку, неведомо какие люди зарезали до смерти отставного конюха». Царевна приказала также ввести в Кремль триста стрельцов и запереть все ворота на ночь. Эта предосторожность была связана с новым подметным письмом, «объявившимся» «в Верху», в котором сообщалось о готовящемся приходе «потешных конюхов» в Москву. Далее Шакловитый сообщил о посылке стрельцов «для розведыванья» в слободу, где стоял верный Петру Стремянный полк. Ничего больше по своей собственной воле Федор Шакловитый сообщить боярской комиссии не пожелал.

Вслед за допросом на очную ставку с Шакловитым были приведены стрельцы, замешанные в деле. Согласно их показаниям, Шакловитый говорил «про государское здоровье многие государские слова», собирался постричь или убить

мать царя, «умышлял» на жизнь боярина кн. Б. А. Голицына, хотел переменить (или убить) патриарха Иоакима... На все эти мало согласованные друг с другом обвинения Шакловитый отвечал только, «что таких непристойных слов не говаривал». Он признавал за собой только ту вину, о которой сам рассказал перед боярской комиссией. Когда стрелец Михаил Чечотка заявил, что Шакловитый показывал ему челобитную «о перемене патриарха, на одном столпце мелким письмом», то он отвел это показание, уточнив: «Челобитную де им чел, об венчании великой государыни царевны; а с патриарше перемене челобитной у него Федки не бывало»[73].

Проследить, как держался Шакловитый во время очных ставок, позволяют подлинные роспросные речи. Пример тому дает запись очной ставки с Филиппом Сапоговым, одним из главных свидетелей по делу. Показания Сапогова несколько раз прерывались Федором Шакловитым. Догадаться об этом позволяют исправления подьячего, который не успевал записывать сразу за Сапоговым и Шакловитым, говорившими одновременно, и несколько раз перебил показания первого словами второго. «Капитан Василей Сапогов [74-]на очной ставке[-74] сказал прежние свои речи», — начал было писать подьячий. Затем он начал записывать ответ Шакловитого («А Федька...»), но ему пришлось перечеркнуть последние слова, чтобы внести пересказ «прежних речей» Сапогова: «...что такие [75-]непристойные[-75] слова про великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича и про великую государыню царицу и великую княгиню Наталию Кириловну и чтоб ее постричь он Федька говорил». Затем подьячий вновь внес ремарку, вводившую ответ Шакловитого («А Федька сказал»), но и она оказалась перечеркнутой. Вместо оправданий Шакловитого ниже было приписано продолжение показаний Сапогова: «он Федька говорил у него Федьки в доме в маленькой ево полатке». Только после этого подьячий все-таки внес слова самого Шакловитого: «и Федька сказал: таких слов непристойных про них великих государей не говаривал»[76]. Таким образом, Ф. Шакловитый по меньшей мере дважды прервал недолгий рассказ Сапогова. Это говорит о том, что он держался на допросе уверенно, вовсе не считая своего дела потерянным.

Перелом наступил после пытки Шакловитого и его «сообщников». В отличие от последних, получивших по 3—5 ударов кнутом, Федору Шакловитому дано «было... 15-ть ударов»[77]. Согласно свидетельствам путешественников-иностранцев, 10 ударов кнутом, данных умелым палачом, вполне могли означать смертную казнь. Более того, если мы вспомним гравюру Л. Тарасевича «Св. мученик Федор Стратилат», на которой под видом своего покровителя изображен был сам Федор Шакловитый, то придется признать, что любимец царевны Софьи Алексеевны был достаточно хрупкого телосложения[78]. Но речь, разумеется, должна идти не столько о физических страданиях, сколько о психологическом переломе. Шакловитый понял наконец, что его небезуспешно стараются представить главной фигурой в заговоре. Поэтому он быстро признал почти все то, в чем ранее запирался. Шакловитый сначала признался, что он «приставал» (присоединялся) к словам стрельцов, умышлявших на здоровье царицы Натальи Кирилловны, затем в том, что он, «утешая» царевну Софью Алексеевну, прямо говорил ей: «чем де ей государыне не быть, ино де лутче царицу Наталию Кириловну известь». Наконец, он подтвердил, что прямо говорил пятерым стрельцам «великую де государыню царицу и великую княгиню Наталию Кириловну, чтоб ее убить» и подтвердил показания И. Муромцева «о великом государе и о патриархе, и о приеме бояр», которых намечено было выдавать стрельцам на расправу из царского дворца в Преображенском[79].

О событиях, последовавших за распросом Федора Шакловитого в боярской комиссии, сообщает в своем «Дневнике» генерал Патрик Гордон. Согласно записи «Дневника» под 9 сентября 1689 г., «после того, как Шакловитый был пытан и ему вновь грозило оказаться под пыткою, он пообещал дать царю откровенные показания, что ему было позволено сделать письменно самому. Для этого князь Борис Алексеевич [Голицын — *А. Л.*] послал к нему, чтобы снабдить его пером и бумагой. Шакловитый изложил все, что составило от 8 до 9 листов бумаги. Так как тем временем наступила ночь, и царь отправился отдохнуть, то князь Борис Алексеевич взял эту записку с собой домой, чтобы самому на следующее утро представить ее царю. Это было использова-

но врагами князя, которые донесли царю, что он взял записку или показания Шакловитого к себе, чтобы прочесть ее и, возможно, если там найдется что-либо, касающееся его двоюродного брата, то утаить целый лист. Тогда царь послал тотчас к Шакловитому, чтобы узнать у него, сделал ли он то, что обещал; тот подтвердил и сказал, что отдал записку князю Борису, как это и было приказано. Тем временем князь, предупрежденный своим другом о происходящем, поспешил с запиской к царю, который сначала говорил с ним очень резко и спросил, почему он не сразу принес сказку Шакловитого. Князь оправдывался тем, что дело было поздней ночью»[80]. Гордон сообщает далее, что Петр принял оправдания князя Б. А. Голицына, но его недоброжелатели из нарышкинской партии не забыли этого эпизода.

Очевидно, что речь идет о документе, опубликованном в «Розыскных делах...» сразу же после распросных речей Федора Шакловитого и его очных ставок с сообщниками. Это «Сказка окольничего Федора Шакловитого», отнесенная к 8 сентября 1689 г.[81] Гордон был неточен лишь в одном: он упоминает о собственноручных показаниях Шакловитого, в то время как сказка лишь подписана им[82]. Особо интересно то, что согласно примечанию издателей, вся сказка уместилась «на 1 $^{1}/_{2}$ листе» (напомним, что у Гордона речь шла о 8 или 9 листах). Не свидетельствует ли это о том, то князь Борис Алексеевич Голицын осуществил-таки свое намерение, изъяв из показаний Шакловитого все то, что касалось его двоюродного брата? Чтобы ответить на поставленный вопрос, разберем сначала содержание сказки. По единодушному свидетельству Гордона и других иностранных авторов, Шакловитый в сказке дополнил свои прежние признания и попытался переложить свою вину на других участников мнимого заговора, что, в общем, было естественно в его положении[83]. Однако именно этот мотив — личной вины, ответственности Шакловитого за то, в чем он был обвинен — оказался в сказке подчиненным, отодвинутым на второй план. Шакловитый поведал в своей сказке не о том, чего от него допытывались, а, скорее, о том, что могло бы заинтересовать новое правительство. Речь шла о не дошедшем до нас документе — «сказке всяких чинов людем», которую царевна Софья Алексеевна велела написать после возвращения в

Москву из неудачного примирительного похода к брату в Троицу. Так как скрывать далее разрыв было невозможно, Петр 1 сентября прислал в Москву грамоты, составленные на основе первых стрелецких изветов и выставлявшие царевну и ее ближайшее окружение в невыгодном свете. «Сказка всяких чинов людем» и должна была послужить ответом на эти грамоты. «...И в той сказке написано, что в тех грамотах те дела написаны напрасно, и чтоб они тому, что в грамотах написано, не верили», — сообщил Шакловитый. Выполняя распоряжение царевны, Шакловитый включил в сказку сюжет о «непочитании... к великим государем» боярина Л. К. Нарышкина, выразившемся в том, что «он к ним государем никогда не являлся, и к руке не хаживал»[84]. Вероятно, именно в дяде Петра царевна не без основания видела одного из главных виновников происшедшего. Куда более серьезными могли быть разоблачения, связанные с именем стрелецкого полковника Ивана Цыклера, упоминавшегося в «сказке всяких чинов людем». Осведомленный Патрик Гордон, отмечая в своем «Дневнике» неожиданный переход служилого иноземца на сторону Петра, не случайно вспомнил о роли Цыклера «во время прошлого восстания стрельцов [«хованщины». — *А. Л.*], когда так много сторонников юного царя было убито, а он был одним из исполнителей»[85]. Присутствовал в сказке и анекдотичеекий сюжет о том, «что царской венец изломал Федор Кирилович Нарышкин, рассчитанный на легковерных и неискушенных в высокой политике слушателей. Шакловитый оправдывался тем, что «тое сказку писал он по велению государыни царевны». Однако он мог и не упоминать об этом, поскольку «сказка всяких чинов людем», по признанию самого Шакловитого, так и не была обнародована. Нарышкины ничего не знали о ней, и, если бы не собственное признание Шакловитого, то ему не пришлось бы оправдываться за ее составление. Не удался и расчет Шакловитого — заинтересовать следствие тем, о чем знал только он сам да царевна Софья Алексеевна. Организаторы розыска даже не обратили внимание на очевидную несообразность в показаниях Шакловитого. Дело в том, что Шакловитый утверждал, что «никому та сказка не чтена для того, что намерено послать к великому государю в Троецкой объезд духовника»[86]. Между тем, из «Дневника» Патрика

Гордона известно, что духовник был послан в Троицу еще 16 августа, вместе с боярином кн. П. И. Прозоровским[87], то есть за две недели до сентябрьских грамот Петра из Троицы, с которых Шакловитый и начал свой рассказ.

Наши сомнения в происхождении сказки подтверждаются и при обращении к подлиннику[88]. Прежде всего, это касается даты, которая в подлиннике отсутствует. Сравним:

ГИМ ОПИ. Ф. 167 (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках). № 3. Л. 29	**Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1884. Стб. 177**
«Федка ж сказал: как де в нынешнем во 198-м году, сентября в 1-м числе, присланы к Москве великого государя грамоты из Троицкого объезду...»	«сентября в 8-й день, он же Федка сказал: как де в нынешнем во 198-м году, Сентября в 1-м числе, присланы к Москве великого государя грамоты из Троицкаго объезду...»

Без даты, заимствованной издателями, скорее всего, из статейного списка, «сказка» приобретает совершенно иной вид. Если в опубликованном тексте перед нами представал цельный, законченный документ, то подлинник производит скорее впечатление отрывка («Федка ж сказал»). Этот отрывок ничем, кроме почерка, не отличается от тех отрывков распросных речей, которые организаторы розыска перекраивали и переставляли по своему усмотрению. В результате нельзя уверенно утверждать, что показания Шакловитого от 8 сентября, о которых сообщает в «Дневнике» Патрик Гордон, и являются той самой «сказкой», приобщенной к розыскному делу.

Все это заставляет с большим вниманием относиться к свидетельствам современников о решающей роли кн. Б. А. Голицына на начальном этапе розыска. Невилль пишет, что «князь Борис Алексеевич Голицын должен использовать все свое влияние на царя, чтобы склонить его не чернить честь его рода казнью его двоюродного брата»[89]. О том же сообщает и кн. Б. И. Куракин: «Надобно знать, что ссылка князю [В. В.] Голицыну учинена по прошению князя Бориса Алексеевича Голицына, а ежели б не по его заслугам, то б, конечно, был взят к розыску так же, как и Щегловитой»[90].

Косвенным подтверждением этих сообщений является спешка, с которой был вынесен приговор князю В. В. Голицыну. Уже вечером следующего дня, 9 сентября 1689 г. В. В. Голицын был позван с сыном князем Алексеем, в монастырь. «Когда они прошли через толпу на лестницу, думный дьяк вышел им навстречу с небольшим свертком...», — сообщает Патрик Гордон[91]. Здесь князьям Голицыным был зачитан приговор, согласно которому они обвинялись в том, что, «оставя их великих государей, и угождая сестре их государевой и доброхотствуя, о всяких делех мимо их великих государей докладывали сестре их». Князю Василию Голицыну вменялся в вину и новый титул царевны Софьи Алексеевны. Однако главным пунктом обвинения была неудача второго Крымского похода, во время которого кн. В. В. Голицын «дошед до Перекопи, промыслу никакова не учинил и отступил прочь, и тем своим нерадением их государской казне учинил великие убытки, а государству разорение и людем тягость». За это Голицыных указано было лишить «чести боярства», «отписать» в казну их имения и сослать в Каргополь[92].

Роль, которую сыграл Б. А. Голицын в смягчении участи своего двоюродного брата, привела к падению его авторитета при дворе Петра. Уже на следующий день, 10 сентября, князь Борис Алексеевич был отстранен от руководства розыском. Вместо него «дела князь Василья и сына ево князь Алексея... по которым они... из походу из Троицкого Сергиева монастыря, за их вины, сосланы в ссылку», было указано ведать боярину Т. Н. Стрешневу[93]. Об обстоятельствах этой перемены можно только догадываться. Невилль приводит достаточно сбивчивый рассказ о том, как дед Петра, «в сопровождении своей дочери и трех сыновей пришел со слезами на глазах объявить Петру, что, раз он не удаляет своего фаворита [кн. Б. А. Голицын — *А. Л.*], то лучше уж было бы вернуть великого Голицына»[94].

Как бы то ни было, сравнительно легкое наказание князя В. В. Голицына еще больше обострило вопрос об участи остальных заговорщиков. Современники-иностранцы сообщают о резких разногласиях, возникших между Петром и его окружением в связи с приговором главным виновникам. Согласно записи в «Дневнике» Патрика Гордона под 11 сентября 1689 г., свое согласие на казнь Федора Шакловитого и его

сообщников «юный царь дал очень неохотно и не раньше, чем патриарх уговорил его на это»[95]. Сообщение Гордона дополняет чешский иезуит Иржи Давид. Если верить ему, «Петр, смягчившись этим признанием [показаниями Шакловитого — *А. Л.*], даровал ему жизнь, но по настоянию бояр и особенно по требованию патриарха, вынужден был согласиться на его казнь». Далее Давид сообщает о том, что Петр приказал похоронить тело казненного Шакловитого в монастырской ограде и демонстративно дал вклад по его душе («и через шесть недель приказал совершить по нем службу»)[96]. Проверить достоверность этих сообщений помогает исследование подлинного статейного списка по розыскному делу.

Обратимся сначала к статейному списку, подводящему итог преступлениям самого Федора Шакловитого. Сразу же за выпиской из соответствующей главы Соборного Уложения 1649 г. следует помета с приговором: «казнить ево». Вслед за ней сделана другим почерком новая запись: «198 году сентября в 11 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев бояре в Троицком Сергиеве монастыре, слушав сего статейного списка, приговорили Федьку Шакловитого за вышеописанные ево злые воровские умыслы и дела казнить смертью»[97]. Очевидно, что последняя запись содержит боярский приговор. В таком случае первая, лаконичная запись представляет собой государев указ. Характерно, что она не является автографом Петра (почерк пометы совершенно не схож с петровским). Уступая настояниям своих советников, Петр ограничился устным распоряжением или вообще позволил действовать без него[98].

Однако исследование материалов розыска не подтверждает свидетельств иностранцев о зловещей роли патриарха Иоакима. Дело было как раз наоборот: согласно древней московской традиции, патриарх «печаловался» за опальных. Об этом говорит отрывок царского указа о помиловании, принятого по челобитью патриарха и царевны Татьяны Михайловны: «И великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевичь, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцы, по упрошению тетки своей, великия государыни благоверныя царевны и великия княжны Татьяны Михайловны, и великого господина святейшаго кир

Иоакима, Московского и всеа России и всех северных стран патриарха казнить смертью не указали, а указали за то твое воровство, вместо смертной казни, бить на козле кнутом нещадно и сослать в ссылку с женою и с детми, на вечное житье, в Сибирские городы». Издатели «Розыскных дел», не зная, о ком идет речь, не смогли определить места этого отрывка в основном тексте и поместили его в предисловии[99]. Более полный текст удалось найти в составе «Выписки о бунтах», составленной по указу Петра от 12 декабря 1715 г., составители которой работали с еще «свежим» материалом Розыскных дел[100]. Согласно записке, речь идет о пятидесятнике Семене Рязанове.

Разногласия по вопросу об участи сообщников Ф. Л. Шакловитого продолжались вплоть до оглашения приговоров («сказок»), и это оставляло подсудимым некоторую надежду. Видимо, ее разделял и сам Ф. Л. Шакловитый, надеявшийся на свои разоблачительные признания, сделанные 8 сентября. Только у плахи он понял, что они не дошли до адресата. В этом, вероятно, кроется разгадка сказки, продиктованной Ф. Л. Шакловитым «у смертной казни» 12 сентября 1689 г. Прежде всего, Шакловитый обвинил В. В. Голицына в произнесении «непристойных слов»: «И говаривал он, боярин князь Василей Васильевичь: для чего де ее великую государыню [Наталью Кириловну] и в девяностом году [во время «хованщины» — *А. Л.*] не убили, есть ли б ее в то время уходили, ничего бы не было»[101]. Шакловитый раскрыл и роль «канцлера предпетровской поры» в назревавшем придворном конфликте: «И из походу Троецкого монастыря писал к нему боярин князь Василий Васильевичь, что Гаврило Ивановичь Головкин привел в Верх двух человек, неведомо каких людей, а великий государь царь и великий князь Петр Алексеевичь в то время был на Москве. А ведомо ей, великой государыне учинилось, что те люди говорят, чтоб быть ему великому государю одному, и чтоб ему Федьке о том проведать. И от того она великая государыня была опасна ж». Шакловитый коснулся и роли Голицына во время самого переворота 1689 г. Согласно Шакловитому, кн. В. В. Голицын «приговаривал... чтоб из Троецкого монастыря из походу стрелцов человек десяток другой оговорить... А как де они стрелцы побегут, чаял де и великий государь бу-

дет к Москве и на Москве де сойдутца и между собой изволят поговорить»[102]. Последние показания Федора Шакловитого были скреплены его собственноручной рописью: «Фетька Шакловитой руку приложил»[103].

Последние показания не смягчили участь Федора Шакловитого. В тот же день, 12 сентября 1689 г., он вместе с пятью своими сообщниками был казнен у стен Троице-Сергиева монастыря, «в слободе Клементьеве»[104]. Однако «сказка» все же не осталась незамеченной следственной комиссией. Вслед отправленному в ссылку кн. В. В. Голицыну 10 сентября послан был список с нее и «вопросные статьи»[105]. Но смерть главного свидетеля смешала все планы организаторов розыска. В лаконичных ответах на каждую «статью» Голицын писал, что он «Федке таких слов не говаривал» или «Федке того не приказывал». Один из ответов носил откровенно издевательский характер. Касаясь письма Шакловитого о предполагавшемся венчании на царство царевны Софьи Алексеевны, Голицын написал: «Чрез почту Федка ко мне не писывал; а будет есть мое письмо к нему о том Федке, чтоб великие государи указали мне показать, как в нем писано»[106]. Но подлинного письма в распоряжении следствия не было, а привести на «очную ставку» казненного Шакловитого было невозможно.

Таким образом, несмотря на распространявшиеся слухи, наказание кн. В. В. Голицыну не было ужесточено. Изменилось лишь место ссылки: 18 сентября 1689 г. Голицыных велено было сослать вместо Каргополя в Яренск[107]. Затем Голицыны были переведены на Пинежский волок. Здесь, в Красногорском монастыре, 21 апреля 1714 г. после четвертьвековой ссылки кн. В. В. Голицын умер[108].

Розыск по делу Федора Шакловитого прервал политическую карьеру еще нескольких приближенных Голицына. 9 сентября 1689 г. был сослан в Пустозерск Л. Р. Неплюев[109]. В тот же день окольничему В. А. Змееву — товарищу князей Голицыных в Иноземском, Рейтарском и Пушкарском приказах было велено «жить в Костромской его деревне»[110]. 12 сентября 1689 г. окольничему А. И. Ржевскому, возглавлявшему три объединенных финансовых приказа (Большой казны, Большого прихода и Новой чети), указано было ехать на воеводство в Новобогородицк[111]. В тот же день

окольничий С. Ф. Толочанов, сидевший в Казенном приказе, назначен был воеводой в Переяславль-Южный[112]. Перераспределение освободившихся таким образом приказных постов должно было закрепить политические итоги переворота 1689 г.

Структура власти после переворота 1689 г.

В историографии получила распространение трактовка событий 1689 г. как боярского переворота. Одним из первых выступил с подобными взглядами Н. Г. Устрялов. Историк изучил перераспределение приказных назначений после переворота 1689 г., противопоставив при этом деятелей регентства («людей незнатных родом, ни саном») — сторонникам Петра, выходцам из старинных боярских родов[113]. К выводу о боярском засилье после прихода к власти Нарышкиных склонялся и историк-демократ Н. Я. Аристов, идеализировавший царевну Софью Алексеевну и ее окружение[114].

Вывод о боярском характере переворота 1689 г. в дальнейшем утвердился в историографии. Согласно М. П. Погодину, «стороны Петра и Натальи Кириловны... держалось старое родовое боярство, оскорбленное в своих дорогих правах и преимуществах, принужденное уступить многие высокие и почетные места людям новым, худородным»[115]. Е. А. Белов, посвятивший боярской аристократии специальное исследование[116], довел концепцию «боярской реакции» до логического завершения, противопоставив политику Нарышкиных реформам, проведенным Петром в первой четверти XVIII в.: «Творец табели о рангах, которая довершила дело царя Федора об уничтожении местничества, в эпоху юности нашел опору в боярстве, которое враждебно относилось даже к реформам царя Федора»[117]. К выводам М. П. Погодина и Е. А. Белова присоединился в своем исследовании и Е. Ф. Шмурло[118].

Подобное решение вопроса было характерно для дореволюционной историографии, в которой борьба боярской аристократии за свои привилегии рассматривалась зачастую как основная тенденция всей социально-политической истории Русского государства. В советской историографии вывод о

«боярском засилье» в правление Нарышкиных разделял С. Томсинский в основном в силу общего для школы М. Н. Покровского скептического отношения к «петровским реформам»[119].

В последние годы к событиям 1689 г. обращались А. Г. Маньков, М. Я. Волков, А. П. Богданов[120]. А. Г. Маньков в своем исследовании, посвященном развитию крепостного права в России во второй половине XVII в., пришел к выводу о существенном различии в правительственной политике по крестьянскому вопросу до и после переворота. Если правительство регентства старалось удержать функцию сыска беглых в руках воевод, то правительство Нарышкиных дало дворянству возможность проявить собственную инициативу — послать выборных дворян-сыщиков (челобитная 1691 г. и указ 27 марта 1691 г). В дворянских челобитных, отличавшихся при прежнем правительстве исключительной умеренностью, выдвигается целый ряд сословных требований. Все это позволяет автору говорить об «усилении диктатуры дворянства» в результате переворота 1689 г.[121] К сходным выводам пришел в результате изучения общественно-политической мысли XVII века А. П. Богданов, противопоставляющий правление «боярской группировки» Нарышкиных политике правительства регентства, осуществившего «ряд мероприятий... в интересах посадского населения»[122]. М. Я. Волков видит в перевороте 1689 г. победу «партии противников учета новых государственных интересов за счет ущемления узкоклассовых интересов феодалов-крепостников»[123].

Таким образом, если брать за основу не «анкетные данные» пришедших к власти сторонников Петра, а ту политику, которую они проводили, то придется говорить скорее об ориентации ее на интересы господствующего класса в целом (и, прежде всего, дворянства), чем о претензиях феодальной аристократии как политической доминанты. В этих условиях особое значение приобретает углубленное изучение структуры власти после переворота, уточнение состава «боярской группировки» Нарышкиных, ее места в Боярской думе.

Основой подобного исследования может служить Смотренный список Троицкого похода 1689 г. — перечень служилых людей Государева двора, явившихся по приказу Пет-

ра в Троице-Сергиев монастырь[124]. Смотренный список открывается перечнем думных людей, которым был адресован отдельный указ: «А к боярам и ко всей палате указ был послан, дабы ехали в Троицкой монастырь»[125]. Сопоставление Смотренного списка с данными о боярах и окольничих, находившихся в Москве осенью 1689 г., дает возможность оценить лояльность той или иной группировки феодальной аристократии по отношению к новому правительству, выделить круг приверженцев Петра. Наиболее удобным для такого сопоставления и Боярские списки — «списки членов Государева двора со сведениями об их местонахождении и пригодности к службе»[126]. Для предпринятого исследования был выбран список, составленный в 1688 г. и пополнявшийся до сентября 1689 г., т. е. до самого переворота[127].

Результаты проведенного сопоставления оказались достаточно неожиданными. Вопреки существующим представлениям о «боярской группировке» или даже боярском правительстве Нарышкиных, оказалось, что позиции Нарышкиных в Боярской думе были достаточно непрочными. Из 45 бояр, которые осенью 1689 г. находились в Москве, в Троицу явилось лишь 13[128]. Примечательно, что в числе нетчиков оказались самые влиятельные бояре, руководители Думы и Расправной палаты. Приверженцы Петра, напротив, составляют ярко выраженное меньшинство — как по численности, так и по значению. Их можно условно разделить на три группы. К первой относятся родственники молодого царя — Нарышкины и Лопухины. (К. П. Нарышкин, Л. К. Нарышкин, Ф. А. Лопухин). Сюда же следует отнести и дядек Петра (Т. Н. Стрешнев, кн. Б. А. Голицын). Вторую группу составляют немногочисленные члены Думы, последовавшие за Петром (князья П. И. Прозоровский, И. Б. Троекуров, М. А. Черкасский, а также П. В. Шереметев)[129]. Было бы очень заманчиво представить этих знатнейших приверженцев Петра в виде боярской фронды против правительства регентства и особенно его руководителя — кн. В. В. Голицына[130]. Однако по крайней мере двое из них появились в Троице не по своей воле. Так, И. Б. Троекуров был послан в Троицу Софьей для того, чтоб уговорить Петра вернуться в Москву, с той же целью после этого

отправили в Троицу и дядьку царя Ивана кн. П. И. Прозоровского. Существующее в историографии представление о кн. М. А. Черкасском как об основном противнике В. В. Голицына также должно быть уточнено[131].

Однако наиболее неожиданной для нас оказывается третья группа — М. С. Пушкин, Н. С. и Ф. С. Урусовы, Ф. П. Соковнин. Уже сам состав имен показывает, что это — выходцы из тех самых боярских домов, которые составят в 1697 г. основную опору «заговора Цыклера». В Боярской думе они занимали достаточно скромное место. Только при Борисе Годунове Пушкины получили первый думный чин. Еще менее авторитетными были Соковнины, числившиеся в начале XVII в. лихвинскими и карачевскими детьми боярскими; им удалось возвыситься только благодаря брачным союзам с Морозовыми и Милославскими[132]. Сразу после переворота Пушкины и Соковнины получили награды и назначения, но вскоре им пришлось лишиться своих мест в приказах[133]. Подобное пренебрежение к «старой гвардии» было одной из причин, побудивших их в дальнейшем составить заговор[134]. Необходимо отметить, что яркая и убедительная картина «боярского заговора», направленного против Петра и его реформы, созданная С. М. Соловьевым и дополненная М. М. Богословским и Н. Б. Голиковой, нуждается в уточнениях. Это едва ли не выступление прежних союзников, связанное с переориентацией правительства Петра, не оправдавшего возлагавшихся на него надежд.

Таким образом, члены Думы не явились по указу Петра в Троицу, что свидетельствует о непопулярности нового правительства в среде боярства. Объяснение этому следует искать в практике пожалований в боярство в период регентства. В одном только боярском списке 1688 г. мы находим целый ряд пожалований родственников Софьи и Ивана (С. И. Салтыков, Ю. И. Салтыков, Л. С. Милославский) и приближенных В. В. Голицына (Л. Р. Неплюев)[135]. За это же время из приближенных Петра подобной чести удостоился лишь Ф. А. Лопухин[136]. Несколько иным был характер пожалований в окольничество. Окольничими становятся как родственники патриарха (П. П. Савелов), так и родственники и приближенные Петра (Г. Ф. Нарышкин, Ф. А. Лопухин, И. С. Головкин, П. А. Лопухин, В. А. Лопухин, Д. Н. Стрешнев,

И. И. Нарышкин, П. М. Апраксин)[137]. Однако среди этой прослойки феодальной аристократии были очень сильны позиции безродных сторонников В. В. Голицына — выходцев из приказных и дворян. Поэтому окольничие также достаточно холодно встретили призывы Петра: из 45 окольничих, находившихся в Москве, в Троицу прибыло лишь 18[138].

Проверить, насколько точно Смотренный список отразил ближайшее окружение Петра, помогает сопоставление полученных данных с приказными назначениями за сентябрь 1689 г., изученными М. М. Богословским[139]. Прежде всего были сменены приказные судьи, непосредственно замешанные в заговоре — князья В. В. и А. В. Голицыны, Ф. Л. Шакловитый, В. А. Змеев, С. Ф. Толочанов. Их места перешли к «троицким боярам» Петра. Т. Н. Стрешнев возглавил Разряд, Сыскной приказ и Приказ розыскных дел, П. В. Шереметев — Поместный, а кн. И. Б. Троекуров — Стрелецкий приказ. Кн. П. И. Прозоровский стал судьей приказа Большой казны. Три приказа оказались объединенными под руководством кн. Ф. С. Урусова (Иноземский, Пушкарский, Рейтарский). Не оказались обделенными и окольничие: кн. М. Н. Львов стал судьей Земского, а А. П. Соковнин — Конюшенного приказов[140].

Однако, если смена приказного руководства в сентябре 1689 г. достаточно полно отражена в историографии, то последовавшие за ней перестановки дьяков и подьячих до сих пор остаются неизученными. Только Н. Б. Голикова, изучавшая кружок старца Авраамия, сложившийся в первой половине 90-х гг., высказала предположение о том, что два его участника — подьячие К. Рудеев и Н. Кренев — потеряли свои места в приказах в результате чистки, последовавшей за переворотом 1689 г. «Критикуя приказные порядки и возлагая ответственность за них на царя, Кренев и Рудеев, тесно связанные многолетней службой со старыми, отставленными судьями, являются прямыми проводниками реакционных боярских влияний», — пишет историк[141].

Выводы Н. Б. Голиковой оспорил М. Я. Волков, отметивший, что «неизвестно, производилась ли вообще чистка приказов от сторонников отставленных судей, которая затронула бы подьячих»[142]. Таким образом, из-за недостатка

источников вопрос о характере перемен в приказах после переворота 1689 г. остался нерешенным. На мой взгляд, восполнить этот пробел помогает Записная книга Московского стола Разрядного приказа за 1689/90 гг., содержащая точные сведения о назначениях приказных судей[143]. В сочетании с опубликованными источниками, среди которых, прежде всего, нужно назвать «дворцовые разряды», записная книга позволяет достаточно полно восстановить перемещения дьяков из приказа в приказ.

Данные Записной книги позволяют вполне уверенно разделить перестановки рядового состава приказов на три этапа. Первый из них начался в сентябре 1689 г. и совпал по времени со сменой старого приказного руководства. Уже 12 сентября в Севск вместе с окольничим И. Ю. Леонтьевым послан был дьяк дворцового Судного приказа Петр Тютчев[144]. В тот же день в Чернигов был отправлен дьяк Стрелецкого приказа Иван Негоморский, на место которого тотчас был назначен дьяк Иван Мануйлов, служивший ранее в Поместном[145]. Очевидно, его забрал с собой прежний руководитель Поместного приказа, боярин кн. И. Б. Троекуров, еще 7 сентября сменивший Ф. Л. Шакловитого на посту руководителя Стрелецкого приказа. 14 сентября 1689 г. на место дьяка Федора Ефимьева, посланного в Новобогородицк[146], в Разрядный приказ был назначен Степан Ступин, служивший прежде в Судном Московском приказе[147]. 15 сентября, одновременно с назначением боярина П. В. Шереметева, ведавшего прежде Судный Московский приказ, в Поместный приказ, в последний был назначен дьяк Г. Т. Перекусихин[148]. На его место в Судном дворцовом приказе «велено было быть дьяку Кузьме Карпову»[149]. 26 сентября в Приказ Большого дворца был назначен служивший до этого в Казани дьяк Д. Д. Небогатый[150]. 27 сентября, на место написанного «по Московскому списку» дьяка Стрелецкого приказа Кирилла Алексеева был назначен дьяк Иван Федоров[151]. 6 октября в Судном Московском приказе велено было сидеть дьяку Петру Иванову[152]. Все эти перемещения были продиктованы стремлением избавиться от тех, кто служил прежнему правительству опорой в приказах, а также необходимостью подкрепить авторитет новых руководителей — сторонников Нарышкиных — назначениями опытных приказных «товарищей», на которых долж-

на была лечь основная тяжесть повседневной административной работы.

Однако возможность вплотную заняться чисткой личного состава приказов появилась у Петра и его окружения лишь после возвращения в Москву. На втором этапе перемены коснулись сначала руководства судных приказов. 14 октября во Владимирский Судный приказ, на место уехавшего на воеводство в Курск окольничего кн. П. Л. Львова были назначены окольничий кн. Д. Н. Щербатов и думный дворянин П. И. Потемкин[153]. В тот же день в Московский Судный приказ к окольничему кн. И. С. Хотетовскому был назначен «товарищем» стольник кн. Я. Ф. Долгоруков[154]. Забегая вперед, скажем, что на этом формирование обоих судебных коллегий закончено не было. Ровно через два месяца — 14 декабря 1689 г. кн. И. С. Хотетовский был переведен из Московского во Владимирский Судный приказ[155]. Только с назначением 16 марта 1690 г. стольников П. Беклемишева меньшого и А. Ю. Лутохина «товарищами» соответственно в Московский Судный и Владимирский Судный приказы их состав принял окончательный вид[156].

Следующими, кого затонули перемены, били объединенные приказы Большой казны, Большого прихода и Новой чети, 20 октября два дьяка этого финансового ведомства — Иван Алферьев и Иван Харламов — пополнили приказные избы на Украине. Первый был направлен в Киев, а второй — в Нежин[157]. На их место в тот же день «велено быть» дьяку Василию Федорову, сидевшему ранее в Поместном приказе, «да того ж приказу ис подьячих» Ивану Шапкину[158]. 22 октября к руководителю приказа боярину кн. П. И. Прозоровскому был назначен стольник кн. Т. А. Козловский[159]. В тот же день из Судного Московского приказа был переведен в Поместный дьяк Г. Молчанов[160]. Последнее перемещение было следствием еще сентябрьских назначений: возглавивший после Судного Московского Поместный приказ, боярин П. В. Шереметев забрал с собой и «своего» дьяка. 1 ноября в Приказе Большого дворца «велено быть» дьяку «того же приказу ис подьячих» Н. Клементьеву[161].

Последние отзвуки переворота находим в назначениях начала 1690 г., ознаменовавших третий этап приказных перестановок. 10 января 1690 г. у разрядного дьяка Еремея

Полянского был «по памяти из Стрелецкого приказу чин за вину отнят и велено жить в деревне»[162]. На следующий день в Разряд был назначен дьяк Иван Уланов, служивший прежде в Приказе розыскных дел[163]. В тот же день — 11 января — дьяк Посольского приказа Прокофий Возницын был пожалован в думные дьяки и вошел в состав реорганизованной после переворота 1689 г. Расправной палаты[164].

Подводя итоги переменам в приказах, произведенным Нарышкиными за первые четыре месяца их правления, нельзя не признать их целенаправленными и глубокими. Они затронули практически весь рядовой состав приказов. Дьяки, в силу тех или иных причин оказавшиеся неугодными новому правительству, били разосланы по городам, оставшиеся же в Москве переставлялись с места на место в угоду своему новому руководству. Все это было отнюдь не в интересах основной массы приказных людей. Но, возможно, что-то выиграла в результате приказная верхушка, помогавшая на первых порах Нарышкиным?

Однако и здесь результаты оказываются неутешительными. Даже думный дьяк Е. И. Украинцев, оставшийся после переворота фактически единоличным руководителем Посольского приказа, должен был признать формальное руководство боярина Л. К. Нарышкина — дяди царя. Думный дьяк В. Г. Семенов, бывший до переворота главой Разрядного приказа, занял второе место при боярине Т. Н. Стрешневе. Вот в каких выражениях писал старый приказный делец своему новому руководителю, которого даже близкий Нарышкиным кн. Б. И. Куракин презрительно называет «интригантом дворовым»: «Тихон Микитичь, государь, многолетно здравствуй!.. А я по милости твоей государя моего побреду к себе в деревнишку сентября 24-го числа для празнества великому чюдотворцу Сергию, а к Москве прибреду сего ж месяца 27-е число, естьли восхощет Господь Бог живу быть. При сем тебе государю моему, работник твой Васька Семенов челом бьет, не забудь меня сирого в милости своей...»[165]

Таким образом, в ходе переворота 1689 г. проявилась двойственная роль приказной бюрократии. Приказное руководство имело широкие возможности влиять на исход политической борьбы, но эти возможности так и не были реализованы до конца. Сказалась, прежде всего, незрелость

корпоративного самосознания приказной бюрократии, оказавшейся разделенной между двумя противоборствующими придворными группировками. В результате ряд прежних руководителей приказов сошел с политической сцены, оставшиеся же вынуждены были разделить власть с приближенными Петра, утвердившимися в приказах.

Мало дал переворот 1689 г. и боярской аристократии в целом. Приверженцы Петра, находящиеся в меньшинстве в Боярской думе, сосредоточили в своих руках управление приказами и образовали внутри нее подобие будущей «консилии министров». Это вело к падению роли самой Боярской думы, яркую зарисовку которого дал кн. Б. И. Куракин. Согласно мемуаристу, вся власть оказалась в руках Т. Н. Стрешнева, кн. Б. А. Голицына и Л. К. Нарышкина, «протчие же бояре первых домов были отчасти судьями и воеводами, однако-ж без всякого повоире [от франц. pouvoir, власть — *А. Л.*] в консилии или в палате токмо были спектакулеми [зрителями — *А. Л.*]». Именно с деятельностью правительства Л. К. Нарышкина Куракин связывает «начало падения первых фамилей» (то есть боярских родов), в котором повинны как советники Петра, происходившие из «самаго низкаго и убогаго шляхетства», так и сам царь, стремившийся упрочить свою власть[166].

Дворцовый переворот 1689 г. явился для служилого общества выражением торжества феодальной законности: лишенная правовой основы, опека правительницы была устранена. В «Речи Ивана Грозного 1550 года» политическом памфлете, созданном вскоре после переворота, ярко выражена надежда на прекращение боярских междоусобиц, общественное примирение[167]. Если содержанием переворота было фактическое установление единодержавия Петра (при формальном соправительстве с братом Иваном), то его форма — быстрая и бескровная смена власти — еще раз показала падение роли Боярской думы и «служилого города», утративших контроль над придворной борьбой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на продолжавшуюся консолидацию сословных слоев и групп класса служилых землевладельцев, в 80-е гг. XVII в. между ними сохранялись существенные различия, в том числе и в политических позициях. Ведущую роль здесь играла Боярская дума, являвшаяся одновременно высшим феодальным сословным органом и основным звеном государственного аппарата. Победив в 1682 г. служилую фронду, возглавленную князьями Хованскими, Боярская дума как никогда укрепила свои позиции. Это выразилось, прежде всего, в деятельности думной комиссии, возглавленной боярином М. П. Голицыным — чрезвычайного органа, сосредоточившего в своих руках все нити управления столицей, еще незадолго до того охваченной восстанием. Большую роль в подавлении последнего сыграло дворянское ополчение, собравшееся в Троице. По сути дела, оно в последний раз сыграло важную роль в политической борьбе в верхах Русского государства. Взаимодействие двух этих факторов — политической активности дворянского войска и властолюбивых притязаний Думы — придало качественно новый характер высшей власти в Русском государстве. Два самодержца-соправителя были дополнены сосредоточившей в своих руках фактическую власть правительницы-регентши Софьей Алексеевной.

То, что регентские полномочия стали достоянием одного лица, принадлежащего к царствующему дому, а не особого регентского совета, выделенного из состава Боярской думы, наложило особый отпечаток на 1682—1689 гг. в истории Думы. По сути дела, это было последним в русской истории думным правлением, когда Боярская дума не была ограничена сверху сильной монархической властью. Это отразилось и на активной деятельности думных комиссий, для которых этот период стал временем расцвета. В деятельности некоторых из них —

например Расправной палаты — можно видеть попытку преодолеть несовершенство приказной системы сверху, придавая Думе роль координатора деятельности различных приказных ведомств. В то же время в своей политике правительство регентства прислушивалось и к чаяниям основной массы класса служилых землевладельцев — городовых дворян и детей боярских. Пожелания, выраженные в их коллективных челобитных, легли в основу правительственной политики по земельному и крестьянскому вопросу. Высшей точкой в сотрудничестве государственной власти и служилой массы стал земский собор 1683—84 гг., созванный для решения вопроса о Вечном мире с Речью Посполитой. Дипломатическая неудача привела к тому, что собору не пришлось высказаться по главному вопросу. Единственным пожеланием дворянских «выборных» стала коллективная петиция с просьбой о самороспуске, поданная знатнейшим боярам. Таков был бесславный конец соборной традиции: земский собор 1683—84 гг. стал последним в русской истории на котором присутствовали представители провинциального дворянства.

Ослабление сословной активности дворянства ярко проявилось и в событиях 1689 г. если дворянское войско не откликнулось на призывы Петра и не явилось в Троицу, то Боярская дума, не примкнувшая ни к одной из противоборствующих сторон, не смогла повлиять на исход переворота. Переворот 1689 г. показал падение роли традиционных для Русского государства институтов власти. Практически, смена власти была произведена под нажимом стрелецкого гарнизона, сопровождавшимся переходом на сторону Петра «московских чинов» — столичного дворянства. Переворот 1689 г. явился логическим итогом политической борьбы в 1682—1689 гг., когда самодержавие зачастую оказывалось игрушкой в руках придворных группировок, в то время, как основная часть господствующего класса теряла возможность влиять на исход борьбы за власть в верхах. В этом сказалась одна из важных сторон складывавшегося в это время российского абсолютизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

К введению

1 *Шафиров П.* Разсуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый... к начатию войны против короля Карола XII Шведского 1700 году имел... СПб., 1717; *Феофан Прокопович.* История императора Петра Великого. 2-е изд. М., 1788; Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841.

2 Характерно, что исторические труды, проникнутые иными тенденциями, не повлияли на русскую историческую мысль «осьмнадцатого столетия». Так, полемически заостренное против петровских реформ «О повреждении нравов в России» кн. М. М. Щербатова было опубликовано только в середине прошлого времени, а «Царство царя Федора Алексеевича» В. Н. Татищева, отразившая взгляды допетровских реформаторов, и, прежде всего, А. Т. Лихачева, увидела свет лишь в наши дни.

3 *Ломоносов М. В.* Описание стрелецких бунтов в правление царевны Софьи // Собр. соч. М.; Л., 1952. Т. VI. С. 97—161; *Сумароков А. П.* Первый и главный стрелецкий бунт, бывший в Москве в 1682 г. в месяце майи. Второй стрелецкий бунт // Полное собрание всех сочинений. М., 1781. Ч. VI. С. 181—230; *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Ч. I. М., 1788; История соцарствия в России с 1682 по 1689 год. СПб., 1837; *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. I. Господство царевны Софьи. Т. II. Кожуховские и Азовские походы. СПб., 1858.

4 *Добролюбов Н. А.* Первые годы царствования Петра Великого (*Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858) // Первое полное собрание сочинений Н. А. Добролюбова. Т. 2 (1858—1859). СПб., 1912. С. 1—144.

5 *Соловьев С. М.* Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. С. 38.

6 *Погодин М. П.* Кто первый в России имел мысль освобождения крестьян с земельным наделом // Складчина. СПб., 1874. С. 143—158.

7 *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. VII (Т. 13—14). М., 1962 (первые издания вышли соответственно

в 1863 и 1864); *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. 5-е изд. Пг., 1919 (впервые опубликовано в 1882 г.).

8 *Погодин М. П.* Семнадцать первых лет в жизни Петра Великого. М., 1875; *Белов Е. А.* Московские смуты в конце XVII века // ЖМНП. 1887. Ч. CCXLIX. № 1. С. 99—145; № 2. С. 319—365; *Шмурло Е. Ф.* Падение царевны Софьи // ЖМНП. 1896. Ч. СССIII. № 1. С. 38—95; *Лермонтова Е. Д.* Самодержавие царевны Софьи по неизданным документам // Русская старина. 1912. Т. 148. № 2. С. 425—445; Т. 149. № 3. С. 539—547.

9 *Аристов Н. Я.* Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871. Диссертация Н. Я. Аристова была до этого опубликована по главам: *Аристов Н. Я.* Обзор сочинений, касающихся правления Софьи Алексеевны // Варшавские университетские известия. 1871. № 1. С. 1—57, I—IX; *он же.* Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны // Там же. 1871. № 2. С. 57—116, I—XXV; *он же.* Московские смуты в правление царевны Софии (О бунте Шакловитого) // Там же. № 3. С. I—XV, 117—158.

10 *Белов Е. А.* Рец.: Аристов Н. Я. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны // РНБ. Ф. 56 (Белов Е. А.). № 34. Л. 1—6.

11 *Штраух А. Н.* Стрелецкий бунт 1682 г. // Научные труды индустриально-педагогического института имени К. Либкнехта. Серия социально-экономическая. Вып. 1. М., 1928. С. 11—55; *Томсинский С.* «Петровские» реформы (Борьба классов накануне реформ) // Историк-марксист. 1933. № 4 (32). С. 53—80.

12 *Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. I. [М.], 1940; *Никольский В. К.* «Боярская попытка» 1681 г. // Исторические известия, издаваемые Историческим обществом при Московском университете. М., 1917. Вып. II. С. 57—87; *он же.* Земский собор о Вечном мире с Польшей 1683—84 гг. // Научные труды индустриально-педагогического института имени К. Либкнехта. Серия социально-экономическая. Вып. 2. 1928. С. 1—175; *Богоявленский С. К.* Хованщина // ИЗ. Т. 10. [М.], 1941. С. 180—221.

13 *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1968. Выводы автора оспорил Н. И. Павленко, отметивший роль придворной борьбы в событиях 1682 г. (*Павленко Н. И.* Об оценке стрелецкого восстания 1682 г. (По поводу монографии В. И. Буганова «Московские восстания конца XVII в.») // ИСССР. 1971. № 3. С. 77—94; *Буганов В. И.* Об оценке московского восстания 1682 г. (По поводу рецензии Н. И. Павленко) // ИСССР. 1973. № 2. С. 236—244).

[14] *Богданов А. П.* Летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII века. Диссертация... кандидата исторических наук. М., 1983.

[15] *Кошелева О. Е.* Боярство в начальный период зарождения абсолютизма в России (1645—1682 гг.). Диссертация... кандидата исторических наук. М., 1987.

[16] *Айрапетян И. Ю.* Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. Диссертация... кандидата исторических наук. М., 1988.

[17] *Crummey R. O.* Aristocrats and servitors. The Boyar Elite in Russia. 1613—1689. Princeton, 1983. P. 86, 103. Попытку восстановить в правах придворную группировку как субъект политической борьбы предпринял недавно Пол Бушкович (*Bushkovitch Paul.* Aristocratic Faction and the Opposition to Peter the Great: The 1690's // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 50. Berlin, 1995. S. 83-87).

[18] *Hughes Lindsey.* Sophia, Regent of Russia, 1657—1704. New Haven and London, 1990.

[19] *Востоков А. А.* Боярские книги как материал для истории высшего русского служилого сословия // Материалы для истории русского дворянства. Вып. 3. СПб., 1886. С. 26—48; *Лукичев М. П.* Боярские книги XVII века как исторический источник. Диссертация... кандидата исторических наук. М., 1984.

[20] *Чернов А. В.* ЦГАДА как источник по военной истории Русского государства до XVIII в. // Труды МГИАИ. Т. 4. 1948. С. 137.

[21] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Смотренные списки. № 67, 70.

[22] РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 3 (Новгородский приказ).

[23] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола.

[24] См., например, Записную книгу Стрелецкого приказа 1689/90 г. (Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Владимирское отделение. № 5636/513).

[25] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. I—IV. СПб., 1883—1894.

[26] ГИМ ОПИ. Ф. 167 (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках); РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола; Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 249 (Московские акты). № 92. Л. 1—19.

[27] РГБ. Ф. 205 (ОИДР). № 419. Ср.: *Лавров А. С.* «Летописец» Кариона Истомина // ТОДРЛ. Т. 45. СПб., 1992. С. 411—413.

[28] Любопытные и новые известия о Московии 1689 г. де ла Невилля // Русский вестник. 1841. Т. 3. № 9. С. 596—614;

Т. 4. № 10. С. 95—157; Записки де ла Невилля о Московии 1689 г. // Русская старина. 1891. Т. 71. № 9. С. 419—450; Т. 72. № 11. С. 241—281.

29 Hannover. Niedersächsische Landesbibliothek. Handschriftenabteilung. Ms. XXXIII. No. 1750 (Ганноверский I список); Ms. XXXIII. No. 1750a (Ганноверский 2 список); *Neuville, de la*. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. P., 1698 (первое издание); Bibliothèque Nationale (Paris). Département des manuscrits. Nouv. acq. fr. No. 5114 (Парижский список).

К главе первой

1 *Богоявленский С. К.* Хованщина // ИЗ. Т. 10. [М.], 1941. С. 188.

2 Сильвестра Медведева Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве. Подг. А. А. Прозоровский // ЧОИДР. 1894. Кн. 4 (171). Отд. II. С. 100—105 (далее — Созерцание краткое).

3 Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников // Старина и новизна. Кн. X. М., 1905. № 55. С. 346—347.

4 *Барсов Е. В.* Древне-русские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами // ЧОИДР. 1883. Кн. 1. Отд. I. (Материалы исторические). С. 91—97; см. также: *Богоявленский С. К.* Хованщина. С. 209.

5 Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях императора Петра Великого. Изд. Ф. Туманский. Ч. 7. СПб., 1787. С. 86.

6 *Хитрово В. М.* Родословная книга рода Хитрово. СПб., 1866. С. 69—71. Однако уже 8 ноября 1679 г. ему вместе со стольником В. Я. Хитрово «сказано» было в Новгородский разряд в товарищи к воеводе кн. И. А. Хованскому (Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников // Старина и новизна. Кн. X. М., 1905. С. 343).

7 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. Стб. 639. Л. 102—103.

8 Там же. Л. 103.

9 *Селезнева И. А.* Российский государственный деятель XVII в. Б. М. Хитрово // ВИ. 1987. № 1. С. 79.

10 Записи Разрядного приказа. 1682 г. августа 20 — октября 3 // Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. М., 1976. № 63. С. 79.

[11] Записи Разрядного приказа за 27 апреля - 25 октября 1682 г. // Восстание в Москве. № 204. С. 264.

[12] *Долгоруков П.* Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. С. 280. См. также: Акты Русского государства. 1505—1526 гг. Сост. С. Б. Веселовский. М., 1975. С. 375.

[13] Книга дядькам и мамам и боярыням верховым и стольникам царевичевым // Временник МОИДР. Кн. IX. М., 1851. С. 46.

[14] ПСЗ. Т. I. СПб., [1830]. № 170. С. 358—360; *Богоявленский С. К.* Хованщина // ИЗ. Т. 10. [М.], 1941. С. 209.

[15] *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 3-е. СПб., 1884. С. 25. С. К. Богоявленский называет третьего пожалованного в бояре по случаю венчания на царство Ивана и Петра Алексеевичей (25 июня 1682 г.), — М. Б. Милославского — «человеком неродословным» (*Богоявленский С. К.* Хованщина. С. 209). И это неточно, поскольку, согласно тому же свидетельству Г. К. Котошихина, Милославские, как и Плещеевы, жаловались сразу окольничеством, минуя думное дворянство.

[16] Восстание в Москве. № 204. С. 264.

[17] Частная переписка князя Петра Ибановича Хованского, его семьи и родственников. Пред. Г. Лукьянова // Старина и новизна. Кн. X. М., 1905. № 83. С. 367. В письме указано только число и месяц. Утвердительно говорить о 1682 г. как годе написания письма позволяет то обстоятельство, что на том же февральском заседании Думы присутствовал и стольник Василий Тяпкин, недавнее «посланничество» которого в Крым вызвало спор. Василий Тяпкин и дьяк Никита Зотов вернулись в Москву 25 декабря 1681 г. (*Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. II. М., 1946. С. 166).

[18] *Crummey R. O.* Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia. 1613—1689. Princeton, 1983. P. 200.

[19] Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского. № 83. С. 367.

[20] Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского. № 84. С. 368. В этом письме также указано лишь число и месяц. «Зиму-сь» (или «летось») означало «прошлой зимой» (или «прошлым летом»). В данном случае речь идет о событиях прошлой зимы, т. е. зимы 1681/82 г.

[21] Смутное время // Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VII. Т. 13—14. М.; Л., 1962. С. 335.

[22] Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского. № 85. С. 370.

[23] Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского. № 84. С. 368.

[24] О нем см.: *Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В.* Пушкины. Родословная роспись. Л., 1932. С. 33.

[25] Восстание в Москве. № 204. С. 265; Смутное время. С. 338.

[26] *Долгоруков П.* Российская родословная книга. Ч. 1. СПб., 1854. С. 281.

[27] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 125—126.

[28] *Crummey R. O.* Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia. Princeton, 1983. P. 204.

[29] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 125—126.

[30] *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 233.

[31] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 126.

[32] Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Изд. Ф. Туманский. Ч. 5. СПб., 1787. С. 231—240; СГГД. М., 1828. Т. IV. № 132. С. 459—463; ПСЗ. Т. II. (1676—1688 гг.). [СПб.], 1830. № 954. С. 464—467; Созерцание краткое. С. 106—111; Восстание в Москве. № 86. С. 130—133.

[33] *Churchill W. A.* Watermarks in paper in Holland, England, France etc., in the XVII and XVIII centuries and their interconnections. Amsterdam, 1935. № 22 (1686 г.). Герб Амстердама и литеры PLEM в рамке, вид.

[34] Обе родословные росписи относятся к 1685—1686 гг. См.: *Лавров А. С.* Две родословные росписи князей Хованских // Средневековая Русь. СПб., 1995. С. 70—76.

[35] Двор находился в Коломенском с 20 августа по 2 сентября.

[36] Созерцание краткое. С. 109—110.

[37] РГБ. Ф. 416. Карт. 5. № 5. Л. 18, 24.

[38] РГБ. Ф. 416. Карт. 5. № 5. Л. 5; ср.: Созерцание краткое. С. 109.

[39] «Изветное письмо» не раз публиковалось по тексту, включенному в состав «Созерцания краткого...» (Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя Петра Великого. Изд. Ф. Туманский. Ч. 6. СПб., 1787. С. 98—100; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Т. IV. СПб., 1836. № 258. С. 368—369; Созерцание краткое. С. 98—99; Восстание в Москве. № 67. С. 110—111). В основу двух публикаций был положен текст «Изветного письма», приложенный к царской грамоте в московские слободы от 21 сентября 1682 г. и включенный вместе с ней в состав пространной редакции «Записок» И. А. Желябужского (Записки Желябужского с 1682 г. по 2 июля 1709. СПб., 1840. С. 10—13; Дневные записки И. А. Желябужского (время Федора Алексеевича и Петра Ве-

ликого). С предисловием и примечаниями Д. И. Языкова // Русский архив. 1910. Кн. 3. № 9. С. 11—12). Наконец, в рукописи РГБ «Изветное письмо» включено в состав «Смертного приговора» (РГБ. Ф. 416. Карт. 5. № 5. Л. 24, 3, 21, 11, 10).

40 Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Изд. Ф. Туманский. Ч. 5. СПб., 1787. С. 239; СГГД. М., 1828. Т. IV. № 152. С. 462; ПСЗ. Т. II (1676—1688 гг.). [СПб.], 1830. № 954. С. 467; Созерцание краткое. С. 110; Восстание в Москве. № 86. С. 133; РГБ. Ф. 416. Карт. 5. № 5. Л. 24.

41 Смутное время // Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VII (Т. 13—14). М., 1962. С. 336—337.

42 *Аристов Н. Я.* Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871. С. XXVIII—XXIX.

43 Восстание в Москве. № 102. С. 149—150.

44 *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 266. Прим. 346.

45 Смутное время. С. 336.

46 РГБ. Ф. 416. Карт. 5. № 5. Л. 24; ср.: Созерцание краткое. С. 110.

47 РГБ. Ф. 416. Карт. 5. № 5. Л. 3, 21.

48 Смутное время. С. 336. Нетрудно заметить, что в «Смутном времени» перечислены не только боярские роды (как в «Изветном письме»), но и сами бояре, которым грозила опасность. Эта «расшифровка» «Изветного письма» тем более интересна, поскольку она была предпринята по свежим следам описываемых событий. Обращение к рукописи «Смутного времени» подтверждает подлинный характер этой даты (РГАДА. Ф. 156 (Исторические и церемониальные дела). Оп. 1. № 147. Л. 37—50об.). Записи велись день за днем, одним и тем же почерком, так что в миниатюрной приказной тетради просто не оставалось места для позднейшей приписки.

49 Архив СПбФ ИРИ РАН. Колл. 249 (Московские акты). № 76. Л. 1—4; Восстание в Москве. № 102. Л. 149.

50 Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. СПб., 1840. С. 7; Дневные записки И. А. Желябужского (время Федора Алексеевича и Петра Великого) // Русский архив. 1910. Кн. 3. № 9. С. 10.

51 ГИМ ОПИ. Ф. 450 (Барсов Е. В.). № 91. Л. 25—28.

52 Созерцание краткое. С. 98.

53 Там же. С. 99.

54 Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. СПб., 1840 С. 13; Дневные записки И. А. Желябужского (время Федора Алексеевича и Петра Великого) // Русский архив. 1910. Кн. 3. № 9. С. 12; Архив СПбФ ИРИ РАН. Колл. 249 (Мос-

ковские акты). № 76. Л. 4; ГИМ ОПИ. Ф. 450 (Барсов Е. В.). № 91. Л. 28.

55 Созерцание краткое. С. 99.

56 РГБ. Ф. 416. Карт. 5. № 5. Л. 10; ср.: Созерцание краткое. С. 99.

57 *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. I. Господство царевны Софьи. СПб., 1858. С. 80; *Погодин М. П.* Семнадцать первых лет царствования Петра Великого. М., 1875. Исследования. С. 139—140; *Штраух А. Н.* Стрелецкий бунт 1682 г. // Научные труды Индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта. Соц.-эконом. серия. Вып. 1. М., 1928. С. 44—46; *Богоявленский С. К.* Хованщина // ИЗ. Т. 10. [М.], 1941. С. 216.

58 *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 287.

59 *Возгрин В. Е.* Источники по русско-скандинавским отношениям XVI—XVIII веков // Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве ЛОИИ СССР. Археографический сборник. Л., 1982. С. 153.

60 *Де ла Невилль.* Записки о Московии. М.; Долгопрудный, 1996. С. 135 (далее — *Де ла Невилль.* Записки о Московии).

61 На это обратил внимание еще М. П. Погодин (Семнадцать первых лет царствования Петра Великого. М., 1875. Исследования. С. 77).

62 *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 273.

63 Неожиданное подтверждение сообщению Невилля нашлось в списке самого «извета», приложенном к царской грамоте в московские слободы из Отдела письменных источников ГИМ. Интересующее нас место читается в ней следующим образом: «...а на одной бы царевне, Катерине Алексеевне, женитца» (ГИМ ОПИ. Ф. 450 (Барсов Е. В.). № 91. Л. 27). Было бы заманчиво увидеть в этой записи новое подтверждение уникальному свидетельству Невилля, которое, к тому же, не противоречит «Изветному письму». Однако, судя по всему, мы имеем дело с интерполяцией. Во-первых, вся фраза носит искусственный характер; совершенно непонятно, зачем нужно местоимение «одна», когда царевна точно названа по имени. Во-вторых, само имя названо в сокращенной форме, которая никогда не употреблялась в официальных документах («Катерина Алексеевна» вместо «Екатерины Алексеевны»). Наконец, и это самое главное, ни в остальных списках загадочная «одна царевна» не упомянута по имени. Очевидно, переписчик под влиянием каких-то слухов дополнил текст «Изветного письма».

64 Мазуринский летописец // ПСРЛ. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968. С. 178. Дневник зверского избиения московских бояр в 1682 году и избрания двух царей Пе-

тра и Иоанна // Старина и новизна. Кн. IV. СПб., 1901. С. 404—405.

65 Дневник зверского избиения. С. 405.

66 *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. Т. 1. Князья Черниговские. Ч. 3. СПб., 1907. С. 234. Княгиня Анна Семеновна Хованская надолго пережила своего мужа; еще в 1690 г. она продала свою часть поместья троюродному брату кн. Ю. Ф. Щербатову (*Савелов Л. М.* Князья Щербатовы по Белоозеру в XVII веке // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 4. СПб., 1911. С. 54, 58).

67 Восстание в Москве. № 63. С. 80.

68 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 288—289.

69 Отписка боярина кн. И. А. Хованского с товарищами великим государям. 1682 г., сентября 9 // РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 71—73.

70 14 сентября боярин кн. П. И. Хованский сообщил в отписке царям о принятых им мерах: «А я холоп ваш на вашу в. г. службу к походу во всякой готовности и писал из Курска... к гетману к Ивану Самойловичу, и в Переяславль к стольнику и воеводе ко князю Ивану большому Белосельскому и в ыные места с нарочными посылщики... а в Севеск к думному дворянину и воеводе к товарыщу своему к Леонтью Романовичу Неплюеву и Белгороцкого полку во все городы к воеводам и к приказным людем писал же, чтоб они вашим в. г. ратным всяких чинов людем к службе и к походу велели быть потому ж во всякой воинской, и никуды из домов своих не розъезжались...» (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 288—290). Отписка не является автографом Хованского; она написана тем же почерком, что и его же отписка карачевскому воеводе П. И. Караулову (РГАДА. Ф. 196 (Собрание Ф. Ф. Мазурина). Оп. 3. № 441. Л. 1—4. 1682 г. июня).

71 Созерцание краткое. С. 109.

72 Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна // Старина и новизна. Кн. IV. СПб., 1901. С. 405. Интересно, что в то же время Голицын выступил с противоположным планом. Принимая в лагере у Троицы датского дипломата Хильдебрандта Горна он прямо поставил перед ним вопрос о военном союзе, спросив: «Когда пойдем вместе на шведов?» (*Возгрин В. Е.* Источники по русско-скандинавским отношениям XVI—XVIII веков // Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве ЛОИИ СССР. Археографический сборник. Л., 1982. С. 154).

73 Восстание в Москве. № 68. С. 112—113. № 71. С. 118.

74 Созерцание краткое. С. 109.

75 Созерцание краткое. С. 100. Грамота сохранилась только в составе «Созерцания краткого...». Точная дата не указана. Поскольку грамота написана «в Савине монастыре Сторожевскаго», то она датируется обычно по пребыванию двора в монастыре, 6—10 сентября.
76 Созерцание краткое. С. 100—105.
77 *Погодин М. П.* Семнадцать первых лет царствования императора Петра Великого. М., 1875. С. 85.
78 *Богоявленский С. К.* Хованщина // ИЗ. Т. 10. [М.], 1941. С. 216; *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 268.
79 Восстание в Москве. С. 298—299. Прим. к документу № 69.
80 Восстание в Москве 1682 г. № 73. С. 119—120.
81 *Де ла Невилль.* Записки о Московии. С. 160. В переводе А. И. Браудо Хованский назван «непримиримым врагом» (?) В. В. Голицына, что несколько искажает смысл (Записки де ла Невилля о Московии // Русская старина. Т. XXII. Ноябрь. С. 260).
82 *Шереметев П. С.* О князьях Хованских // Летописи Историко-родословного общества в Москве. Вып. 1—2 (13—14). 1908. С. 47.
83 *Шереметев П. С.* О князьях Хованских. С. 72.
84 Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников // Старина и новизна. Кн. X. М., 1905. С. 354.
85 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 519. Л. 219; ср.: Там же. Л. 4—5, 36, 39, 126.
86 Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского. С. 369.
87 Мазуринский летописец // ПСРЛ. Т. 31 (Летописцы последней четверти XVII в.). М., 1968. С. 177.
88 Narratio rerum, quae post obtium Alexii Mikalowicz, Russorum Imperatoris etc. gestae sunt Mosquae XI Kal. Octob. an. MDCLXXXII s. v. missa ex urbe Mosqua ad Archiepiscopum Corinthi Franciscum Martelli Florentinum, Nuntium Apostolicum apud Ioannem III, Regem Poloniae, reperta, ex autographo ad verbum scripta, et in lucem edita a Sebastiano Ciampi. Florentiae, 1829. P. 14. М. П. Погодин, который перевел донесение на русский язык, не смог отождествить nepos Rermeti с Боярином Петром Васильевичем Шереметевым Большим, и оставил искаженное имя воеводы без перевода (Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича, посланное из Москвы к Архиепископу Коринфскому Франциску Мартелли, Флорентийцу, Нунцию Апостольскому при Иоанне III, короле Польском, найденное, переписанное с подлинника и изданное Севастьяном Чьямпи. Сообщ. М. П. Погодин // ЖМНП. 1835. Январь. Ч. 5. Отд. II. С. 81).

[89] Поскольку эта отписка не публиковалась и не упоминалась в печатных трудах, есть смысл привести ее полностью. «Государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, в. В. и М. Б. Р. с. холоп ваш Ивашко Хованской с товарыщи челом бьют. В нынешнем во 191-м году сентября в 13 день писал к вам в. г. ц. и в. кн. Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, в. В. и М. и Б. Р. с. боярин и воевода Петр Васильевичь Шереметев: августа в 17 день по вашему в. г. указу прислан к нему боярину и воеводе с вашею в. г. милостью стольник князь Михайло Кропоткин, и вашу в. г. милость ему боярину и воеводе и полку ево ратным людем сказал и ис полку он князь Михайло к Москве к вам в. г. к Москве отпущен августа в 19 день. А с вашими де в. г. обнадеживальными грамотами, которые присланы с Москвы к ним к башкирцом и к татаром и к чюваше послал он боярин и воевода казанцов дворян того ж числа и ево князя Михайла отпустили к вам в. г. ц. и в. кн. Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю в. В. и М. и Б. Р. с.» (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 239. Подлинник). Грамотка не является автографом кн. И. А. Хованского и не подписана им. На обороте лаконичная помета о докладе царям («Чтено») и адрес.

[90] Созерцание краткое. С. 104.

[91] РГБ. Ф. 416. Карт. 5. № 5. Л. 19, 4; ср.: Созерцание краткое. С. 109.

[92] Восстание в Москве. № 83. С. 128; № 84. С. 128—129; № 63. С. 83—84.

[93] Мазуринский летописец. С. 178.

[94] Восстание в Москве. № 63. С. 85. Видимо, именно участие последних в захвате Хованских вызвало ответные меры со стороны восставших стрельцов. В Москве в Приказе надворной пехоты и в съезжих избах были посажени на караул «боярина нашего князя Михаила Ивановича Лыкова люди» (Там же. № 106. С. 134).

[95] Мазуринский летописец. С. 178; Восстание в Москве. № 63. С. 86.

[96] РГБ. Ф. 415. Карт. 5. № 5. Л. 8, 16, 22, 6, 17; ср.: Созерцание краткое. С. 106—108.

[97] Созерцание краткое. С. 110.

[98] РГБ. Ф. 416. Карт. 5. Ед. 5. Л. 10, 12, 9.

[99] Созерцание краткое. С. 98.

[100] Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841. Записки А. А. Матвеева. С. 45.

[101] *Де ла Невилль.* Записки о Московии. С. 135.

[102] Мазуринский летописец. С. 178; Восстание в Москве. № 63. С. 86.

[103] Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна // Старина и но-

визна. Кн. IV. СПб., 1901. С. 405. Последнее сообщение представляется куда более достоверным, нежели свидетельства П. Н. Крекшина о казни 37 (!) выборных стрельцов, приведенное В. И. Бугановым (Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841. Записки П. Н. Крекшина. С. 47; *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 278).

[104] *Шереметев П. С.* О князьях Хованских // Летописи Историко-родословного общества в Москве. Вып. 1—2 (13—14). 1908. С. 88—89.

[105] Мазуринский летописец // ПСРЛ. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968. С. 178.

[106] Об этом свидетельствует грамота иноземным и новокрещеным начальным людям, посланная 18 сентября 1682 г. из Воздвиженского (Восстание в Москве. № 93. С. 138).

[107] Мазуринский летописец // ПСРЛ. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968. С. 178—179.

[108] Восстание в Москве. № 100, 101. С. 148—149; Князья Хованские. Сообщ. В. А. Капустин // ЧОИДР. 1909. Кн. IV (231). Смесь. С. 15—16.

[109] Восстание в Москве. № 128. С. 173; № 133. С. 177.

[110] Родословная книга князей и дворян российских. М., 1787. Ч. 1. С. 35.

[111] Восстание в Москве. № 139. С. 182. См. описание сцены отправки домочадцев Хованских из Москвы в ссылку в Мазуринском летописце (ПСРЛ. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968. С. 179).

[112] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 636. Л. 38—39.

[113] Восстание в Москве. № 131. С. 175—176.

[114] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 192. Конец грамоты позволил датировать ее отпуск (черновик) 2 октября, тогда как в публикации она отнесена к «концу сентября—октября» (Восстание в Москве. С. 175).

[115] Это объяснение, конечно, является не более чем предположительным. Возможна и другая версия: дочь Семена Андреевича, Наталья Семеновна, была замужем за князем Борисом Ивановичем Прозоровским, братом «дядьки» царя Ивана — боярина Петра Ивановича Прозоровского («Духовное изустное письмо» боярыни кн. Анны Васильевны Хованской, вдовы князя Семена Андреевича. 1699. февраля 12 // Архив СПбФ ИРИ РАН. Колл. 238 (Лихачев Н. П.). Оп. 2. Карт. 176. № 28. Л. 1, 5; Книга дядькам и боярыням верховным и стольникам царевичевым // Временник МОИДР. Кн. IX. М., 1851. С. 46).

[116] Восстание в Москве. № 144. С. 185.

[117] Г. Лукьянов, впервые введший в научный оборот наказ З. З. Кишкину, а вслед за ним и П. Шереметев ошибочно отнесли этот документ к боярину кн. П. И. Хованскому большому (Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников // Старина и новизна. Кн. X. М., 1905. С. 293; *Шереметев П.* О князьях Хованских // Летописи Историко-родословного общества в Москве. 1908. Вып. 1—2 (13—14). С. 91).

[118] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 669. Л. 7—11, 25—26.

[119] РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 6. 1683 г. № 10. Л. 1.

[120] РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 3. № 1729. Л. 1—11; № 1821. Л. 45—58; № 1823. Л. 29; № 1831. Л. 74—77, 90—97, 151—152.

[121] РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 3. № 1729. Л. 1—2.

[122] РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 3. № 1821. Л. 47—47об.

[123] Челобитная кн. П. И. Хованского царям. Подлинник, автограф. Не позднее 8 марта (датирована по помете) // РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 3. № 1821. Л. 47—47об.

[124] РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 3. № 1823. Л. 29.

[125] Челобитная кн. П. И. Хованского царям. Подлинник, автограф. Не позднее 30 апреля 1683 г. (датирована по помете) // РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 3. № 1821. Л. 58—58об.

[126] РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 3. № 1821. Л. 55.

[127] Челобитная кн. П. И. Хованского царям. Подлинник, автограф. Не позднее 14 июля 1683 г. (датирована по помете) // РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 3. № 1821. Л. 46—46об.

[128] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 1210. Л. 15—16, 20—35.

[129] Там же. Л. 53—61.

[130] Князья Хованские. Сообщ. В. А. Капустин // ЧОИДР. 1909. Кн. IV (231). Смесь. С. 16.

[131] Там же. С. 17.

[132] Дворцовые разряды. Т. IV. СПб., 1855. Стб. 532, 536.

[133] Восстание в Москве. № 87. С. 134.

[134] Кн. Ф. Ф. Куракин был пожалован в бояре 23 февраля 1660 г. Умер вскоре после описываемых событий, 1 января 1684 г. (*Crummey R. O.* Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia. 1613—1689. Princeton, 1983. P. 193).

[135] Временник МОИДР. Кн. IX. М., 1851. С. 46.
[136] Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. Кн. XII. М., 1901. С. 29, 31, 34, 58, 114.
[137] Восстание в Москве. № 63. С. 84.
[138] Там же. № 107. С. 154—155.
[139] Отписка московских властей во главе с боярином М. П. Головиным с сообщением о посылке царской грамоты князю Ф. Ф. Куракину // Восстание в Москве 1682 г. № 88. С. 134. Не совсем ясно, почему В. И. Буганов и Н. Г. Савич отнесли недатированную отписку к промежутку «не ранее 17 сентября — не позднее 23». Во-первых, 17 сентября никакой боярской комиссии в Москве не было. Более того, ее члены 18 сентября бежали, вместе со всем двором, из подмосковного Вознесенского под защиту троицких стен (как это было показано выше). Во-вторых, отписка была отчетом московских властей по тем распоряжениям, которые были им даны в грамоте от 22 сентября, использованной выше. Верхняя хронологическая грань более вероятна. Сохранился отпуск царской грамоты от 24 сентября боярину М. П. Головину с товарищи, в которой подчеркивалось, что великим государям по-прежнему «неведомо», «приехал ли... князь Федор Федоровичь Куракин к Москве». В грамоте было приказано тотчас сообщить в Троицу об ожидавшемся приезде главы комиссии. На обороте листа сделана приписка, со знаком вставки, очевидно, отразившая сведения поступившие «в последний час» и являющаяся изложением интересующей нас отписки: «писали вы к нам в. г. что по нашему в. г. указу грамоту к боярину нашему ко князю Федору Федоровичю Куракину послали вы с человеком ево с Тимошкою Спаским а по скаске того человека тот боярин наш в дедиловской своей деревне» (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 191—191об.). Исходя из всего сказанного, можно достаточно уверенно отнести появление отписки к промежутку между 22 и 24 сентября, когда были написаны обе царские грамоты, а скорее всего — к 23 сентября 1682 г.
[140] Восстание в Москве. № 118. С. 164. Подьячий тульской съезжей избы Сергей Викулин, посланный в дедиловскую вотчину кн. Ф. Ф. Куракина, уже не застал там хозяина. Согласно сказке «села Румянина приказного ево человека» Петра Матюшина, «он боярин князь Федор Федорович поехал к Москве сентября в 26 числе» (Отписка великим государем тульского воеводы стольника П. Я. Мясново. Сентября после 28 — до 11 октября 1682 г. // РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 342—342об.; Доезжая память подьячего тульской съезжей избы Сергея Викулина. 1682 г. Сентября 28 // Там же. Л. 344).
[141] Восстание в Москве. № 135. С. 179; № 137. С. 180—181.

[142] О нем см.: *К[азанский П.]* Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского. М., 1847. С. 167—169.

[143] Икона, или изображение великая соборныя церкве всероссийского и всех северных стран патриарша престола приключившихся дел в разная времена и лета... // РНБ. Погод. 1115. Л. 59об.

[144] Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. 47.

[145] Созерцание краткое. С. 118.

[146] Восстание в Москве. № 137. С. 181.

[147] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 328, 329. Оба листа представляют собой начало и конец сстава, середина которого вырвана.

[148] Восстание в Москве. № 123. С. 170.

[149] *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. С. 296.

[150] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 350—351об. Отпуск, черновик. Грамота помечена октябрем, но число не проставлено.

[151] *Crummey R. O.* Aristocrats and Servitors. P. 204.

[152] *Хитрово В. М.* Родословная книга рода Хитрово. СПб., 1866. С. 62—63.

[153] Дворцовые разряды. Т. IV. СПб., 1865. Стб. 197—198.

[154] *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 167—168, 255.

[155] Восстание в Москве. № 80. С. 126.

[156] *Богоявленский С. К.* Хованщина // ИЗ. Т. 10. [М.], 1941. С. 27. С. К. Богоявленский ставит В. А. Змеева в один ряд с «членами правительственной комиссии», однако он в нее не входил.

[157] Восстание в Москве. № 161. С. 209.

[158] *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 168, 310.

[159] *Де ла Невилль.* Записки о Московии. С. 156.

[160] Созерцание краткое. С. 144.

[161] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 524 (отписка М. П. Головина). Л. 525, 647 (распросные речи). Л. 644 (отрывок отписки).

[162] Созерцание краткое. С. 144.

[163] Царская грамота... московским властям... с распоряжением об освобождении людей, арестованных стрельцами, 1682 г. сентября 22 // Восстание в Москве. № 106. С. 154; Царская грамота московским властям о том же, 1682 г. сентября 22 // РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 184. Вопреки Н. Г. Савич (Восстание в Москве. Примечание к док. № 106. С. 306—306), неопубликованный документ не является «черновиком» опубликованного. Оба они представляют собой черновики отпусков двух различных грамот, отправленных в один и тот же день.

[164] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 511.

[165] Восстание в Москве. № 105. С. 153—154. В тот же день было принято и челобитье капитанов «московской надворной пехоты всех полков» во главе с Лаврентием Пасынковым, просивших выдать им «годовое хлебное жалованье» на начавшийся 7191-й год (1682/83 г.) (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639 Л. 515). Тотчас была отправлена в Троицу новая отписка с приложением челобитья (Там же. Л. 512—514). Третья, недатированная отписка боярина М. П. Головина «с товарыщи», посвящена недошедшему челобитью урядников и солдат выборного полка Р. Жданова. Полк не получил кормовых денег еще за август месяц, а соответствующий царский указ задержался в Приказе Большие казны (Там же. Л. 115—116). Однако новое правительство так и не прислушалось к настоятельным просьбам боярской комиссии. В царской грамоте от 25 сентября 1682 г. было повторено прежнее обещание выдать «жалованье денежное и хлебное» после «государского пришествия... к Москве» (Восстание в Москве. № 114. С. 160—161).

[166] Созерцание краткое. С. 144. Согласно «Созерцанию краткому...» Воронин предупредил стрельцов о нападении холопов «сентября... в 24-м числе ввечеру», но здесь очевидная ошибка. Речь шла о том, что холопы нападут «сентября против 23 числа в ночь», т. е. в ночь с 22 на 23 сентября. Очевидно, что это предупреждение могло последовать лишь вечером 22, но никак не 24 сентября. Вероятно, скорописное «д» было перепутано с похожим на него «в».

[167] Созерцание краткое. С. 143.

[168] Там же.

[169] Там же.

[170] Там же.

[171] В состав Палаты вошли бояре кн. М. А. Черкасский, П. М. и А. П. Салтыковы, окольничие князья И. М. Коркодинов и Я. В. Хилков, М. П. Измайлов, думные дворяне А. И. Ржевский, А. И. Хитрово, В. Д. Мясново, А. Т. Зыков, думный дьяк И. Горохов. В тот же день, 11 октября 1682 г. были назначены новые судьи в Разбойный приказ (боярин кн. М. Г. Ромодановский, думный дворянин В. Л. Пушечников), а днем раньше — в Судный Владимирский (боярин А. С. Шеин) и Судный Московский приказы (боярин Б. В. Бутурлин) (Восстание в Москве. № 154. С. 201).

[172] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 388—394.

[173] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 2549. Л. 44.

[174] Восстание в Москве. № 163—164. С. 211—213; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 633. Столпик 5. Л. 145.
[175] Восстание в Москве. № 168. С. 215—216; № 173. С. 226—227; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 46—48.
[176] *Богоявленский С. К.* Хованщина // ИЗ. Т. 10. [М.], 1941. С. 201—202. Прим. 2.
[177] РГАДА. Ф. 159 (Дела новой разборки). № 1355. Л. 136—138; *Богоявленский С. К.* Хованщина. С. 201; Восстание в Москве. С. 303. Прим. к док. № 102.
[178] С другой стороны, эта связь Сотенной палаты с Расправной палатой позволяет раскрыть важную черту последней. Дело в том, что в историографии Расправная палата и другие думные комиссии односторонне рассматривается как сугубо административный орган, возникший вследствие количественного роста численности Думы, ее неспособности к ежедневной распорядительной деятельности. Тем самым к Расправной палате или думным комиссиям временно переходит часть полномочий Думы как высшего государственного учреждения. Однако приведенный выше факт показывает, что, например, комиссия боярина М. П. Головина оказалась включена в систему органов сословного самоуправления. Тем самым вскрывается другая сторона комиссии, ее значение как сословного института, унаследованное от Думы.
[179] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 291, 456, 637—638.
[180] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 222.
[181] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 609. Л. 120.
[182] Восстание в Москве. № 178. С. 232.
[183] Созерцание краткое. С. 111.
[184] *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 300.
[185] Восстание в Москве. № 92. С. 138.
[186] Созерцание краткое. С. 125.
[187] Так, например, дело стрельца сотни Ивана Мисюрева Ивана Расловского 22 сентября слушали «по указу великих государей бояре... князь Василей Васильевичь Голицын с товарыщи». Подьячий внес исправление в первоначальный текст, вписав над строкой: «...и дворовые воеводы» (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 168).
[188] РГБ. Ф. 29 (И. Д. Беляев). № 104.
[189] Восстание в Москве. № 94. С. 139—143.
[190] Там же. № 97. С. 145—146. Вероятно, именно поздоприездцы из числа упомянутых в этом указе продолжали приезжать

в Воздвиженское и через месяц. Так, 27 октября в Воздвиженское приехало 41 служилый человек московских чинов, а 28 октября — еще столько же (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Новгородского стола. № 319. Л. 514). В. И. Буганов перепутал число приехавших во второй день (41 человек) с общим итогом («всего 82»), так что получился отряд в полтора раза больший, нежели на самом деле (*Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 293).

[191] Созерцание краткое. С. 166; Восстание в Москве. № 93. С. 138—139.

[192] *Де ле Невилль.* Записки о Московии. С. 135—136.

[193] *Шлейссингер Г.-А.* Полное описание России // ВИ. 1970. № 1. С. 110.

[194] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 135—136.

[195] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 499. Недатированный в подлиннике, этот указ внесен в «Созерцание краткое...» с незначительными изменениями под 25 октября 1682 г. (Созерцание краткое. С. 162—163).

[196] Восстание в Москве. № 98. С. 146.

[197] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 204—208.

[198] Созерцание краткое. С. 100.

[199] Восстание в Москве. № 96. С. 144—145. Одновременно сохранился и отпуск грамоты с подробным наказом боярину П. С. Урусову; вероятно, последняя не была выдана ему на руки для того, чтобы ее не смогли перехватить восставшие (Там же. № 95. С. 144).

[200] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 633. Столпик 5. Л. 18.

[201] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 150—151 (получена 23 сентября).

[202] Там же. Л. 151—152 (поименная роспись).

[203] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 300—301 (получена 29 сентября).

[204] Там же. Л. 302—305 (роспись служилых людей).

[205] Там же. Л. 270—272 (отписка, полученная 2 октября 1682 г.). Л. 273—276 (роспись служилых людей).

[206] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 228—230 (получена 6 октября). 214—215 (получена 10 октября), 355—356.

[207] Там же. Л. 216—219.

[208] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 356. Согласно отписке «ключника путного» А. Пекина из Дмитрова, полученной в Троице 24 октября, кн.

П. И. Шаховской писал ему из Кашина о высылке монастырских служек (Там же. Л. 382).

209 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 633. Столпик 5. Л. 100—101 (получена 15 октября). Л. 101—102 (поименная роспись).

210 Восстание в Москве. № 103. С. 102; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 140 (роспись).

211 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 395—396.

212 Там же. Л. 231—232.

213 Восстание в Москве. Прим. к док. № 103. С. 303; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 633. Столпик 5. Л. 116—118.

214 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 131—133. Согласно отписке волоколамского воеводы Н. Мауринова, после отъезда Комынина он отрядил в Троицу еще 19 драгун с сержантом (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 633. Столпик 5. Л. 1—2).

215 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 131об.

216 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 296—296об.

217 Там же. Л. 297—299.

218 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 497.

219 Там же. Л. 246.

220 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 436—438; *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 295.

221 Еще 547 служилых людей московских чинов было в подмосковных полках (*Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. С. 294).

222 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Смотренные списки. № 67.

223 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Новгородского стола. № 319. Л. 516—518.

224 *Богоявленский С. К.* Хованщина // ИЗ. Т. 10. [М.], 1941. С. 219.

225 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Новгородского стола. № 319. Л. 515; *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. С. 293—294.

226 *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 294.

227 Это позволяет решительно отвести приведенные В. И. Бугановым свидетельства П. Н. Крекшина о том, что правительствен-

ное войско «бе тогда до ста тысячь» (такова была общая численность всей русской армии в конце 80-х годов XVII века) и сообщение Летописца 1619—1691 гг. о 40 тыс. «храбрых мужей», прибывших в Троице из одного Великого Новгорода (в Смотренном списке — 3 служилых человека) // РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 67. Л. 51; ПСРЛ. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968. С. 201; *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. С. 294. В. И. Буганов дает ссылку на архивный шифр рукописи Летописца 1619—1691 гг., но в тексте это известие упомянуто как восходящее к Мазуринскому летописцу).

[228] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 120—121. См. также: Восстание в Москве. Прим. к док. 103. С. 303—304.

[229] Царская грамота мосальскому воеводе С. К. Безобразову. 1682 г. сентября 16 // Архив СПбФ ИРИ РАН. Колл. 120 (Семевский М. И.). Оп. 1. № 65. Л. 1—2.

[230] Созерцание краткое. С. 125.

[231] Восстание в Москве 1682 г. № 116. С. 162—163; С. 307; см. также черновик записи (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 633. Столпик 5. Л. 107—109).

[232] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 427—432.

[233] Восстание в Москве. № 147. С. 188—189.

[234] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639.

[235] Разрядная запись и краткая редакция «Созерцания краткого...» (Академический список) указывают местом сбора Бронницы, а пространная редакция — Речницы (список Оболенского). Этот пример показывает несостоятельность утверждения, что полная редакция всегда полнее и точнее отражает документальные источники, нежели краткая.

[236] Роспись дает сведения не только о численности, но и о составе подмосковных полков. Последний свидетельствует о глубоком кризисе поместного ополчения. Из 430 служилых людей рейтар было 350 (81,3%), а копейщиков 77 (18,0%). Городовые дворяне и дети боярские полковой службы вообще не смогли отмобилизоваться.

[237] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 547—549.

[238] Восстание в Москве. № 147. С. 188—189.

[239] Созерцание краткое. С. 161. Свидетельство «Созерцания краткого...» дополняет сообщение Сидора Сназина о полковых воеводах — боярские князе В. В. Голицыне («у великих государей»), боярине кн. П. С. Урусове («в Переславле Залеском»), боярине А. С. Шеине («на Коломне») и боярине кн.

М. И. Лыкове («на Рязани») (Мазуринский летописец // ПСРЛ. Т. 34. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968. С. 178). Очевидно, что перечень воевод, включенный в летописное изложение событий первой половины сентября, отражает действительность на конец октября 1682 г. Не упомянутый в указе от 26 октября М. И. Лыков также не мог в 1-й половине сентября собирать войско в Рязани, так как находился в походе с царями (см. выше «Казнь и ссылка князей Хованских»).

[240] *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 293.

[241] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 639. Л. 269—269об. Ср. отписки от 8 октября (Там же. Л. 261) и 9 октября (Там же. Л. 265).

[242] *Новосельский А. А.* Коллективные дворянские челобитные о сыске беглых крестьян и холопов во второй половине XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 322—324.

[243] Созерцание краткое. С. 161.

[244] Опубликованы: *Новосельский А. А.* Коллективные дворянские челобитные о сыске беглых крестьян и холопов во второй половине XVII века // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII веков. М., 1975. С. 324—333. См. о них: *Маньков А. Г.* Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.; Л., 1962. С. 56—80.

[245] Челобитная служилых людей московских и городовых чинов царям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу об издании указа о проведении сыска беглых людей и крестьян и отсрочке в уплате государственных налогов с оставшихся крестьян до возвращения беглых // Дворянство и крепостной строй. С. 325.

[246] Челобитная служилых людей московских и городовых чинов царям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу об издании указа о проведении сыска беглых людей и крестьян и отсрочке в уплате государственных налогов с оставшихся крестьян до возвращения беглых // Дворянство и крепостной строй. С. 325.

[247] Краткое изложение пометы в «Наказе сыщикам беглых крестьян и холопов» (2 марта 1683 г.) удостоверяет, что ее автором был думный дьяк В. Г. Семенов (Российское законодательство X—XX веков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 81).

[248] *Новосельский А. А.* Коллективные дворянские челобитья по вопросам межевания и описания земель в 80-х годах XVII веков // Ученые записки Института истории РАНИОН. Т. 4. М., 1929. С. 104—106.

[249] Челобитная служилых людей московских и городовых чинов царям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу о том, чтобы сыск беглых людей и крестьян поручить не писцам и воеводам,

а специально посланным дворянам // Дворянство и крепостной строй. С. 330—331.

250 Российское законодательство X—XX веков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 79—102.

251 Летописец 1619—1691 гг. // ПСРЛ. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968. С. 201.

252 *Чернов А. В.* ЦГАДА как источник по военной истории Русского государства до XVIII в. // Труды МГИАИ. М., 1948. Т. 4. С. 26.

253 Восстание в Москве. № 86. С. 132.

254 Записки Разрядного приказа за 27 апреля — 25 октября 1682 г. // Восстание в Москве. № 204. С. 262—263.

255 *Смирнов П.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII века. М., 1915. С. 5.

256 Родовой архив Выншомских находится в РНБ. Ф. 164 (Вындомские). Несколько частных писем из него опубликованы: Грамотки XVII — начала XVIII века. М., 1969. № 149—174. С. 82—101.

257 РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 3 (Новгородский приказ). № 1728. Дело о ссылке в Сибирь и возвращении в г. Великий Новгород Тихона Вындомского с сыновьями, обвиненных в заговоре И. Хованского. Л. 2—3.

258 Петр Иванович большой Хованский, сын И. А. Хованского, был пожалован в бояре еще в 1678 г. Его троюродный брат, Петр Иванович меньшой Хованский, сын И. Н. Хованского, был пожалован в Думу из стольников 8 июля 1682 г. (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские списки. № 21. Л. 4об.). Кстати, это дает дополнительное уточнение даты поездки П. И. Хованского в Новгород.

259 РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. № 1728. Л. 3.

260 *Кошелева О. Е.* Коллективные челобитья дворян на бояр (XVII в.) // ВИ. 1982. № 5. С. 176.

261 РГАДА. Ф. 1455 (Государственные и частные акты поместно-вотчинных архивов XVI—XIX вв.). Оп. 3. № 609.

262 РГАДА. Ф. 1455. Оп. 3. № 609. Л. 1—2.

263 ПСЗ. Т. II. СПб., [1830]. № 1079. С. 623—624 (31 мая 1684 г.).

264 СГГД. Ч. 4. М., 1828 (1656—1696 гг.). № 147. С. 441—445; ПСЗ. Т. II. (1676—1688 гг.). СПб., 1830. № 920. С. 398—401.

265 Восстание в Москве. № 204. С. 254—260.

266 *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. VII. Т. 13—14. М., 1962. С. 276.

267 *Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. [М.], 1940. С. 46; *Богоявленский С. К.* Хованщина // ИЗ. Т. 10. [М.], 1941. С. 195.

[268]*Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 193.

[269]*Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 366, 372.

[270]*Богданов А. П.* К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сб. ст. М., 1987. С. 128—129, 145. Прим. 46.

[271]РГАДА. Ф. 156 (Исторические и церемониальные дела). Оп. 1. № 89. 16 л. В дальнейшем ссылка делается только на листы.

[272]*Дианова Т. В., Костюхина Л. М.* Водяные знаки рукописей России XVII в. М., 1980. С. 57. № 393 (1681 г.). Филигрань рукописи представляет собой вид опубликованной, литерное сопровождение (буквы MLI) отсутствует.

[273]*Heawood E.* Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries (Monumenta chartae papyraceae historium illustrantia, I). Hilversum, 1950. Pl. 73, № 436 (1685 г.) Вид.

[274]Созерцание краткое. С. 65.

[275]Созерцание краткое. С. 67.

[276]*Лермонтова Е. Д.* Самодержавие царевны Софьи по неизданным документам (из переписки, возбужденной графом Паниным) // Русская старина. 1912. Февраль. С. 433.

[277]После этого помещен один сстав из первого документа, завершающий весь столбец: «И великому государю царю и великому князю Иоанну Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу и сестре их государской великой государыне благородной царевне и великой княжне Софии Алексеевне бояре и околничие и думные и ближние люди поздравляли...»

[278]*Лермонтова Е. Д.* Самодержавие царевны Софьи по неизданным документам. С. 437. См. также: РГАДА. Ф. 2 (Дела, собственно до императорской фамилии относящиеся). № 1. О титулах царей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и царевны Софьи Алексеевны. 36 л.

[279]Это подтверждают и более ранние документы. К ним относится и отписка стольника князя Н. И. Приимкова-Ростовского, посланного в Киев для приведения к крестному целованию местных жителей 30 мая 1682 г., то есть на следующий день после мнимого «вручения правления» царевне Софье Алексеевне. В отписке, посланной в Москву 14 июня 1682 г., подробно отражено избрание на царство Ивана Алексеевича (26 мая 1689 г.), но не сказано ни слова о последовавшем за ним учреждении регентства (Донесение князя Приимкова-Ростовского царям Иоанну и Петру Алексеевичам в 1682 г. // Русский вестник. 1841. № 11—12. Т. 4. С. 433—440).

[280]*Де ла Невилль.* Записки о Московии. С. 160.

281 *Шлейссингер Г.-А.* Полное описание России // ВИ. 1970. № 1. С. 111.

К главе второй

(с. 79-156)

1 *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. 5-е изд. Пг., 1919.

2 *Ключевский В. О.* Смена — боярство и дворянство // Русская мысль. 1899. № 1. С. 200—221.

3 *Богословский М. М.* Административные преобразования Петра Великого в 1699—1700 гг. Ч. 1. Боярская дума // Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук. 1928. № 4—7. С. 279—298.

4 *Кошелева О. Е.* Боярство в начальный период зарождения абсолютизма в России (1645—1682 гг.). Автореферат кандидатской диссертации. М., 1987; *она же.* Боярство в начальный период зарождения абсолютизма в России. Рукопись кандидатской диссертации. М., 1987. Несмотря на то, что верхней хронологической гранью исследования О. Е. Кошелевой является 1682 г., ее выводы представляют для нашей темы первоочередной интерес: большинство тех, кто сидел в думе в 1682—1689 гг. получили свои думные чины до 1682 г.

5 *Кошелева О. Е.* Боярство в начальный период зарождения абсолютизма в России (1645—1682 гг.). Автореферат кандидатской диссертации. С. 8.

6 *Кошелева О. Е.* Боярство в начальный период зарождения абсолютизма в России (1645—1682 гг.). Рукопись кандидатской диссертации. С. 66—70.

7 *Айрапетян И. Ю.* Боярство после отмены местничества (1682—1713 гг.). Деп. в ИНИОН АН СССР. № 15631. М., 1984. 63 с.; *она же.* Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1988.

8 *Айрапетян И. Ю.* Феодальная аристократия. С. 20—22.

9 *Айрапетян И. Ю.* Боярство после отмены местничества (1682—1713 гг.). С. 15—33.

10 *Богданов А. П.* Роспись «изменников-бояр и думных людей», казненных и сосланных по требованию восставших в мае 1682 г. // Молодые обществоведы Москвы — Ленинскому юбилею. Материалы III-й Московской городской конференции молодых ученых по общественным наукам, посвященной 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. М., 1982. С. 116. Кн. А. Б. Лобанов-Ростовский, без каких-либо ссылок на источни-

ки, включает в число убитых стрельцами Василия Филимоновича и Ивана Фомича Нарышкиных. Последнего, очевидно, генеалог смешал с его братом Петром Фомичом (*Лобанов-Ростовский А. Б., кн.* Русская родословная книга. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1895. С. 6).

11 Смутное время. С. 334—335.

12 Восстание в Москве. № 16. С. 32; № 30. С. 51—52; № 32. С. 53—54.

13 *Куракин Б. И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 1. Бумаги кн. Ф. А. Куракина. Кн. 1. Бумаги кн. Б. И. Куракина (1676—1727). М., 1890. С. 53.

14 Там же. С. 53. Примечательно, что кн. Б. И. Куракин замечает тут же, что при дворе царя Петра «все молодые люди были первых домов» (Там же). Уже здесь заметно отличие позиции младшего поколения московской знати, связывавшей свое будущее с младшим царем, от позиции самих думцев.

15 Дворцовые разряды. Т. IV. СПб., 1855. Стб. 214, 227.

16 *Кобеко Д. Ф.* Шереметевы и князья Урусовы. СПб., 1900. С. 6—8.

17 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские списки. № 22. Л. 2, 2об., 6.

18 *Лобанов-Ростовский А. Б., кн.* Русская родословная книга. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1895. С. 383.

19 Дворцовые разряды. Т. IV. СПб., 1855. Стб. 242. Ср.: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Записные книги Московского стола. № 21. Л. 73—74.

20 РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). 1683 г. № 123. Л. 1—2. 15 сентября 1685 г. был дан новый указ, согласно которому боярину кн. В. В. Голицыну велено было «писаться» с этим пышным титулом не только в дипломатических документах, но и во всех остальных делах (ПСЗ. Т. II (1676—1688 гг.). [СПб.], 1830. № 1134. С. 687.

21 *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 45, 58, 137—138, 152.

22 *Куракин Б. И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 1. Бумаги кн. Б. И. Куракина (1676—1727). СПб., 1890. С. 49.

23 *Де ла Невилль.* Записки о Московии. С. 137.

24 *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 167—168, 161; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. III (Курляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). М., 1897. С. 154. Свидетельство последнего находится в распросных речах томского сына боярского В. Пущина. Согласно В. Пущину, царевна Софья Алексеевна взяла у него челобитную, затем отдала ее боярину И. Б. Репнину «и велела оклеить», а затем передумала и отоб-

рала ее при челобитчике (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 1092. Л. 196).

25 *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 28; *Лобанов-Ростовский А. Б., кн.* Русская родословная книга. 2-е изд. СПб., 1895. С. 383.

26 Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 258; *Куракин Б. И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче. С. 49.

27 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 7. Л. 54об., 55, 58; Боярские списки. № 22. Л. 7об., 8об., 18об.; Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 196.

28 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 7. Л. 54об.—55; Боярские списки. № 22. Л. 7об., 26 января 1683 г. окольничие князья Ф. Ф. Волконский и И. С. Хотетовский возглавили соответственно Челобитенный и Холопий приказы (Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 196).

29 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 7. Л. 35об., 55; Боярские списки. № 22. Л. 18об.; № 21. Л. 21.

30 *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 74.

31 *Титов А. А.* Летопись Двинская. М., 1889. С. 50.

32 *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод. С. 264.

33 *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод. С. 123.

34 Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 234.

35 РНБ. Ф. 885 (Эрмитажное собр.). № 567. Летописец кн. А. Я. Дашкова. Л. 158. Место окольничего кн. И. С. Хотетовского в Холопьем приказе занял стольник В. Ф. Жирово-Засекин (*Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 208).

36 *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод. С. 13, 46, 226. Все эти потери не могли компенсировать даже новые приказные назначения сторонников Нарышкиных: 12 декабря 1683 г. боярин кн. Ю. С. Урусов возглавил Московский судный приказ, а 10 мая 1684 г. его товарищем стал думный дворянин П. С. Хитрово, брат которого, Н. С. Хитрово, в тот же день стал судьей Владимирского Судного приказа (*Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 198; Дворцовые разряды. Стб. 293—294).

37 Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 228, 256—257, 266—268.

38 Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 257—258.

39 *Куракин Б. И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче. С. 48.

40 *Возгрин В. Е.* Источники по русско-скандинавским отношениям XVI—XVIII веков // Рукописные источники по истории стран Западной Европы в Архиве ЛОИИ СССР. Археографический сборник. Л., 1981. С. 155.

41 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские списки. № 23. Л. 1об.

42 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 1314. Л. 4—5, 24—25.

43 *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.

44 Боярин кн. М. Я. Черкасский был женат на дочери кн. Н. И. Одоевского Марфе Никитичне (*Долгоруков П.* Российская родословная книга. Ч. 2. СПб., 1855. С. 38).

45 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские списки. № 22. Л. 1—2.

46 *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 3. (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). М., 1897. С. 154. Назначенный товарищем кн. Я. Н. Одоевского И. А. Желябужский, постоянный сотрудник его отца, а впоследствии и его душеприказчик, был непосредственно перед этим пожалован из думных дворян в окольничие — очевидно, не без участия самих князей Одоевских (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 7. Л. 56; Боярские списки. № 23. Л. 11; *Шереметев С. Д.* Духовное завещание боярина князя Н. И. Одоевского // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 4. СПб., 1911. С. 379—391; *Богданов А. П., Каган М. Д.* Желябужский Иван Афанасьевич (из исследовательских материалов для «Словаря книжников и книжности Древней Руси») // ТОДРЛ. Т. XXXIX. Л., 1985. С. 37—40.

47 Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 244. Подробнее о думных комиссиях, руководимых боярами князьями Н. И. и Я. Н. Одоевскими, см. в разделе 2 данной главы.

48 *Возгрин В. Е.* Источники по русско-скандинавским отношениям XVI—XVIII веков // Рукописные источники по истории Западной Европы в Архиве ЛОИИ СССР. Археографический сборник. Л., 1984. С. 155.

49 ДРВ. 2-е изд. Ч. III. М., 1788. С. 248; Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 270. Р. Крамми, опираясь на данные боярской книги, указывает другую дату — 10 февраля 1684 г. (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 7. Л. 35об.; *Crummey R. O.* Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia. 1613—1689. Princeton, 1983. P. 206).

50 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 7. Л. 56. 76об.; Боярские списки. № 23. Л. 11.

51 Там же. Боярские книги. № 7. Л. 76об.; Боярские списки. № 23. Л. 18.

52 Там же. Боярские книги. № 7. Л. 35об.; Боярские списки. № 23. Л. 4; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 227.

53 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские списки. № 23. Л. 4; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 227.

54 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 7. Л. 76об.; Боярские списки. Л. 18.

55 *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 58, 138, 152.

56 *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 161; Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 268.

57 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 7. Л. 77; Боярские списки. № 24. Л. 12.

58 Дворцовые разряды. Т. IV. СПб., 1855. Стб. 324—325.

59 Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 322, 327, 330, 331, 348, 360—361.

60 ПСЗ. Т. II (1676—1688 гг.). [СПб.], 1830. № 1095. С. 641.

61 Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 359—360, 362. См. также: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 2414. Л. 44—45.

62 *Аделунг Ф. П.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864. Т. 2. С. 227.

63 *Шлейссингер Г.-А.* Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII века // ВИ. 1970. № 1. С. 111.

64 ПСЗ. Т. II (1676—1688 гг.). [СПб.], 1830. № 1096. С. 641—642.

65 В дальнейшем связи Государева двора с окружением Петра сказались и во время выступления московских чинов против боярина кн. В. В. Голицына в 1687 г., и в их позиции во время дворцового переворота 1689 г.

66 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 7. Л. 77об., 78; Боярские списки. № 24. Л. 12—12об.

67 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Записные книги Московского стола. № 22. Л. 7об.; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 22, 211.

68 Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 347, 348, 389.

69 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 7. Л. 36, 56об.; Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 345—346.

70 Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 348.

71 *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 89.

72 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 10. Л. 29об.; Боярские списки. № 24. Л. 467об.

73 О двойственном положении Ф. А. Головина, родственники которого были близки обоим противоборствующим придворным группировкам, см.: *Демидова Н. Ф.* Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г. // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 296—297.

74 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 7. Л. 78; № 10. Л. 30; Боярские списки. № 24. Л. 467об., 470об.

75 Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 389; ПСЗ. Т. II (1676—1688 гг.). СПб., [1830]. № 1096. С. 642; *Модзалевский*

Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины. Родословная роспись. Л., 1932. С. 33.

[76] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Записные книги Московского стола. № 22. Л. 6об., 7, 13; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 177, 188, 208 (автор ошибочно указывает вместо И. Б. Ловчикова его брата С. Б. Ловчикова); *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод. С. 211; *Модзалевский В. Л., Муравьев М. В.* Пушкины. С. 32.

[77] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Записные книги Московского стола. № 22. Л. 9; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 212; Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 302 (сопровождал Петра в Макарьев Калязинский монастырь).

[78] *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 188, 196, 227; *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод. С. 242.

[79] Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 368—369.

[80] *Куракин Б. И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче. С. 51—52.

[81] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 10. Л. 11; Боярские списки. № 26. Л. 3об.

[82] *Де ла Невилль.* Записки о Московии. С. 139.

[83] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Записные книги Московского стола. № 23. Л. 230.

[84] *Иванов П.* Алфавитные указатели фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1855. С. 92.

[85] 14 декабря 1686 г. (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские списки. № 6. Л. 2).

[86] *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 22, 180.

[87] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 10. Л. 52; Боярские списки. № 26. Л. 10об.

[88] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. III. СПб., 1888. Стб. 1098—1114. Если ответные письма кн. В. В. Голицына сохранились полностью, то о содержании «грамоток» Ф. Л. Шакловитого позволяют судить лишь ответы кн. В. В. Голицына на вопросные статьи, данные им уже в ссылке (Там же. Стб. 1172—1180).

[89] ДРВ. 2-е изд. Т. XVI. М., 1791. С. 378.

[90] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Записные книги Московского стола. № 23. Л. 5об.; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 188.

[91] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. III. СПб., 1888. Стб. 1172—1174.

[92] Там же. Стб. 1098. Ср.: Там же. Стб. 1172.

[93] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. III. СПб., 1888. Стб. 1175.

[94] Книга дядькам и мамам и боярыням верховым и стольникам царевичевым // Временник МОИДР. Кн. IX. М., 1851. С. 47; *Николай Михайлович, великий князь.* Московский некро-

поль. Т. III (Р—Ѳ). СПб., 1908. С. 165 (умер 10 июля 1687 г.).

95 Розыскные дела. Т. III. Стб. 1102.

96 Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. III. СПб., 1888. Стб. 1110. В то же время В. В. Голицын написал окольничему Б. Ф. Полибину, чтобы тот постарался, «чтобы к нему, князь Василью, приятствовал боярин Родион Матвеевич Стрешнев» (Там же. Стб. 1174. Ср.: там же. Стб. 1100).

97 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Записные книги Московского стола. № 23. Л. 5об.; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 188.

98 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 10. Л. 30об. Боярские списки. № 26. Л. 7; *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 58.

99 Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. III. СПб., 1888. Стб. 1099, 1173.

100 *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 188.

101 Москва в 1687—1688 гг. Сообщил К. А. Висковатов // Русская старина. 1878. Т. XXIII. С. 124.

102 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 10. Л. 31об., 53; Боярские списки. № 27. Л. 13.

103 Там же. Боярские книги. № 10. Л. 53; Боярские списки. № 27. Л. 13.

104 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 10. Л. 11об.; Боярские списки. № 27. Л. 4; *Долгоруков П.* Российская родословная книга. СПб., 1855. Ч. 2. С. 72—73; Книга дядькам и мамам и боярыням верховым и стольникам царевичевым // Временник МОИДР. Кн. IX. М., 1851. С. 46; *Куракин Б. И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче. С. 57.

105 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 10. Л. 32, 53об.; Боярские списки. № 27. Л. 9об.; Дворцовые разряды. Т. IV. СПб., 1855. Стб. 386.

106 *Лобанов-Ростовский А. Б., кн.* Русская родословная книга. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1895. С. 6; *Савелов Л. М.* Род дворян Савеловых. М., 1895. С. 28.

107 Москва в 1687—1688 гг. Сообщил К. А. Висковатов // Русская старина. 1878. Т. XXIII. № 9. С. 126.

108 Письмо дьяков Посольского приказа князьям Василию Васильевичу и Алексею Васильевичу Голицыным о посещении царем Петром Алексеевичем Посольского приказа. Сообщил С. К. Богоявленский // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. (239). Отд. III (Смесь). № 6. С. 51—52.

109 *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод. С. 208; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 208.

[110] Дворцовые разряды. Т. IV. СПб., 1855. Стб. 389—390; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 733. Л. 47—48.

[111] Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 402—403; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 733. Л. 80—81.

[112] Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 388—389; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 733. Столпик 6. Л. 43—45. В черновой росписи похода (Там же. Л. 20—21) не было И. А. Матюшкина и М. Ф. Нарышкина, но был окольничий кн. Ф. Ф. Волконский (впоследствии вычеркнут). Последний появится в окружении Петра во время Коломенского похода, где младшего царя будут сопровождать те же думные люди (за исключением И. Т. Кондырева (умер в 1688/89 г.) и С. Ф. Толочанова). (Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 403—404; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 733. Столпик 6. Л. 84—86.

[113] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 10. Л. 12об., 34; Боярские списки. № 28. Л. 4, 8об.

[114] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 10. Л. 33об.; Боярские списки. № 28. Л. 8.

[115] Там же. Боярские книги. № 10. Л. 33—33об.; Боярские списки. № 28. Л. 8—8об. Для того, чтобы обосновать это пожалование неродословного Головкина в Думу, потребовалась подделка грамоты из монастырского архива, в которой якобы упоминался был «написан бояриtermination... Ян Кучумович Головкин», дальний предок И. С. Головкина (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 18 (Родословные росписи). № 123. Л. 6; *Зимин А. А.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв. // Труды МГИАИ. М., 1963. Т. 17. С. 405—406.

[116] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 10. Л. 12об., 35, 54об.; Боярские списки. № 28. Л. 3об., 8об., 13.

[117] *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод. С. 78, 89.

[118] *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 177.

[119] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 10. Л. 33об., 34; Боярские списки. № 28. Л. 8об.

[120] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 10. Л. 12об., 34; Боярские списки. № 28. Л. 4, 8об., 34.

[121] Там же. Боярские книги. № 10. Л. 34об., 62об.; Боярские списки. № 28. Л. 8об., 15.

[122] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 10. Л. 41, 54об.; Боярские списки. № 28. Л. 13об., 8об.

[123] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 10. Л. 12об., 13, 35; Боярские списки. № 28. Л. 4, 8об.; *Долгоруков П.* Российская родословная книга. СПб., 1855. Ч. 2. С. 71—72.

[124] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские книги. № 10. Л. 13, 35—35об., 63; Боярские списки. № 28. Л. 4об., 15об., 9; Дворцовые разряды. Т. 4. Стб. 454.
[125] Там же. Боярские книги. № 10. Л. 63; Боярские списки. № 28. Л. 15об.
[126] Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 478; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 733. Столпик 6. Л. 251—253 (листы 252 и 253 перепутаны).
[127] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 722. Л. 383—385.
[128] См. об этом главу 1, раздел 4.
[129] *Шлейссингер Г.-А.* Полное описание России // ВИ. 1970. № 1. С. 111.
[130] *[Миллер Г.-Ф.]* Московские и другие старинные приказы // ДРВ. 2-е изд. М., 1791. Ч. XX. С. 311—312; см. также: *Дмитриев Ф. М.* История судебных инстанций. М., 1859. С. 341.
[131] *Михайлов М. М.* Русское гражданское судопроизводство в историческом его развитии от Уложения 1649 г. до издания Свода законов. СПб., 1856. С. 34—36.
[132] *Загоскин Н. П.* История права Московского государства. Т. 2. Центральное управление Московского государства. Вып. 1. Дума боярская. Казань, 1879. С. 84—88.
[133] *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. 5-е изд. Пг., 1919. С. 429—434.
[134] *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. СПб., 1903. С. 266—273; *он же.* Русские юридические древности. Т. II. Вып. 1. Вече и князь. СПб., 1893; Вып. 2. Советники князя. СПб., 1896; *он же.* Древности русского права. 3-е изд. СПб., 1908.
[135] *П[иксано]в Н. К.* К вопросу о Боярской думе (по поводу нового издания сочинения проф. В. О. Ключевского «Боярская дума» // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 3. С. 334—360.
[136] *Богоявленский С. К.* Расправная палата при Боярской думе // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 409—426.
[137] *Седов П. В.* Социально-политическая борьба в 70—80-х гг. XVII в. и отмена местничества. Рукопись кандидатской диссертации. Л., 1986. С. 44—56.
[138] *Богоявленский С. К.* Расправная палата при Боярской думе. С. 412.
[139] РНБ. Ф. 885 (Эрмитажное собр.). № 567. Л. 157об. Об этом источнике см.: *Корецкий В. И.* Томская разрядная книга с ранними известиями об опричнине // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 6; *Белоброва О. А., Богданов А. П.* Дашков Андрей Яковлевич (из «Исследовательских материалов для

"Словаря книжников и книжностей Древней Руси") // ТОДРЛ. Т. XXXIX. Л., 1985. С. 32—33.

[140] *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 161.

[141] Дворцовые разряды. Т. IV. СПб., 1855. Стб. 212.

[142] *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 51.

[143] Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 214.

[144] Исчезновение боярина кн. А. И. Голицына можно связать с его отъездом на воеводство в Астрахань, хотя в своем новом качестве он упоминается только с начала нового, 1684 г. (*Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 12).

[145] Дворцовые разряды. Т. IV. СПб., 1855. Стб. 215, 228, 235.

[146] Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 244. Первоначально этот пост предназначался боярину и оружейничему П. В. Шереметеву. Однако он сообщил посланному к нему подьячему Т. Красному, что «слышал... их государской указ наперед», а теперь не может ехать в город» (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 651. Л. 161).

[147] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 647. Столпик 4. Л. 66—67 (1-я редакция).

[148] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 647. Столпик 4. Л. 68 (2-я редакция, черновик).

[149] Там же. Л. 46 (2-я редакция, беловой список).

[150] Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 247—248; ср.: Там же. Стб. 250—251.

[151] *Богоявленский С. К.* Расправная Палата при Боярской думе. С. 413.

[152] *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 143—144, 161, 177. 188, 208, 227.

[153] Ср. их переписку с царским двором: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 651. Л. 186, 189, 212—214.

[154] Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 306.

[155] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 670. Л. 210 (1-я редакция).

[156] Там же. Л. 181 (2-я редакция).

[157] *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 188.

[158] Там же. С. 177.

[159] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 670. Л. 350—351.

[160] Там же. Л. 434.

[161] Там же. Л. 434об.

[162] Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 332, 361, 369.

[163] Официальное название комиссии позволяет установить перечневая выпись по делу Г. В. Архарова с А. Елизаровым, рассмо-

тренному «бояриным князем Михаилом Андреевичем Голицыным с товарыщи». В ней речь идет о «Палате судного подлинного дела» (РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 1. № 45846. Л. 2). Однако большинство челобитчиков, незнакомых с приказными тонкостями, продолжали именовать интересующее их учреждение «Полатой расправных дел» или просто «Расправной полатой». Последнего наименования, для краткости и верности исторической традиции, будем придерживаться и мы.

164 *Богоявленский С. К.* Расправная палата при Боярской думе. С. 413.

165 РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 1. № 45978. Л. 1—8 (далее ссылки только на листы).

166 Зачеркнуто.

167 Предысторию вопроса см.: *Князьков С. Е.* Судные приказы в конце XVI — первой половине XVII в. // Исторические записки. Т. 115. М., 1987. С. 268—285.

168 ПСЗ. Т. II (1676—1688). [СПб.], 1830. № 1108. С. 652.

169 РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 1. № 45846. Л. 2.

170 *Барсуков А. П.* Список городовых воевод. С. 123.

171 *Богоявленский С. К.* Расправная палата при Боярской думе // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 412.

172 Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 244.

173 Михаил Андреевич Голицын приходился двоюродным братом Василию Васильевичу (*Голицын Н. Н.* Род князей Голицыных. Т. 1. Материалы родословные. СПб., 1892. С. 119—121).

174 «Канцлер предпетровской поры» так же бесцеремонно нарушал компетенцию палаты и вмешивался в ее работу, как это ему нередко случалось делать и с приказами. Так, 12 августа 1685 г. на имя думного дьяка Д. Л. Полянского велено было перенести дело М. И. Голенищева-Кутузова «в напрасном ево... очете» из Расправной палаты в Посольский приказ. В Посольском приказе это дело должен был рассматривать кн. В. В. Голицын «с товарыщи». 25 февраля 1686 г. последовал новый царский указ, в котором прежнее требование было повторено, поскольку «стольник Михайло Голенищев-Кутузов о переносе того дела в государственной Посольской приказ бьет челом великим государем непрестанно». В результате дело было передано, о чем свидетельствует относящаяся к 5 августа расписка (РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 1. № 53054. Л. 1—5). Здесь характерно как упорное нежелание членов Расправной палаты отдавать дело, так и далеко не безупречная позиция самого Посольского приказа, пошедшего навстречу напористому истцу.

175 См. ниже, раздел 4.

176 РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 1. № 45846. Л. 7—8.

177 *Crummey R. O.* Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia. 1613—1689. Princeton, 1983. P. 199.

178 Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 382, 390, 404; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 733. Л. 25, 48—49, 86. Сохранилась именная роспись семи дьяков, которым назначено было «дневать и ночевать» на Государевом дворе с боярином и оружейничим П. В. Шереметевым начиная с 20 июля 1688 г. (РГАДА. Ф. 196 (Рукописное собрание Ф. Ф. Мазурина). Оп. 3. № 298. Л. 1). Все семь перечисленных в ней дьяков занимали в это время места в приказах, что еще раз подчеркивает временный характер боярской комиссии под руководством П. В. Шереметева.

179 Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 475.

180 Там же. Стб. 483.

181 См. выше.

182 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 773. Столпик 6. Л. 94.

183 *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 16.

184 *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 185.

185 РГАДА. Ф. 188 (Рукописное собрание РГАДА). Оп. 1. № 475. Сборник исторический. Л. 118—122. Послужной список кн. Г. А. Козловского (1633— 1695 гг.).

186 Последний претендент местничества князь Г. А. Козловский // Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 2. Исторические материалы. С. 476—481.

187 *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 256, 313.

188 РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 1. № 53277. Л. 1—48.

189 РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 1. № 46865. Л. 5. Интересно, что Расправная палата в годы руководства боярина кн. М. А. Голицына не называется ни разу Золотой палатой.

190 «...Да о том же земляном деле велено мне промышлять и бить челом бояром князь Якову Никитичю Одоевъскому или Льву Кириловичю Нарышкину, чтоб по челобитной указ учинили против прошенья, — пишет В. Ушаков. — И купя свежей рыбы с челобитною и с почестью у думного дьяка у Протасья Ивановича Никифорова был я на дворе, и ту челобитную ему подавал, и бил челом, чтоб он по той челобитной доложил имянно боярину князь Якову Никитичю Одоевъскому об указе, а от того дела ему Протасью Ивановичю сулил я на кон двадцать рублев, и он у меня ту челобитную имал, а сказал, что де дому святому доброе делать где моя мочь осяжет, рад. И по той челобитной боярину князь Якову Никитичю он, Протасей Ивановичь, у него боярина на дворе доклядывал, а как он по той челобитной докладывал, и в то время у боярина в крестовой и я был, и боя-

рин по той челобитной отказал, а велел было пометить, что по прежнему приставству дать суд, и ту челобитъную у него Протасья Ивановича взял я без пометы» (Грамотки XVII — начала XVIII века. М., 1969. № 477. С. 276 (письмо датировано 7 декабря 1690 г.).

191 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Книги Московского стола. № 25. Л. 352.

192 Архив СПбФ ИРИ РАН. Колл. 249 (Московские акты). № 95. Л. 3.

193 РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 1. № 49084. Л. 1.

194 Архив СПбФ ИРИ РАН. Колл. 11. № 249 (Московские акты). № 95. Л. 1—5.

195 РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 1. № 49084. Л. 1—1об.

196 ПСЗ. Т. III (1689—1699). СПб., [1830]. № 1491. С. 177—178.

197 *Маньков А. Г.* Статистика и динамика законодательных актов России второй половины XVII в. (о некоторых особенностях становления абсолютизма) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XX. Л., 1989. С. 186.

198 *Голубев А. А.* Расправная Палата при Сенате // Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. Кн. V. М., 1888.

199 ПСЗ. Т. II. СПб., [1830]. № 1056. С. 569.

200 *Никольский В. К.* Земский собор о вечном мире с Польшей 1683—84 г. // Научные труды Индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта. Серия социально-экономическая. Вып. 2. М., 1928. С. 5—75.

201 Там же.

202 *Никольский В. К.* Земский собор. С. 16—17.

204 РНБ. Собр. П. П. Дубровского. Авт. 311, № 1, 20а, 31—34.

205 *Никольский В. К.* Земский собор. С. 50—51.

206 *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 368—370.

207 *Черепнин Л. В.* Земские соборы. С. 368—369.

208 *Черепнин Л. В.* Земские соборы. С. 387.

209 *Никольский В. К.* Земский собор. С. 67. Прим. 1. Историк опубликовал в приложении к своему исследованию 4 воеводских отписки, одну запись отписки, указанную грамоту Разряда в Ефремов (16 декабря 1683 г.), доездную память коломенских рассыльщиков (1 января), 5 челобитных выборных, 3 сказки избирателей и 7 выборных списков (Там же. С. 53—64).

210 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 1170. Л. 1; БАН. 16.18.19. Л. 23—30. См. также: *Лавров А. С.* Записные книги Новгородской приказной палаты 1686—1689 гг. // Книга в России XVIII — середины XIX в. Из истории БАН. Л., 1989. С. 148—154.

211 *Галактионов И. В.* Русско-польское сближение (Андрусовское перемирие 1667 г.). Саратов, 1960.

212 *Смирнов П. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. II. М., 1946. С. 168—170.

213 Архив СПбФ ИРИ РАН. Колл. 40 (Донесения нидерландских дипломатических представителей в России XVI—XVIII вв). Оп. 1. № 57. Л. 136. Интересно, что здесь же дипломат сообщает о «все возрастающей зависти и противоречиях, которые царят при дворе» и могут помешать подготовке войны с Крымским ханством (Там же).

214 Архив СПбФ ИРИ РАН. Колл. 40. Оп. 1. № 57. Л. 154.

215 Там же. Л. 155 (Донесение от 15 октября 1683 г.).

216 *Королюк В. Д., Рогов А. И.* Битва под Веной в 1683 г. и русско-польские отношения (Документы Польского приказа о приезде в Москву польского посланника Яна Окрасы) // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965. С. 183—199.

217 *Королюк В. Д., Рогов А. И.* Битва под Веной в 1683 г. С. 192.

218 *Королюк В. Д., Рогов А. И.* Битва под Веной в 1683 г. С. 191—192. План, предложенный Яном Окрасой, не был так уже эксцентричен, как это может показаться с первого взгляда. Даже такой осторожный наблюдатель, как Иоганн фан Келлер, не исключал возможности похода на Крым, пока основные силы крымцев отступают в составе войска султана от стен Вены (Архив СПбФ ИРИ РАН. Колл. 40 (Донесения нидерландских дипломатических представителей в России XVII—XVIII вв.). Оп. 1. № 57. Л. 155об.

219 *Королюк В. Д., Рогов А. И.* Битва под Веной в 1683 г. С. 192.

220 *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 4 (Пруссия, Франция и Швеция). М., 1902. С. 200.

221 *Греков И. Б.* «Вечный мир» 1686 г. // Краткие сообщения Института славяноведения. 1951. № 2. С. 93—94.

222 *Никольский В. К.* Земский собор. С. 15.

223 ПСЗ. Т. II. СПб., [1830]. № 1056. С. 569; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Записные книги Московского стола. № 21. Л. 161—161об.; Ф. 199 (Портфели Миллера). № 130. Ч. 12. Д. 3. Л. 41.

224 РГАДА. Ф. 79 (Сношения с Польшей). Дела польские, 1683 г. № 14. Л. 80—81 (в Разряд). Л. 82 (в Казанский приказ).

225 *Никольский В. К.* Земский собор. С. 53. № 1 (Грамота в Ефремов). См.: Там же. С. 18—19.

226 *Беляев И. Д.* Судьбы земщины и выборного начала на Руси // ЧОИДР. Кн. 215(4). 1905. Отд. III (Исследования). С. 96.

227 *Латкин В.* Материалы для истории земских соборов XVII столетия (1619—20, 1648—49 и 1651 годов). СПб., 1884. С. 91.

[228] Там же. № 2—47. С. 93—128.
[229] Там же. № 36.
[230] Там же. № 17. С. 103—104.
[231] Там же. № 16. С. 102—103.
[232] Там же. № 10. С. 99.
[233] *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 321.
[234] *Латкин В.* Материалы для истории земских соборов. С. 89—90. Не проходит и правдоподобное с первого взгляда предположение о том, что «выборные списки» участников собора 1651 г. не сохранились. Дело в том, что на единственный сохранившийся «выбор» от Новосили сделана ссылка в отписке новосильского воеводы М. В. Дурышкина (Там же. № 29. С. 113—114). В отписках других воевод соответствующие сноски отсутствуют, что вызывает обоснованное сомнение в том, что в остальных городах подобные «выборы» действительно составлялись.
[235] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 628. Л. 61, 63, 64, 77, 173, 175, 179, 191—193, 231, 790, 798—799, 802, 809, 827, 838, 906.
[236] См. ниже.
[237] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 651. Л. 104—105, 108—110, 117—118, 122—124, 129—131, 271, 289, 315, 317—319, 333—334, 336—339, 341—343, 345, 359, 361, 364, 365, 367, 370, 373, 401, 402а—405, 408—409, 411, 418, 420, 427—430, 435; Столбцы Приказного стола. № 1170. Л. 1; *Никольский В. К.* Земский собор. № 3б—в. № 6. а[1]—г. С. 56—57, 60—63 (Опубликованы выборные списки Бежецкой и Обонежской пятин, Вязьмы (два), Твери, Яблонова и Усмани).
[238] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 651. Л. 122—124, 365, 359; *Никольский В. К.* Земский собор. С. 62. № 6г; ср.: Там же. С. 25.
[239] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 651. Л. 104—105об.
[240] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 651. Л. 338, 339, 341—343, 365 (Донков), 315, 345, 427—429 (Лебедянь), 403, 418 (Ефремов), 317, 373, 420 (Козлов).
[241] Там же. Л. 315об., 345об., 427—429об.
[242] См.: *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Мирские организации и воеводская власть в Сибири в XVII в. // ИСССР. 1986. № 1. С. 47—68.
[243] *Никольский В. К.* Земский собор. С. 30.
[244] Запись отписки мценского воеводы М. Беклемишева 1684 г., января 17 // РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Книги Белгородского стола. № 122. Л. 404об.—405.

[245] Запись отписки воротынского воеводы С. Зуева. 1684 г., января 21 // Там же. Л. 392—392об.

[246] *Шмелев Г.* Отношение населения и областной администрации к выборам на земские соборы в XVII веке // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С.497.

[247] *Никольский В. К.* Земский собор. С. 26.

[248] Отписка ярославского воеводы стольника И. Аничкова и дьяка П. Ляпина. 1684 г., января 7 // РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Книги Белгородского стола. № 122. Л. 403об.

[249] Отписка переяславского воеводы стольника М. Селиванова. 1684 г., января 15 // РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 651. Л. 257—258.

[250] Запись отписки переяславского воеводы стольника М. Селиванова. 1684 г., января 28 // РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Книги Белгородского стола. № 122. Л. 414.

[251] Отписка можайского воеводы Н. Зеленова. 1684 г., 25 января // Там же. Л. 397.

[252] Запись отписки старицкого воеводы кн. С. Шелешпальского. 1684 г., января 28 // Там же. Л. 414об.—415. Этот случай, правовое значение которого не следует, конечно, преувеличивать, тем не менее, весьма характерен. Речь идет, несомненно, о выборе на предыдущий земский собор («о ратных и земских делах»), состоявшийся в 1682 г. Следовательно, в глазах современников (во всяком случае, с точки зрения воеводской администрации), этот земский собор был подобен собору о «вечном мире» с Польшей, поскольку прежние полномочия оставались в силе.

[253] *Воробьев В. М., Дегтярев А. Я.* Русское феодальное землевладение. От Смутного времени до кануна петровских реформ. Л., 1986.

[254] Записная книга Новгородской приказной палаты // БАН. 16.18.19. Л. 26. Запись в книге не датирована. Определить дату присылки царской грамоты — 26 декабря 1683 г. — помогает ответная отписка новгородского воеводы, в которой грамота процитирована почти полностью (Опубл.: *Никольский В. К.* Земский собор. С. 55. № 3а).

[255] *Никольский В. К.* Земский собор. С. 55—56. № 3а. Здесь же опубликованы «выборы» Бежецкой и Обонежской пятин, относящиеся соответственно к 28 и 29 декабря 1683 г. (С. 56—57. № 3 б—в).

[256] БАН 16.18.19. Л. 23.

[257] БАН 16.18.19. Л. 24об.

[258] Там же. Л. 25об.

[259] *Никольский В. К.* Земский собор. № 3г. С. 57.

[260] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 651. Л. 326.

261 БАН 16.18.19. Л. 26.

262 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 651. Л. 283—283об. Сохранился лишь отрывок чернового отпуска грамоты. О всем документе в целом дает представление запись в книге Новгородской приказной палаты (БАН. 16.18.19. Л. 26—26об.).

263 БАН. 16.18.19. Л. 30.

264 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Книги Московского стола. № 21. Л. 163—170об., 173—175; ср. копию XVIII в., позволяющую восстановить некоторые строки в обветшавшем от времени подлиннике: РГАДА. Ф. 199 (Портфели Г.-Ф. Миллера). XII. Тетр. 3. Л. 43—46об. и Л. 48об.—50.

265 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Книги Белгородского стола. № 121. Л. 410об., 418; Столбцы Московского стола. № 651. Л. 103, 105, 424; *Никольский В. К.* Земский собор. С. 60. № 6а[1]).

266 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Книги Белгородского стола. № 121. Л. 449; Столбцы московского стола. № 651. Л. 407.

267 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Книги Белгородского стола. № 121. Л. 331об., 349, 361, 362, 370об., 393об., 395об., 397об., 403об., 408об., 436об.; Столбцы Московского стола. № 651. Л. 121, 123, 260, 270, 271, 371, 430; Столбцы Приказного стола. № 1170. Л. 1; *Никольский В. К.* Земский собор. С. 58. № 4а; С. 62. № 6в.

268 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 651. Л. 371.

269 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 651. Л. 121, 123; Столбцы Приказного стола. № 1170. Л. 1; *Никольский В. К.* Земский собор. С. 58. № 4а.

270 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Книги Белгородского стола. № 121. Л. 331об., 397, 410; Столбцы Московского стола. № 651. Л. 270, 271.

271 ПСЗ. Т. II (1676—1688). [СПб.], 1830. № 779. С. 219—220.

272 Там же. № 1062. С. 576.

273 *Никольский В. К.* Земский собор. С. 47.

274 РГИА. Ф. 1261 (II Отделение Собственной е. и. в. канцелярии). Оп. 7. № 6. Статьи ПСЗ, подготовленные к изданию. 1682—88 гг. № 907—1327. № 1062. Л. 305.

275 ПСЗ. Т. II (1676—1688). [СПб.], 1830. № 1062. С. 576.

276 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 651. Л. 446. Против имен многих дворян, следующих в списке за Б. К. Лупандиным, проставлена еще более лаконичная помета — «был» (Н. Ф. Качалов; Великий Новгород, Обонежская пятина) или «тож» (М. Я. Юрасов и

Д. М. Сибилев, Карачев). Само название списка («В нынещнем во 192-м году генваря с 5-го числа городовые дворяня дети боярские в приезде») свидетельствует, что речь идет не о приезде в столицу, а, скорее всего, о присутствии на тех же аудиенциях (Там же. Л. 446—447).

[277] Цит. по: *Никольский В. К.* Земский собор. С. 36.

[278] Дворцовые разряды. Т. IV. СПб., 1855. Стб. 266.

[279] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 651. Л. 133. Показательно, что черновая роспись сохранилась в составе того же столбца, что и основной массив документов о «выборных».

[280] Там же. Л. 135. «192-го генваря против 20-го числа за 3 час до света на дворы к бояром посланы подьячие» (роспись подьячих).

[281] Дворцовые разряды. Т. IV. СПб., 1855. Стб. 266—267.

[282] *Аделунг Ф. П.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. Ч. II. М., 1864. С. 227.

[283] Допрос отставного подьячего Приказа Большого дворца Я. Самойлова в Стрелецком приказе. 1684 г., марта 13 // РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 1314. Л. 58. На допросе Я. Самойлов отказался от вменяемых ему слов о том, что на боярина кн. В. В. Голицына был якобы «гнев великих государей, за то что собраны были на Москве двойники и он их роспустил без их государского указу» (Там же. Л. 54).

[284] *Возгрин В. Е.* Источники по русско-скандинавским отношениям XVI—XVIII веков // Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве ЛОИИ СССР. Археографический сборник. Л., 1982. С. 155. Прим. 238.

[285] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Записные книги Московского стола. № 21. Л. 173—174об.; Ф. 199 (Портфели Миллера). № 130. Ч. 12. Д. 3. Л. 47об.—48об.

[286] *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1. Господство царевны Софьи. СПб., 1858.

[287] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. VII. Т. 13—14. М., 1962. С. 409—410.

[288] *Белов М. И.* К истории дипломатических отношений России во время Крымских походов (1686—1689 гг.) // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 14. № 112. С. 154—156.

[289] Вообще, придворная оппозиция правительству регентства представляется М. И. Белову не очень определенно. Так, он даже выводит (без каких бы то ни было оснований) боярина Р. М. Стрешнева в качестве врага кн. В. В. Голицына, а кн. М. А. Черкасского, настоящего противника «канцлера предпетровской поры», путает с его дальним родственником кн. Я. К. Черкасским. Точно так же неопределенно пишет

М. И. Белов и о «русском командовании», не упоминая, что входившие в его состав воеводы представляли различные думные и придворные группировки. В этом смысле характерно смешение историком в двух местах боярина Б. П. Шереметева, командовавшего Белгородским разрядом во время 2-го Крымского похода, с его отцом боярином П. В. Шереметевым (*Белов М. И.* К истории дипломатических отношений России. С. 173, 177). Более того, в дальнейшем у М. И. Белова появляется никогда не существовавший боярин Н. В. Шереметев (Там же. С. 186).

290 *Белов М. И.* К истории дипломатических отношений России. С. 180—182.

291 Там же. С. 183.

292 *Бабушкина Г. К.* Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. // ИЗ. Т. 33. [М.], 1950. С. 158—172.

293 *Богданов А. П.* Летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII века. Рукопись кандидатской диссертации. М., 1983. Т. 1—2; *он же.* Летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII века. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1983.

294 ДРВ. Ч. XVI. 2-е изд. М., 1791. С.378.

295 *Де ла Невилль.* Записки о Московии. С. 138.

296 *Куракин Б. И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 1. Бумаги кн. Б. И. Куракина (1676—1727). СПб., 1890. С. 51—52.

297 ДРВ. Ч. XVI. 2-е изд. М., 1791. С. 378—379.

298 РНБ. Ф. 885 (Эрмитажное собр.). № 567. Летописец кн. А. Я. Дашкова. Л. 162об.

299 *Татищев В. Н.* Царство царя Федора Алексеевича // Татищев В. Н. История Российская. Т. 7. Л., 1968. С. 176. Местнические столкновения провоцировались и другими назначениями. Так, окольничему кн. Ф. Л. Волконскому велено было «о всяких делах писать в Белгород», тому же боярину кн. М. А. Голицыну, а не непосредственно царям. Однако, когда кн. М. А. Голицын забрал у кн. Ф. Л. Волконского старого подьячего Дементия Белого, взамен которого был прислан подьячий Ларион Орехов, «который слеп, и дряхл, и писать не видит», то «товарищ» пожаловался на воеводу в Москву. Наказание за этот проступок было незаслуженно жестоким. В царской грамоте, посланной кн. Ф. Л. Волконскому, сообщалось: «И мы, великие государи, указали за тое твою вину, что ты к нам, великим государем, писал на него боярина нашего и воеводу князя Михаила Андреевича, посадить в тюрьму тебя на день дияку Климу Судейкину» (Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 33 (Волконские). Оп. 1. № 62. Л. 1—2).

300 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 749. Столпик 5. Л. 89; *Седов П. В.* Социально-политическая борьба в 70-х—80-х гг. XVII в. и отмена местничества. Рукопись кандидатской диссертации. Л., 1985. С. 121.

301 Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. III. СПб., 1888. Стб. 1099—1100. Сохранилось (в списках) 56 писем кн. В. В. Голицына к Ф. Л. Шакловитому за время 1-го Крымского похода. К сожалению, ответных писем почти не сохранилось (Там же. Стб. 1096—1114). Так как почти все письма не датированы, большое значение приобретает записная книга писем, присланных «в Верх» в 1687 г. из Большого полка кн. В. В. Голицына (РГАДА. Ф. 27 (Приказ тайных дел). № 450. 17 л.).

302 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Книги Московского стола. № 132. Список с распределением на роты стольников, стряпчих, дворян и жильцов, назначенных на время Крымского похода в полк кн. В. В. Голицына (1687 г.). 183 л. Характерно, что к 1689 г. число подобных рот не только не уменьшилось, но, напротив, возросло до 33 (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Книги Московского стола. № 144. Список ротмистров, поручиков и хорунжих у служилых людей московских чинов в Большом полку на время Крымского похода (1689 г.). Л. 405—423об.

303 РНБ. Ф. 885 (Эрмитажное собр.). № 567. Летописец кн. А. Я. Дашкова. Л. 162.

304 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Книги Московского стола, № 132. Л. 1—188.

305 Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. III. СПб., 1888. Стб. 1101.

306 Там же. Стб. 1102.

307 Там же. Стб. 1103.

308 Там же. Стб. 1105.

309 Там же. Стб. 1104.

310 Там же. Стб. 1105.

311 *Маркевич А. И.* О местничестве. Ч. 1. Русская историография в отношении к местничеству. Киев, 1879. С. 20—22.

312 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Смотренные списки. № 70. Л. 11об., 12об.—14, 15об., 16, 17об., 28об., 43—44об., 47, 49об.

313 *Савелов Л. М.* Переписка патриарха Иоакима с воеводами, бывшими в Крымских походах 1687 и 1689 годов // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 40. Симферополь. 1907. С. 3. Переписка опубликована Л. М. Савеловым по непереплетенному сборнику № 4 Синодальной библиотеки.

314 *Савелов Л. М.* Переписка патриарха Иоакима. С. 4. Не случайно эта чересчур откровенная приписка оказалась опущенной в тексте письма, приведенном в официальном сборнике посла-

ний патриархов Иоакима и Адриана (Икона, или изображение великия соборныя церкве всероссийскаго и всех северных стран патриарша престола приключившихся дел в разная времена и лета // РНБ. Собр. Погодина. № 1115. Л. 87об.).

315 РНБ. Собр. Погодина. № 1115. Л. 88—89. Письмо кн. В. В. Голицына было отправлено «из обозу, переправясь речку Коломак, майя в 17 день, 195-го году».

316 *Савелов Л. М.* Переписка патриарха Иоакима. С. 5.

317 Ектении о победе на агаряны. М., 1687. Оба издания идентичны по содержанию и сходны даже по количеству страниц исключая некоторые типографские особенности (*Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. № 405—406. С. 116—117). Оба издания сохранились в одном экземпляре; и тот, и другой хранятся в Музее книги РГБ.

318 Ектении о победе на агаряны. Л. 8. На это упоминание впервые обратила внимание И. В. Поздеева (Русские литургические тексты как источник изучения государственной идеологии XVII в. (к постановке вопроса) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск. 1964. С. 31).

319 *Возгрин В. Е.* Источники по русско-скандинавским отношениям XVI—XVIII веков // Рукописные источники по истории Западной Европы в Архиве ЛОИИ СССР. Археографический сборник. Л., 1982. С. 152.

320 Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. III. СПб., 1888. Стб. 1103, 1104. Если ответное письмо кн. В. В. Голицына сохранилось полностью, то о содержании «грамотки» Ф. Л. Шакловитого позволяют судить лишь ответы кн. В. В. Голицына на вопросные статьи, данные им уже в ссылке (Там же. Стб. 1175).

321 *Michneva R.* La participation de la Russie dans les guerres de Saint Alliance — les années 80—90 du XVII siècle. Le comte Luigi: Marsigli et son rapport «Delli successi possibili delle armi della Moscovia contro l'ottomano Impero» // Études Balkaniques. Sofia, 1979. № 2. P. 102.

322 Москва в 1687—1688 гг. Письма Христофора Кохена // Русская старина. 1878. Т. XXIII. № 1. С. 122.

323 *Gordon P.* Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Bd. II. Leipzig, 1851. S. 233—234 (2.X.1688).

324 Москва в 1687—1688. С. 125.

325 Житие и завещание святейшего патриарха московского Иоакима (ОЛДП. Вып. XLVII). СПб., 1897. С. 131—132.

326 Тексты грамоты опубликованы: *Каптерев Н. Ф.* Приезд в Москву Павловского афонского монастыря архимандрита Исайи в 1688 году с грамотами от прежде бывшего Константинопольского патриарха Дионисия, сербского патриарха Арсения

и валахского господаря Щербана с просьбою, чтобы государи освободили их от турецкого ига // Творения святых отцов в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии. Кн. III. М., 1889. С. 272—275.

327 *Каптерев Н. Ф.* Приезд в Москву Павловского афонского монастыря архимандрита Исайи в 1688 году... С. 302—305.

328 Сомнения историка подтверждает и такой важный штрих, как заступничество за Исайю, в бытность его в тюрьме, имперского дипломата Андрея Стилло, тайного информатора кн. В. В. Голицына (*Махатка О.* Взаимоотношения России, Австрии и Польши в связи с антитурецкой войной в 1683—1699 гг. Рукопись кандидатской диссертации. Л., 1958. С. 147—148). Это свидетельствует о том, что отношение «канцлера предпетровской поры» к Исайе было куда более доверительным, нежели последний это представил в своих позднейших показаниях. Исайя впоследствии постарался показать, что им двигало лишь желание не принести «некоего вреда» своей душе. В 1691 г. Иоакима уже не было в живых, а Голицын находился в северной ссылке, так что подтвердить или опровергнуть показания о тайных переговорах было некому.

329 Эта выходка Л. Р. Неплюева очень характерна. Она косвенно подтверждает сообщение «Жития» патриарха Иоакима о том, что он однажды отказал царевне Софье Алексеевне в благословении (Житие и завещание святейшего патриарха московского Иоакима. (ОЛДП, XLVII). СПб., 1897. С. 63—64).

330 *Лаврентьев А. В.* «Записка государевым мерным верстам и станом того Крымского походу по верстам мерному колесу» 1689 г. // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1968. С. 215.

331 Там же. С. 217.

332 *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1. Господство царевны Софьи. СПб., 1858. Приложение IX. № 20. С. 368.

333 *Лаврентьев А. В.* «Записка государевым мерным верстам...». С. 217.

334 *Де ла Невилль.* Записки о Московии. С. 147. Последнее сообщение многое объясняет как в политической биографии самого Б. П. Шереметева, так и в перипетиях придворной борьбы. Пожалованный в бояре 26 июня 1682 г. Б. П. Шереметев уже на следующий год оказывается на воеводстве в Пскове. Примечательно, что после своего прихода к власти осенью 1689 г. Нарышкины также удалят будущего петровского фельдмаршала, на этот раз в Белгород, где он и пробудет до 1697 г. (*Crummey R. O.* Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia. 1613—1689. Princeton. 1983. P. 204; *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 30, 186). О том,

что влияния Б. П. Шереметева опасался не только кн. В. В. Голицын, но и сам Петр, свидетельствует эпизод, сообщаемый И. Г. Корбом, время действия которого относится к 1697 г. Когда Петр перед отъездом за границу обсуждал в Думе вопрос о том, кто будет ведать Москву в его отсутствие, и один из бояр назвал Б. П. Шереметева, то царь «дал ему пощечину и спросил его гневным голосом: "Неужели и ты ищешь его дружбы?" (*Корб И.-Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). Перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1906. С. 138; см. также: *Заозерский А. И.* Фельдмаршал Шереметев и правительственная среда петровского времени // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 173—198; *он же.* Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989).

[335] *Лаврентьев А. В.* «Записка государевым мерным верстам...». С. 217.

[336] *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1. Приложение IX. № 21. С. 370; № 22. С. 370—371.

[337] *Савелов Л. М.* Переписка патриарха Иоакима с воеводами, бывшими в Крымских походах 1687 и 1689 годов // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 40. Симферополь, 1907. С. 19—20.

[338] *Гаркави А.* Отрывки из исторического сочинения Давида Лехно // Отчет императорской Публичной библиотеки за 1882 год. СПб., 1884. Приложение II. С. 8—9. Об этом источнике см.: *Боровой С. Я.* Давид Лехно и его история Крымского ханства // ИЗ. Т. 10. [М.], 1941. С. 296—299.

[339] *Савелов Л. М.* Переписка патриарха Иоакима с воеводами, бывшими в Крымских походах 1687 и 1689 годов. С. 20—23.

[340] СГГД. Ч. IV. М., 1828. № 198. С. 600; ср.: ПСЗ. Т. III. СПб., [1830]. № 1349. С. 23 (царская грамота от 27 июля 1689 г.).

[341] Памятники сношений древней России с державами иностранными. Т. X. СПб., 1871. Стб. 1377.

[342] Там же. Стб. 1378.

[343] СГГД. Т. IV. М., 1828. № 203. С. 617—619; ПСЗ. Т. III. СПб., [1830]. № 1351. С. 38—40.

[344] *David I.* Status Modernus Magnae Russiae seu Moscoviae. Ed. by A. V. Florovskij. The Hague, 1965 (Slavic printings and reprintings, ed. by C. H. Van Schooneveld, LIV). P. 65; *Давид И.* Современное состояние Великой России или Московии. Пер. Ю. Е. Копелевич. Подг. к публ. и пред. А. С. Мыльникова // ВИ. 1968. № 1. С. 127.

[345] *Де ла Невилль.* Записки о Московии. С. 149.

[346] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. I. СПб., 1883. Стб. 26—27.

[347] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. III. СПб., 1888. Стб. 1023.

348 *Де ла Невилль*. Записки о Московии. С. 149.

349 *David I*. Status Modernus Magnae Russiae seu Moscoviae. The Hague, 1965. P. 65.

350 Так, розыск показал всю несостоятельность слухов о «крымском золоте», якобы полученном кн. В. В. Голицыным за отход от Перекопа, которые сообщают многие источники (Лiтопис Самовидця. Iсторiогр. пам'ятка другої пол. XVII в. Киев, 1971. С. 177; Дневниковые записки И. А. Желябужского // Русский архив, 1910. № 9. С. 16; *Лазаревский А*. Черниговская летопись по новооткрытому списку // Кивская старина. 1890. Апрель—июль. Приложение. С. 89). Стольник И. А. Змеев, бывший заложником во время переговоров, показал в распросе, что «о даче, ему, князь Василью, золотых не слыхал, и золотых он, Илья, у татар не бирывал и князь Василью не приваживал» (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. III. СПб., 1888. Стб. 1043). На один из источников этих слухов, берущих начало еще в 1687 г., как это было показано выше, позволяет указать сообщение караимского хрониста Д. Лехно. Согласно Лехно, когда русские воеводы приняли решение отступить, то «они послали к хану и обязались ему заплатить сокровищами золота и серебра за то, что он их не будет преследовать». Следуя этому соглашению, крымцы шли за русскими войсками вплоть до Днепра (реки Узу, как называет ее хронист), находят по дороге брошенные вещи, одежду и «бесчисленное множество бездыханных трупов». Однако, добравшись до переправы, русские «отступились от своего слова и не заплатили того, о чем условились с Крымским ханом» (*Гаркави А*. Отрывки из исторического сочинения Давида Лехно // Отчет императорской Публичной библиотеки за 1882 год. СПб., 1884. Прил. III. С. 9). Таким образом, кн. В. В. Голицын не был подкуплен крымцами, да им и незачем было бы делать это. Напротив, самим русским воеводам надо было откупаться от татар, обеспечивая себе безопасный отход.

351 Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. III. СПб., 1888. Стб. 1045—1046.

352 РГИА. Ф. 834 (Синод). Оп. 3. № 3764. Л. 153—158. Послание датировано 19 июня 1689 г.

353 Архив СПбФ ИРИ РАН. Колл. 40 (Донесения нидерландских дипломатических представителей в России в XVI—XVIII вв.). Оп. 1. № 58. Л. 147об.

К главе третьей

(с. 157—190)

1 Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1883. Стб. 1—4.

2 *Бакланова Н. А.* Обстановка московских приказов в XVII веке // Труды ГИМ. Вып. III. Разряд общий исторический. М., 1926. С. 56.

3 Впоследствии «прибылой караул» был еще более усилен по приказу царевны Софьи Алексеевны (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1883. Стб. 327). После переворота Петру пришлось особым указом восстанавливать прежний порядок. Отныне полагалось «ставить на прибылой караул на Лыков двор по капитану да стрельцов по сту человек з знаменем, и з барабаны, и со всем ратным строем, бес пушек, а подполковников не ставить» (Записная книга Стрелецкого приказа 1689/90 гг. // Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Владимирское отделение. № 5636/513. Л. 1—1об. Далее — ВСМЗ).

4 Здесь же находились и стрелецкие конюшни (ВСМЗ. № 5636/513. Л. 47).

5 Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1. М., 1872. № 414. С. 102—103.

6 *Погодин М. П.* Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. М., 1875. С. 215—216.

7 *Шмурло Е. Ф.* Падение царевны Софьи // ЖМНП. 1896. Ч. 303. № 1. С. 47—48.

8 ВСМЗ. № 5636/513. Л. 306—306об.

9 Там же. Л. 516.

10 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Смотренные списки. № 70. Л. 10об.

11 Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1. М., 1872. № 438. С. 108.

12 ГИМ ОПИ. Ф. 167 (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках). № 1. Л. 1—6.

13 Там же. Л. 7—19. Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1883. Стб. 6—12. Бумага с водяным знаком «голова шута».

14 «К сему допросу пятидесятник Митька Мельнов и вместо десятника Якова Ладогина по ево веленью [руку] приложил» (ГИМ ОПИ. Ф. 167 (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках). № 1. Л. 1об.—6об., 7); «а Яков Ладогин сказал те ж речи, а убавил только, что он в Кремле не был» (Там же. Л. 6—7).

15 Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1883. Стб. 1—2.

[16] Косвенное указание на то, что «Извет» был составлен задним числом, находится и в самом тексте документа. Так, Мельнов и Ладогин говорят о своем побеге из Москвы и «извете» Петру в прошедшем времени: «И он де, Дмитрей... того ж полку с стрельцом Якушкою Ладогиным побежали к великому государю в поход, в село Преображенское, и о том известили великому государю» (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. Стб. 4).

[17] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. Стб. 1—2.

[18] ГИМ ОПИ. Ф. 167 (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках). № 1. Ссылки на листы в тексте.

[19] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1883. Стб. 25—34.

[20] *Gordon P.* Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Bd. II. Leipzig. 1851. S. 269.

[21] Ibid. S. 270. Н. Г. Устрялов совершенно справедливо отметил, что речь идет о протопопе Меркурии (*Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. II. Потешные и Азовские походы. СПб., 1858. С. 64).

[22] *Gordon P.* Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Bd. II. Leipzig. 1851. S. 271.

[23] *Куракин Б. И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 1. Бумаги кн. Б. И. Куракина (1676—1727). СПб., 1890. С. 53, 59.

[24] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1883. Стб. 336. При этом нельзя игнорировать и противоположного свидетельства кн. Б. И. Куракина, утверждающего, что указ «к боярам и всей палате», «дабы ехали в Троицкой монастырь», все-таки «был послан» (*Куракин Б. И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 1. Бумаги кн. Б. И. Куракина (1676—1727). СПб., 1890. С. 59).

[25] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Смотренные списки. № 70. Л. 10—11. См. также: Книга дядькам и мамам и боярыням верховым и стольникам царевичевым // Временник МОИДР. Кн. IX. М., 1851. С. 46; *Долгоруков П.* Российская родословная книга. СПб., 1855. Ч. 2. С. 58, 115 и сл.

[26] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Смотренные списки. № 70. Л. 10—11об., 121—124, 125об.—126.

[27] Там же. Л. 132—132об.

[28] *Куракин Б. И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 1. Бумаги кн. Б. И. Куракина (1676—1727). СПб., 1890. С. 59, 60.

[29] *Neuville de la.* Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. Paris, 1698. P. 131. Ср. также: Hannover. Niedersächsische

Landesbibliothek. Handschriftenabteilung. Ms. XXXIII. № 1750. P. 34.

[30] Paris. Bibliothèque Nationale. Département des manuscrits. Ms. fr. Nouv. acq. № 5114. P. 35.

[31] Восстание московских стрельцов. 1698 год (Материалы следственного дела). М., 1980. С. 271, 272; Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела БАН. Вып. 1. XVIII век М.; Л., 1956. С. 57—58.

[32] *Де ла Невиль*. Записки о Московии. С. 154.

[33] *Де ла Невиль*. Записки о Московии. С. 154—155.

[34] *Шмурло Е. Ф.* Падение царевны Софьи // ЖМНП. 1896. Ч. 303. № 1. С. 90. Прим. 1.

[35] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Смотренные списки. № 70. Л. 189.

[36] *Куракин Б. И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 1. Бумаги кн. Б. И. Куракина (1676—1727). СПб., 1890. С. 60.

[37] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1883. Стб. 289—290.

[38] Там же. Стб. 289—292.

[39] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Смотренные списки. № 70. Л 135об.

[40] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1883. Стб. 320; ср. поименные росписи стрельцов (Там же. Стб. 305—318).

[41] Ее сопровождали бояре кн. В. В. Голицын, кн. В. Д. Долгоруков, кн. М. Я. Черкасский, А. С. Шеин, кн. А. И. Голицын, Л. Р. Неплюев, окольничие В. А. Змеев, В. С. Нарбеков, М. П. Измайлов, С. Ф. Толочанов, П. Л. Львов, думные дворяне Ф. С. Нарбеков и Г. И. Косагов, думный дьяк Е. И. Украинцев (Дворцовые разряды. Т. IV. СПб., 1855. Стб. 478; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. № 733. Столпик 6. Л. 251—253).

[42] *Тихомиров М. Н.* Записки приказных людей конца XVII в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 260.

[43] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1883. Стб. 236.

[44] Там же. Стб. 367—370.

[45] *Gordon P.* Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Bd. II. Leipzig. 1851. S. 277.

[46] Ibid. S. 278.

[47] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Смотренные списки. № 70. Л. 136об.—138, 141—141об., 143об.—144об., 147—148, 149, 150об., 152, 153.

[48] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Смотренные списки. № 70. Л. 66—69.

49 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. (1688—1701). СПб., 1887. № 10. С. 13—14.

50 Это отметили еще издатели «Писем и бумаг...» (Т. 1. С. 488). Исследование подлинника письма (РГАДА. Ф. 4 (Переписка лиц императорской фамилии и других высочайших особ) № 2. Л. 1—4) не позволило отождествить его почерк с известными почерками приближенных Петра. Последующие письма Петра брату, относящиеся к 21 июля и 9 августа 1694 г., написаны другим почерком (Там же. Л. 5—6 и 7—8, ср.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1 (1688—1701). СПб., 1887. С. 24—25).

51 *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. II. Потешные и Азовские походы. СПб., 1858. С. 78. Прим. 94.

52 *Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии. [М.], 1940. С. 86.

53 Дворцовые разряды. Т. IV. (с 1676 по 1701 г.). СПб., 1855. Стб. 482 и 485.

54 *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. II. С. 343. Прим. 17. Необходимо остановиться на еще одной датировке указа об исключении имени регентши из царского титула, встречающейся в литературе. Согласно выпискам из польских дел Посольского приказа, сделанным для Н. И. Панина, польский резидент в Москве Юрий-Доминик Довмонт еще 5 сентября поздравил царей с началом самостоятельного правления (*Лермонтова Е. Д.* Самодержавие царевны Софьи Алексеевны по неизданным документам. (Из переписки, возбужденной графом Паниным) // Русская старина. 1912. Т. 149. № 3. С. 543—544). Однако обращение к подлинным документам показывает, что все дело в ошибке архивиста XVIII века. Просматривая столбец с «конференциями» польского резидента и думного дьяка Е. И. Украинцева, он обратил внимание на заголовок записи беседы между ними, имевшей место 5 сентября 1689 г. (РГАДА. Ф. 79 (Сношения с Польшей). 1689 г. Оп. 1. № 5. Л. 348) и отнес его ко всему последующему тексту. Между тем этот текст содержит записи по меньшей мере нескольких последующих «конференций». На одной из них, состоявшейся 19 сентября (ее заголовок, находящийся там же, на л. 355, архивист просто пропустил) Довмонт и принес царям свои поздравления в связи с «ныне... учиненным новым делом правления...» (РГАДА. Ф. 79 (Сношения с Польшей). Оп. 1. № 5. Л. 356).

55 Дворцовые разряды. Т. IV. СПб., 1855. Стб. 483-484.

56 Архив СПбФ ИРИ РАН (Рукописи Археографической комиссии). № 89. Л. 6, 10. О Записной книге см.: *Барсуков Н.* Рукописи Археографической комиссии. СПб., 1882. С. 48.

57 *Де ла Невилль.* Записки о Московии. С. 156. Неточный перевод А. И. Браудо («...куда царь созвал всех бояр») создает

впечатление об участии всей Боярской думы в розыске (Записки де ла Невилля о Московии // Русская старина. 1891. Т. XXII, ноябрь. С. 255).

58 Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1884. Стб. 165.

59 РГБ. Ф. 205 (Собрание ОИДР). № 219. Л. 238об.

60 *Долгоруков П.* Российская родословная книга. Ч. 2. СПб., 1855. С. 58.

61 Книга дядькам и мамам и боярыням верховым и стольникам царевичевым // Временник МОИДР. Кн. IX. М., 1851. С. 46, 41.

62 *Голицын Н. Н.* Род князей Голицыных. Т. 1. Материалы родословные. СПб., 1892. С. 123.

63 *Crummey R. O.* Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia. 1613—1689. Princeton, 1983. P. 210.

64 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские списки. № 31. Л. 7об.

65 *Голицын Н. Н.* Род князей Голицыных. Т. 1. Материалы родословные. СПб., 1892. С. 121—123.

66 Там же. С. 119, 121; *Архимандрит Леонид.* Исследование о роде Стрешневых // ЧОИДР. 1872. Кн. 2. Отд. V (Смесь). С. 16.

67—67 Вписано над строкой.

68—68 Зачеркнуто.

69—69 Зачеркнуто.

70 Все эти перекомпоновки текста роспросных речей были произведены еще в Приказе розыскных дел. Перевернув сставы, содержащие роспросные речи Федора Шакловитого, мы убеждаемся в том, что скрепа («думной диак Автамон Иванов»), идущая по оборотной стороне каждого листа, ни разу не нарушена. Ее автор — думный дьяк А. Иванов — был в Троице и участвовал в розыске по делу Федора Шакловитого. Следовательно, в его руки текст роспросных речей попал уже отредактированным (ГИМ ОПИ. Ф. 167 (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках). № 3. Л. 1об.—29об).

71 Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1884. Стб. 166—167.

72 Розыскные дела. Т. 1. Стб. 165—166.

73 Розыскные дела. Т. 1. Стб. 173.

74—74 Вписано над строкой.

75—75 То же.

76 ГИМ ОПИ. Ф. 167 (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках). № 3. Л. 13.

77 Эта запись — «Было ему 15-ть ударов» — написана другим почерком, отличным от окружающего ее текста роспросных речей (Там же. Л. 24).

78 *Ровинский Д. А.* Материалы для русской иконографии. Вып. V. СПб., 1886. № 174.
79 Розыскные дела. Т. 1. Стб. 174—175.
80 *Gordon P.* Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Bd. II. Leipzig. 1851. S. 281—282 (9.IX.1689).
81 Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1883. Стб. 177—178.
82 На обороте в середине листа «Федка Шакловитой», на обороте по склейке «руку» и, в конце сказки, на лицевой стороне, «приложил» (Там же).
83 Согласно чешскому иезуиту Иржи Давиду, Шакловитый «обещал, что перед смертью письмом сообщит светлейшему Петру весь ход заговора против него» (*Давид И.* Современное состояние великой России или Московии. Пер. Ю. Е. Копелевич. Подг. к публ. А. С. Мыльникова // ВИ. 1968. № 1. С. 128. *David I.* Status Modernus Magnae Russiae seu Moscoviae (1690). The Hague, 1965. P. 66). Невиль сообщает, что Шакловитый из тюрьмы «написал царю Петру, изложив ему в подробностях все обстоятельства дела. Он показал ему, что был втянут в это жестокое предприятие, и назвал зачинщиков» (*Де ла Невилль.* Записки о Московии. С. 156).
84 Розыскные дела. Т. 1. Стб. 177—178.
85 *Gordon P.* Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Bd. II. Leipzig. 1851. S. 269. (10.VIII.1689).
86 Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1884. Стб. 178.
87 *Gordon P.* Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Bd. II. Leipzig. 1851. S. 270—271 (16.VIII.1689).
88 ГИМ ОПИ. Ф. 167 (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках). № 3. Л. 28. Сохранился только первый сстав; полулист, содержащий конец сказки, утрачен. Поэтому до нас дошла лишь первая часть автографа Шакловитого: «Федор Шакловитой руку приложил» (Там же. Л. 28об.). Никаких сомнений подлинность подписи не вызывает; по сравнению с автографом Шакловитого аналогичного содержания на предсмертной сказке (ГИМ ОПИ. Ф. 167. № 3. Л. 35, 12.IX.1689), буквы выписаны более раздельно. Возможно, здесь сказалось состояние подследственного: избитый накануне плетьми до полусмерти, он с трудом вывел свой обычный росчерк.
89 *Де ла Невилль.* Записки о Московии. С. 156.
90 *Куракин Б. И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 1. Бумаги кн. Б. И. Куракина (1676—1727). СПб., 1890. С. 61. Вероятно, отсюда этот эпизод был заимствован кн. М. М. Щербатовым: «Князь Борис Алексеевич Голицын предпочел сохранение здоровья государева возвышению своего рода, спас Петра Великого во младенче-

стве и винному родственнику своему пощаду живота испросил» (О повреждении нравов в России // Вопросы философии. 1982. № 9. С. 125).

[91] *Gordon P.* Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Bd. II. Leipzig. 1851. S. 279 (9.IX.1689).

[92] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. III. СПб., 1888. Стб. 3—6.

[93] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. III. СПб., 1888. Стб. 15—16.

[94] *Де ла Невилль.* Записки о Московии. С. 163.

[95] *Gordon P.* Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Bd. II. Leipzig. 1851. S. 283.

[96] *David I.* Status Modernus Magnae Russiae seu Moscoviae (1690). The Hague, 1965. P. 66; *Давид И.* Современное состояние великой России или Московии // ВИ. 1968. № 1. С. 128.

[97] ГИМ ОПИ. Ф. 167 (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках). № 7. Л. 18—19. Ср.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884. Т. 1. Стб. 220.

[98] Причину нежелания Петра давать согласие на казнь Шакловитого вряд ли стоит видеть в его всепрощении. Напротив, Петр имел все основания предполагать, что с устранением Шакловитого можно будет свернуть и все дело. О том, что такие настроения присутствовали в Троице, говорит выступление дворян 9 сентября 1689 г. «Как только вчера многие из низшей знати услышали, что Шакловитый, вместо того, чтобы вновь подвергнуться пытке, должен быть казнен, то они собрались в монастыре и пришли, как говорили, из ревности к службе его Величества, чтобы просить, чтобы Шакловитого могли еще раз открыто допросить, чтобы он смог открыть своих единомышленников. Но им было сказано, что его Величество удовлетворен показаниями Шакловитого, а они не должны вмешиваться в эти вещи» (*Gordon P.* Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Bd. II. Leipzig. 1851. S. 283 (10.IX.1689)).

[99] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1884. С. V.

[100] РГАДА. Ф. 248 (Сенат). № 650. Л. 510—511.

[101] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1884. Стб. 203.

[102] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1884. Стб. 201—204.

[103] ГИМ ОПИ. Ф. 167 (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках). № 3. Л. 35. Ср.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1884. Стб. 203—204.

[104] РГБ. Ф. 205 (собр. ОИДР). № 219. «Летописец» Кариона Истомина. Л. 238об.

[105] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. III. СПб., 1888. Стб. 45—52.

[106] Там же. Стб. 67.

[107] Там же. Стб. 29.

[108] *Николай Михайлович, вел. кн.* Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М., 1914. С. 206.

[109] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. II. СПб., 1885. Стб. 532—533.

[110] Там же. Стб. 975—976.

[111] Дворцовые разряды. Т. IV. СПб., 1855. Стб. 484.

[112] Там же. Стб. 489. Окольничий И. Ю. Леонтьев был отправлен на воеводство в Севск (Там же. Стб. 487).

[113] *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. II. Потешные и Азовские походы. СПб., 1858. С. 95—102.

[114] *Аристов Н. Я.* Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871.

[115] *Погодин М. П.* Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. М., 1875. С. 156.

[116] *Белов Е. А.* Об историческом значении русского боярства до конца XVIII века. СПб., 1885.

[117] *Белов Е. А.* Московские смуты в конце XVII века // ЖМНП. Ч. 249. 1885, февраль. С. 355.

[118] *Шмурло Е. Ф.* Падение царевны Софьи // ЖМНП. 1895. Ч. 303. Январь. С. 38—95.

[119] *Томсинский С.* «Петровские» реформы (Борьба классов накануне реформ) // Историк-марксист. 1933. № 4(32). С. 53—80.

[120] *Маньков А. Г.* Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.; Л., 1962; *Волков М. Я.* 1) О становлении абсолютизма в России // История СССР. 1970. № 1. С. 90—104; 2) Монах Авраамий и его «Послание Петру I» // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 311—335; *Богданов А. П.* Летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII века. Дис. ... к. и. н. М., 1983. Т. I—II.

[121] *Маньков А. Г.* Развитие крепостного права. С. 73—75.

[122] *Богданов А. П.* Летописные и публицистические источники. Авт. дисс. ... к. и. н. С. 19.

[123] *Волков М. Я.* О становлении абсолютизма в России. С. 102.

[124] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 1 (Смотренные списки). № 70; описание см.: Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. Кн. 9. М., 1894. С. 95.

[125] *Куракин Б. И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 59.

[126] *Станиславский А. Л.* Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 123.

[127] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 2 (Боярские списки). № 28; о других боярских списках за 1688—1689 гг. см.: Описание бумаг и документов, хранящихся в МАМЮ. Кн. 9. М., 1894. С. 4.

[128] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 2 (Смотренные списки). № 70. Л. 7—7об. Это число было получено путем исключения бояр, находящихся на воеводствах — кн. М. Г. Ромодановского, кн. П. С. Прозоровского, А. П. Салтыкова, И. Ф. Волынского, А. П. Головина, князей Д. А. Борятинского и Н. И. Приимкова-Ростовского (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 2. № 28. Л. 1об.—3; *Барсуков А. П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 443, 458, 454, 548, 535, 557, 560), а такие отпущенного постричься кн. И. П. Борятинского и умерших кн. Н. И. Одоевского, кн. Ф. Г. Ромодановского и Г. Н. Собакина) (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 2. № 28. Л. 1—2).

[129] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Смотренные списки. № 70. Л. 7—7об.

[130] Н. Б. Голикова обратила внимание на нелестную характеристику, данную кн. В. В. Голицыну А. П. Соковниным, сообщником Цыклера по заговору 1697 г., которая, по ее мнению, была характерна для значительной части московского боярства («Чаю, они, стрельцы, возьмут по-прежнему царевну, а царевна... возьмет князя Василия Голицына, а князь станет попрежнему орать»). (*Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I. М., 1957. С. 93—94). Однако единства по вопросу об оценке деятельности В. В. Голицына не было даже в том узком кругу боярских семей, из которых вышли участники заговора 1697 г. В 1689 г. в Троице М. С. Пушкин, отец одного из заговорщиков, вместе с Б. А. Голицыным и гостем Иваном Панкратьевым посылал к кн. В. В. Голицыну, «чтоб он, князь Василей, ехал к великим государям наскоро в поход; а будет де он не поедет, и его князя Василья также будут писать, что и Федьку Шакловитого...» (Розыскные дела о Федоре Шакловитом. Т. II. СПб., 1885. Стб. 788).

[131] Переписка В. В. Голицына с Ф. Л. Шакловитым, на основании которой С. М. Соловьев охарактеризовал кн. М. А. Черкасского как «главного из... врагов» Голицына, относится к 1687 г. (*Соловьев С. И.* История России о древнейших времен. Т. 13—14. Кн. VII. М., 1962. С. 391—392). Однако есть основания полагать, что к 1689 г. Голицын примирился со своим противником: иначе трудно было бы объяснить, почему впос-

ледствии Голицын счел возможным просить его о покровительстве своему сыну и внукам (РГБ. Ф. № 35 (Боде-Кольчевы). Картон № 4, № 11. Л. 1—1об.).

132 *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 124 и сл.; ср.: Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 228.

133 А. П. Соковнин — в Конюшенном (*Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 80, 235; *Богословский Н. М.* Петр I. С. 90). М. С. Пушкин — во Владимирском Судном (*Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 117, 290).

134 *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. VII. Т. 13—14. М., 1962. С. 545 и сл.; *Богословский М. М.*: 1) Заговор Цыклера // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 330—340; 2) Петр I. [М.], 1940. С. 385—394; *Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I. М., 1957. С. 87—100.

135 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 2. (Боярские списки). № 28. Л. 3—4. Ср.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 733. Столпик. 2. Л. 73.

136 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 2. (Боярские списки). № 28. Л. 4об.

137 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 2 (Боярские списки). № 28. Л. 8—9. Ср.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 733. Столпик 2. Л. 73.

138 А. П. Соковнин, кн. Д. Н. Щербатой, кн. Ф. Л. Волконский, Я. С. Пушкин, кн. М. Н. Львов, М. В. Собакин, П. А. Лопухин (Меньшой), М. Ф. Нарышкин, И. А. Матюшкин, К. Ф. Нарышкин, И. С. Головкин, П. А. Лопухин (Большой), В. А. Лопухин, Д. Я. Стрешнев, И. И. Головин, Н. И. Акинфов, И. И. Нарышкин, П. М. Апраксин (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 5. (Смотренные списки). № 70. Л. 8—8об). Как и в предыдущем случае, исключены находившиеся на воеводствах: М. А. Мусин-Пушкин, кн. Ф. И. Шаховской, кн. Ф. Ф. Волконский, кн. В. Ф. Жирово-Засекин, Г. Ф. Нарышкин, М. Ю. Татищев (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 2 (Боярские списки). № 28. Л. 6об.—8; *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод. С. 457, 579, 525, 550, 574), умершие (А. И. Чириков, И. М. Татищев, С. Е. Полтев) и пожалованные в бояре (Л. С. Милославский, кн. Н. И. Приимков-Ростовский, Л. Р. Неплюев, Ф. А. Лопухин). РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 2 (Боярские списки). № 28. Л. 6—8об.

139 *Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. [М.], 1940. С. 86—94.

140 Дворцовые разряды. Т. IV. СПб., 1855. Стб. 483—487; *Gordon P.* Diary. 12.IX.1689. — РНБ. Англ., F. IV. № 6. Л.

103; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 148, 196, 126, 169, 29, 59, 138, 152, 51, 80.

141 *Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957. С. 79—80.

142 *Волков М. Я.* Монах Авраамий и его «Послание Петру I» // Россия в период Петра I. М., 1973. С. 325.

143 Архив СПбФ ИРИ РАН. Колл. 11 (Рукописи Археографической комиссии). № 89. О Записной книге см.: *Барсуков Н.* Рукописи Археографической комиссии. СПб., 1882. С. 48.

144 Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 483.

145 Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 484.

146 Там же. Стб. 484. 12 октября назначение было изменено: было велено быть с опальным С. Ф. Толочановым в Переяславле-Южном (Там же. Стб. 489).

147 Там же. Стб. 484. С. К. Богоявленский, сообщающий о том, что Ф. Ефимьев сидел в Разряде «до 14 сентября» 1689 г., не упоминает о назначении Б. Ступина на его место (Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. С. 149).

148 Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 484. С. Б. Веселовский неточен, утверждая, что Г. Т. Перекусихин сидел в Поместном приказе лишь с 22 июля 1690 г. (Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 228).

149 Там же. Стб. 485.

150 Там же. Стб. 488.

151 Архив СПбФ ИРИ РАН. Колл. 11. № 89. Записная книга Московского стола Разрядного приказа. Л. 6. С. К. Богоявленский упоминает об этом назначении под 18 декабря 1689 г. (Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. С. 168). Вероятно, Иван Федоров — это бывший справный подьячий Стрелецкого приказа (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 542).

152 Архив СПбФ ИРИ РАН. Колл. 11. № 89. Л. 9об.

153 Архив СПбФ ИРИ РАН. Колл. 11. № 89. Л. 11. С. К. Богоявленский справедливо относит появление кн. Д. Н. Щербатова в приказе к 14 октября, но не дает соответствующих сведений о П. И. Потемкине (Приказные судьи XVII в. С. 177).

154 *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. С. 189.

155 Архив СПбФ ИРИ РАН. Колл. 11. № 89. Л. 9, 11. С. К. Богоявленский относит это перемещение к 9 декабря 1689 г. (Приказные судьи XVII в. С. 177), что, на наш взгляд, неоправданно.

156 *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 177, 189.

157 Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 497; *Барсуков А. П.* Список городовых воевод. С. 104,158. К сожалению, никак не удается связать с этой посылкой недатированную запись в книге Московского стола о назначении дьяка Сибирского приказа Ивана

Ляпина в Нежин (Архив СПбФ ИРИ РАН. Колл. 11. № 89. Л. 8об.). Опубликованные источники и биографические справочники ничего об этом назначении не сообщают.

158 Архив СПбФ ИРИ РАН. Колл. 11. № 89. Л. 4, 10об. С. К. Богоявленский сообщает о первом назначении и приводит его точную дату (Приказные судьи. С. 29), но не упоминает о втором.

159 После его смерти 4 января 1690 г. (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Боярские списки. № 31. Л. 37) на его место был назначен стольник кн. И. Н. Засекин (*Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII в. С. 29), пожалованный 2 марта 1690 г. в окольничие (*Crummey R. O.* Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia. 1613—1689. Princeton, 1983. P. 211).

160 Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 492.

161 Архив СПбФ ИРИ РАН. Колл. 11. № 89. Л. 7. С. К. Богоявленский относит это назначение к 11 января 1690 г. (Приказные судьи XVII в. С. 23), а С. Б. Веселовский — к 24 декабря 1689 г. (Дьяки и подьячие. С. 237).

162 Архив СПбФ ИРИ РАН. Колл. 11. № 89. Л. 4об.

163 Дворцовые разряды. Т. IV. Стб. 523; *Викторов А.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584—1725 гг. Вып. 1. М., 1877. С. 224.

164 *Белокуров С. А.* О Посольском приказе. М., 1906. С. 126.

165 Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. № 6. С. 36.

166 *Куракин Б. И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив кн. Ф. А. Куракина. СПб., 1890. Т. 1. С. 64.

167 *Автократов В. Н.* «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII века // ТОДРЛ. Т. XI. М; Л., 1955. С. 209—217.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек... А. И. Тургеневым. Т. II. Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов, с 1589 по 1719 год. Прибавление, содержащее в себе акты, относящиеся до других славянских земель, с 1231 по 1308 год. Акты, извлеченные из архивов и библиотек Англии и Франции с 1557 по 1679 год. СПб., 1842. VII, XIII, 448 с.

Акты, относящиеся к истории земских соборов // Под ред. Ю. В. Готье. М., 1909. 5, 76 с.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Т. IV (1645—1700 гг.). СПб., 1836. [4], 500, [4], 2, 19, [1] с.

Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. Бумаги князя Бориса Ивановича Куракина. 1676—1727. СПб., 1890. — XXVI, 387 с.

Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 5. Акты, относящиеся к делу о подчинении Киевской митрополии Московскому патриарху (1620—1694 г.). Киев, 1872. 172, 488 с.

Белокуров С. А. Из собрания актов князей Хованских // ЧОИДР. 1913. Кн. 4 (247). Отд. V (Смесь). С. 20—39.

Боярская книга 1627 г. Под редакцией и с предисловием В. И. Буганова. Подготовка текста и вступительная статья М. П. Лукичева и Н. М. Рогожина. М., 1986. 207 с.

Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. Указатель состава Государева двора по фонду Разрядного приказа.

Ч. 1. М., 1979. 342 с.; Ч. 2. М., 1979. 186 с. (Памятники отечественной истории, вып. 2).

Бумаги Флорентийского центрального архива, касающиеся до России. Ч. 2. М., 1871. 3, VII, 447, XVI с.

В доклад 198 году. Сообщил И. Д. Беляев // Временник МОИДР. Кн. 24. М., 1856. Отд. III (Смесь). С. 55—56.

Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. М., 1976. 346 с.

Восстание московских стрельцов. 1698 год (материалы следственного дела). Сборник документов. М., 1980. 324 с.

Гаркави А. Отрывки из исторического сочинения Давида Лехно // Отчет императорской Публичной библиотеки за 1882 год. СПб., 1884. Приложение II. С. 1—41.

Грамотки XVII — начала XVIII века // Издание подготовили Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. Под редакцией С. И. Коткова. М., 1969. 416 с.

Давид И. Современное состояние Великой России, или Московии / Под ред. А. С. Мыльникова. Пер. Е. Ю. Копелевич // ВИ. 1968. № 1. С. 123—132; № 3. С. 92—97; № 4. С. 138—147.

Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м Отделением собственной е. и. в. канцелярии. Т. IV (С 1676 по 1701 г.). СПб., 1855. II, 1158 с.

Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна // Старина и новизна. Кн. 4. СПб., 1901. С. 383—407.

Дневные записки И. А. Желябужского (время Федора Алексеевича и Петра Великого) с предисловием и примечаниями Д. И. Языкова // Русский архив. 1910. Кн. 3. № 9. С. 5—154.

Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских до истории, географии и генеалогии российския касающихся // Издал Н. Новиков. Изд. 2-е. Ч. XI. М., 1788. 4, 448 с.; Ч. XVI. 1788. VIII, 434 с.; Ч. XVII. 1791. 2, 455 с.

Ектении о победе над агаряны. М., I. 1687. 8 л.

Ектении о победе над агаряны. М., V. 1687. 8 л.

Жалованная грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей и царевны Софьи наместнику новгородскому, князю Василию Васильевичу Голицыну. Сообщ. архимандрит Григорий // ЧОИДР. 1874. Кн. 1. Отд. V (Смесь). С. 1—9.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты // Подгот. Р. Б. Мюллер; под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986. 263 с.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Комментарии // Под ред. Н. Е. Носова, В. М. Панеяха. Л., 1987. 262 с. (Законодательные памятники Русского централизованного государства XV—XVII вв.).

Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. СПб., 1840. IV, 314 с.

Записки русских людей. События времен Петра Великого // С предисл. И. Сахарова. СПб., 1841. 512 с.

Игнатий, митрополит Сибирский. Послания блаженного Игнатия митрополита Сибирского и Тобольского. Казань, 1855. 176 [1] с.

Извлечение из рукописного сочинения под заглавием Engelberti Kaempferi Diarium Itineris ad Aulam Moscoviticam indeque Astracanum suscepti. Anno MDCLXXXIII // *Аделунг Ф. И*. Барон Мейерберг и путешествие его по России. С присовокуплением рисунков, представляющих виды, обряды, портреты и т. п. в продолжение сего путешествия собранных. СПб., 1827. С. 323—372.

История о вере и челобитная о стрельцах Саввы Романова // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихоравовым. Т.V. М., 1863. С. 111—148.

Книга о посылке Новоспасского монастыря архимандрита в Костромской и Кинешемский уезды в 195-м году к раскольникам о увещании их ко истинной вере // Бонч-Бруевич В. Д. Материалы к истории и изучению сектантства и раскола. Вып.1. СПб., 1908. С. 217—227.

Князь Василий Васильевич Голицын. Письма к князю разных лиц в 1677 г. Сообщ. А. Востоков // Русская старина. 1888. Т. 57. № 3. С. 735—738.

Князь Василий Васильевич Голицын. Письма к нему Боева, Баклановского и Леоньева в 1677 г. Сообщ. А. Востоков // Русская старина. 1889. Т. 63. № 7. С. 129—132.

Корб И-Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 г.) // Пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1906. [2], XII, [8], 322 с.

Лермонтова Е. Д., изд. Похвальное слово Лихудов царевне Софье Алексеевне. М., 1910. 9 с.

Літопис Самовидця (Історіогр. пам'ятка другої половини XVII ст. // Вид. підготував Я. І. Дзира. Киев, 1971. 208 с.

Любопытные и новые известия о Московии, 1689 года. Соч. де-ла Невилля // Русский вестник. 1841. Т. III. № 9. С. 596—614; Т. IV. № 10. С. 95—157.

Материалы для истории земских соборов XVII столетия (1619—20, 1648—49 и 1651 годов) В. Латкина. Приложение к исследованию «Земские соборы Древней Руси». СПб., 1884. 288, II, IV с.

Материалы для истории раскола за первое время его существования... под ред. Н. Субботина. Т. IV. Историко- и догматикополемические сочинения первых расколоучителей. Ч. 1. Челобитная Никиты (Пустосвята); сочинения Лазаря и подьяка Федора, челобитная инока Сергия. М., 1878. XXXII, 314 с.

Мечец духовный. Памятник русской духовной письменности XVII века. Сочинение Иоанникия и Софрония Лихудов. Казань, 1866. 339, IV с.

Москва в 1687—1688 гг., перевод с немецкого. Сообщ. К. А. Висковатов // Русская старина. 1878. Т. XXIII. № 9. С. 121—129.

Московская деловая и бытовая письменность XVII века // Изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968. 340 с.

Московское восстание 1682 г. глазами датского посла / Ввод. статья и комментарий А. П. Богданова. Перевод В. Е. Возгрина // ВИ. 1986. № 3. С. 78—91.

Де ла Невилль. Записки о Московии. / Предисловие, подготовка текста, перевод и комментарии А.С.Лаврова.

Под ред. В. Д. Назарова и Ю. П. Малинина. М.; Долгопрудный. 1996. 302 с.

Де ла Невилль. Записки о Московии 1689 г. / Перевел с французского и сообщил А. И. Браудо // Русская старина. 1891. Т. 71. № 9. С. 419—450; Т. 72. № 11. С. 241—281.

Николай Михайлович, вел. кн. Московский некрополь. Т. III (Р—Ѳ). СПб., 1908. 432 с.

Николай Михайлович, вел. кн. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. Губернии: Архангельская, Владимирская, Вологодская, Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, С.-Петербургская, Тверская, Ярославская и Выборгской губернии монастыри Владимирский и Коневский. М., 1914. IX. 108 с.

Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865. 207 с.

Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века. Литературные панегирики // Подг. текста, ред., комментарии А. П. Богданова. Под редакцией В. И. Буганова. Ч. I—II. М., 1983. 320 с.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1 (1688—1701 гг.). СПб., 1887. XXIII, XXXXII, 888, L. III с.

Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904. 4, III, 1, 382, 2, II, 1 с.

Письмо дьяков Польского приказа князьям Василию Васильевичу и Алексею Васильевичу Голицыным о посещении царем Петром Алексеевичем Посольского приказа / Сообщил С. К. Богоявленский // ЧОИДР. 1911. Кн. 4 (239). Отд. III (Смесь). № 6. С. 51—52.

Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича, посланное из Москвы к архиепископу Коринфскому Франциску Мартелли, флорентийцу, нунцию апостольскому при Иоанне III, короле польском, найденное, переписанное с подлинника и изданное С. Чьямпи / Сообщ. М. П. Погодин // ЖМНП. 1835. № 5. Отд. II. С. 69—82.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. II. [СПб.], 1830. 971, 2 с.; Т. III. [СПб.], 1830. 69 с.

Полное собрание русских летописей Т. XXXI. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968. 262 с.

Последний претендент местничества князь Г. А. Козловский // Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 2. Исторические материалы. С. 476—481.

Родословная книга великого Российского государства великих князей // Временник МОИДР. Кн. 10. 1851. I—VIII, 1—286.

Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 1. М., 1787. [6], 352, [34] с.; Ч. 2. М., 1787. 452 с.

Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1884. [4], XII, [2], 1280 с.; Т. II. 1885. [6], 846, [1] с.; Т. III. 1888. [4], VI, [2], 1472 с.; Т. IV. 1893. [4], III, [1], VIII, 646, [3], 452, [2] с.

Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. Подготовка текстов, статья и комментарии А. П. Богданова. М., 1990. 443 с.

Савелов Л. М. Переписка патриарха Иоакима с воеводами, бывшими в Крымских походах 1687 и 1689 годов // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 40. Симферополь, 1907. С. 1—27.

Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 1. VI, 419 с.; Т. 2. [2], 405 с.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Московском архиве Коллегии иностранных дел (1656—1696). Ч. IV. М., 1828.

Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, изданное трудами и иждивением Ф. Туманского. СПб., 1787. Ч. II. [6], 335 с.; Ч. V. 333, [2] с.; Ч. VI. 262, [2] с.; Ч. VII. 328 с.

Список с листа, каков писал к царевне Софии Алексеевне Лазарь Баранович, архиепископ Черниговский, в 1682 г. / Сообщ. И. Забелин // ЧОИДР. III-й год (1847—1848). Кн. 4. Отд. IV (Смесь). С. 126.

Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889. XXIII, 182, XXIV с.

Царская жалованная грамота думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву, по заключении так называемого «Вечного мира» с Польшею в 1687 г. / Сообщ. архимандрит Леонид // ЧОИДР. 1874. № 1. Отд. V (Смесь). С. 1—8.

Цветаев Д. Памятники к истории протестантства в России. Ч.I. М., 1888. XXI, 245 с.

Церковно-исторические материалы (дополнительные приложения к исследованию "Братья Лихуды"). Собрал и издал М. Сменцовский. СПб., 1899. 149 с.

Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников / Пред. Г. Лукьянова // Старина и новизна. Кн. X. М., 1905. С. 283—462.

Шереметев С. Д. Духовное завещание боярина князя Н. И. Одоевского // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 4. СПб., 1911. С. 379—391.

Шлейссингер Г.-А. Полное описание Московии / Вступ. статья Л. П. Лаптевой // ВИ. 1970. № 1. С. 103—126.

Bericht was in der ersten Conferentz zwischen denen... Polnischen und Moscowitischen Commissarien vorgelaufen. S. l., [1684]. [4] S.

Copia litterarum ex Stolicza Moschorum imperii de proditione archistrategi Colliczin scriptorum. S. l. [1689]. 2 p.

David I. Status Modernus Magnae Russiae seu Moscoviae. Ed. by A. V. Florovskij. The Hague, 1965 (Slavic printings and reprintings, ed. C. H. Van Schooneveld, LIV).

Foy de la Neuville. A Curious and New Account of Muscovy in the Year 1689. Edited and Introduced by Lindsey Hughes. Translated from the French by J.A.Cutschall. London, School of Slavonic and East European Studies, 1994. XXXV, 78 p.

Monuments historiques, relatifs aux regnes d'Alexis Michaelowitch, Féodor III et Pierre le Grand, Czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples par A. Theiner. Rome, 1859.

Narratio rerum, quae post obtium Alexii Mikalowicz, Russorum Imperatoris etc. gestae sunt Moscuae XI Kal. Octob. an. 1682 s. v. <...> ed. a S. Ciampi. Florentiae, 1829. 16 p.

Neuville de la. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. Paris, 1698. [12], 231 p.

Rechter... Bericht... alles was in 1687 Jahre die Christlichen Waffen für Siege gegen Türcken... Leipzig, 1687. 30 s.

Relation du voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber publiée pour la première fois d'après les manuscrits originaux... Berlin, 1883. XVI, 276 p.

[Swiderski M.] Relacya rezydenta polskiego w Moskwie o wypadkach z roku 1682. Ze rekopisu podai Alkar. Kraków, 1894. 19 s.

Tagebuch des Generals Patrick Gordon, während seiner Kriegedienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661 und seines Aufenthalts in Russland... Leipzig, 1851.

Литература

Айрапетян И. Ю. Боярство после отмены местничества (1682—1713 гг.). М., 1983. Депонировано в ИНИОН АН СССР от 28 октября 1984. № 15631. 62 с.

Айрапетян И. Ю. Стольники как одна из категорий феодальной аристократии в 80-х гг. XVII в. (по материалам боярских списков) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1980. № 6. С. 81—92.

Айрапетян И. Ю. Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. Автореферат... кандидата исторических наук. М., 1988. 24 с.

Аксенов А. И. Очерк истории генеалогии в России // История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 57—79.

Александрович Т. М. Правящие верхи и изменения в составе Боярской думы в 20-е — 40-е годы XVII в. Л., 1985. Депонировано в ИНИОН АН СССР от 12 сентября 1985 г. № 22426. 17 с.

Александрович Т. М. Социально-политическая борьба и процесс формирования феодального сословия в России в

10-х — начале 40-х годов XVII века. Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. Л., 1986. 20 с.

Алексеев Ю. Г., Копанев А. Н. Развитие поместной системы в XVI в. // Дворянство и крепостной строй в России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 57—69.

Алексеева М. А. Портрет царевны Софьи гравера Тарасевича // Памятники культуры. Новые открытия. 1975. М., 1976. С. 243—249.

Алпатов М. А. Георг-Адам Шлейссингер о России конца XVII в. // История и историки. Историографический ежегодник. 1979. М., 1982. С. 195-203.

Андреев А. И. Грамота 1685 года царей Иоанна и Петра Алексеевичей шведскому королю Карлу XI // Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг. Вып. 33. Л., 1926. С. 333—362.

Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719—1728 гг. Л., 1982. 296 с.

Аржанухин В. В. Славяно-греко-латинская академия и русская православная церковь // Православие в Древней Руси. Сборник научных трудов. Л., 1989. С. 73—79.

Аристов Н. Я. Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны. Варшава, 1871. 158, XLVII, 100 с.

Аристов Н. Я. Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны // Варшавские университетские известия. 1871. № 2. С. 57—116, I—XXV.

Аристов Н. Я. Московские смуты во время правления царевны Софии (о бунте Шакловитого) // Варшавские университетские известия. 1871. № 3. С. I—XV, 117—158.

Аристов Н. Я. Обзор сочинений, касающихся правления царевны Софьи Алексеевны // Варшавские университетские известия. 1871. № 1. С. 1—56, I—IX.

Бабич М. В. (Рец.:) Hughes Lindsey. Sophia, Regent of Russia, 1657-1704. New Haven and L., 1990 // Архив русской истории. Вып.6. М., 1995. С. 243-251.

Бабушкина Г. К. Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. // ИЗ. Т. 33. [М.], 1950. С. 158—172.

Баггер Х. Реформы Петра Великого: Обзор исследований. М., 1985. 197 с.

Бакланова Н. А. «Тетради» старца Авраамия // Исторический архив. Вып. VI. М.; Л., 1951. С. 131—155.

Балдин А. В. Очерки по истории России XVII века. Вып. 1. О причинах возникновения первого стрелецкого бунта (15 мая 1682 г.). Пг., 1915. 120 с.

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1 (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). М., 1894. 303 с.; Ч. 2. (Германия и Италия). 1896. 271 с.; Ч. 3. (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). 1897. 319 с.; Ч. 4 (Пруссия, Франция и Швеция). 1902. 436 с.

Барсов Е. В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. С историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси // ЧОИДР. 1883. Кн. 1. Отд. I (Материалы исторические). XXXV, 160 с.

Барсуков А. П. Воеводы Московского государства, XVII в. 1. Град Воронеж и Двинская область. СПб., 1897. 14 с.

Барсуков А. П. Всероссийский патриарх Иоаким Савелов // Памятники древней письменности и искусства. Вып. LXXXIII. СПб., 1891. С. 1—16.

Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. IX, 611 с.

Белов Е. А. Московские смуты в конце XVII века // ЖМНП. 1887. Ч. 249. № 1. С. 99—145; № 2. С. 319—365.

Белов Е. А. Об историческом значении русского боярства до конца XVII века. СПб., 1886. 180 с.

Белов М. И. К истории дипломатических отношений в период Крымских походов (1686—1689 гг.) // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 14. № 112. Л., 1949. С. 154—188.

Белов М. И. Нидерландский резидент в Москве барон Иоганн Келлер и его письма. Диссертация... кандидата исторических наук. Л., 1947. XVIII, 421 с.

Белов М. И. Письма Иоганна Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 374—382.

Белов М. И. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII—XVIII вв. (экономика, политика и культура). Сб. статей. М., 1966. С. 58—83.

Белокуров С. А. Списки дипломатических лиц русских за границей и иностранных при русском дворе. С начала сношений до 1800 г. Вып. 1. Австро-Венгрия. М., 1892. 95 с.

Беляев И. Д. Земские соборы на Руси. М., 1902. 80 с.

Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси // ЧОИДР. Кн. 215 (4). 1905. Отд. III (Исследования). С. 1—131.

Берх В. Н. Царствование царя Федора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта. Ч. II. СПб., 1835.

Берх В. Н. Систематические списки боярам, окольничим и думным дворянам, с 1468 года до уничтожения сих чинов. СПб., 1833. VIII. 66 с.

Богданов А. П. Гравюра как источник политической борьбы в России в период регентства Софьи Алексеевны (вопросы происхождения) // Материалы XV Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и НТП». Сб. статей. История. Новосибирск, 1977. С. 39—487

Богданов А. П. «Истинное и верное сказание» о I Крымским походе — памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных памятников по истории русского средневековья. М., 1982. С. 57—84.

Богданов А. П. К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сборник статей. М., 1987. С. 114—146.

Богданов А. П. К полемике конца 60-х — начала 80-х годов XVII в. об организации высшего учебного заведения в России. Источниковедческие заметки // Исследования по источниковедению истории СССР XIII—XVIII вв. Сборник статей. М., 1986. С. 177—209.

Богданов А. П. Летописец и историк конца XVII века. Очерки исторической мысли "переходного времени". М., 1994.

Богданов А. П. Летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII века. Автореферат... кандидата исторических наук. М., 1983. 21 с.

Богданов А. П. Летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII века. Диссертация... кандидата исторических наук. М., 1983.

Богданов А. П. Литературные панегирики как источник изучения соотношсния сил в правительстве России периода регентства Софьи (1682—1689 гг.) // Материалы XVII Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и НТП». История. Новосибирск, 1979. С. 71—79.

Богданов А. П. Нарративные источники о Московском восстании 1682 года // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С.77—108.

Богданов А. П. Начало московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники. 1983. М., 1984. С. 131—146.

Богданов А. П. Неизвестное сочинение Сильвестра Медведева: похвальная рацея царевне Софье // Материалы XVII Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и НТП». Филология. Новосибирск, 1979. С. 80—90.

Богданов А. П. От летописания к исследованию. Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. 551 с.

Богданов А. П. Поденные записи очевидца московского восстания 1682 г. // Советские архивы, 1979. № 2. С. 34—37.

Богданов А. П. Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // Источниковедение

отечественной истории. Сборник статей. 1981. М., 1982. С. 225—246.

Богданов А. П. Редакции Летописца 1619—1621 гг. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 124—151.

Богданов А. П. Роспись «изменников-бояр и думных людей», казненных и сосланных по требованию восставших 15—17 мая 1682 г. // Молодые обществоведы г. Москвы — Ленинскому юбилею. Сб. статей. М., 1982. С. 113—118.

Богданов А. П. Сильвестр Медведев // ВИ. 1988. № 2. С. 84—98.

Богданов А. П. Сильвестра Медведева панегирик царевне Софье 1682 г. // Памятники культуры. Новые открытия. 1982. М., 1984. С. 45—52.

Богданов А. П. «Хронографец» Боголепа Адамова // ТОДРЛ. Т. XLI. Л., 1988. С. 381—399.

Богданов А. П. Царь Федор Алексеевич // ВИ. 1994. № 7. С. 59—77.

Богданов А. П., Чистякова Е. В. Некоторые проблемы изучения истории общественно-политической мысли в России второй половины XVII века // ВИ. 1986. № 4. С. 45—57.

Богданов А. П., Чистякова Е. В. «Да будет потомкам явлено...». Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988. 134 с.

Богословский М. М. Административные преобразования Петра Великого в 1699—1700 гг. Ч. 1. Боярская дума // Известия АН СССР. 1928. № 4—7. С. 279—298.

Богословский М. М. Заговор Цыклера // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 330—340.

Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. [М.], 1940. 435 с.

Богоявленский С. К. К вопросу о столах Разрядного приказа // ЖМНП. 1894. Т. 293. № 8. С. 401—413.

Богоявленский С. К. Московская Немецкая слобода // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1947. Т. 4. № 3. С. 220—232.

Богоявленский С. К. Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980. 269 с.

Богоявленский С. К. Приказные дьяки XVII века // ИЗ. Ч. 1. 1937. С. 220—239.

Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. [Список]. М.; Л., 1946. 315 с.

Богоявленский С. К. Расправная палата при Боярской думе // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. Ч. I—II. М., 1909. С. 409—426.

Богоявленский С. К. «Хованщина» // ИЗ. Т. 10. [М.], 1941. С. 180—221.

Брайловский С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902. XXXVII, 493 с.

Браудо А. И. «Russica» // Сборник статей в честь Д. Ф. Кобеко. СПб., 1913. С. 247—257.

Брикнер А. Г. Материалы для источниковедения истории Петра Великого // ЖМНП. 1879. Ч. 204. № 8. С. 272—317.

Брикнер А. Г. Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878. [2], 184 с.

Бубнов Н. Ю. «История о вере и челобитная о стрельцах» Саввы Романова и ее литературные источники // Книга в России XVII — середины XIX в. Материалы и исследования. Л., 1990. С. 53—61.

Буганов В. И. «Враждотворное» местничество // ВИ. 1974. № 11. С. 118—132.

Буганов В. И. «Дворцовые разряды» первой половины XVII в. // Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 252—258.

Буганов В. И. Из истории московского восстания 1682 г. // Славяне и Русь. М., 1968. С. 262—265.

Буганов В. И. Источниковедческий анализ документов о московском восстании 1682 г. // Вопросы архивоведения. 1965. № 1. С. 52—55.

Буганов В. И. «Канцлер предпетровской поры» // ВИ. 1971. № 10. С. 144—156.

Буганов В. И. К изучению «Государева двора» XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 55—61.

Буганов В. И. Летописные заметки о московских восстаниях второй половины XVII в. // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 338—346.

Буганов В. И. Летописные известия о московском восстании 1682 г. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 310—319.

Буганов В. И. Московские восстания последней четверти XVII в. в дореволюционной и советской историографии // ИСССР. 1966. № 2. С. 105—115.

Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. 438 с.

Буганов В. И. Новый источник о московском восстании 1682 г. // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 318—324.

Буганов В. И. О характере и исторической роли городских восстаний в России XVII в. // Феодализм в России. М., 1987. С. 280—289.

Буганов В. И. Об оценке московского восстания 1682 г. (по поводу рецензии Н. И. Павленко) // ИСССР. 1973. № 2. С. 236—244.

Буганов В. И. Повесть о московском восстании 1682 г. // Древнерусская литература и ее связь с новым временем. М., 1967. С. 314—354.

Буганов В. И. Стрелецкое восстание 1698 г. и начало ликвидации стрелецкого войска // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 45—53.

Бычкова М. Е. Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XII. Л., 1981. С. 90—109.

Бычкова М. Е. О сословной структуре класса феодалов в России в XVII в. // Социальная структура и классовая

борьба в России XVI—XVIII вв. Сборник научных трудов. М., 1988. С. 29—42.

Бычкова М. Е. О социальном составе тысячников // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 175—178.

Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975. 216 с.

Бычкова М. Е. Родословные книги середины XVI века // Труды МГИАИ. Т. 16. М., 1961. С. 475—480.

Бычкова М. Е. Родословные росписи XVI—XVII вв. в системе памятников русской общественной мысли // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. Тезисы докладов и сообщений межвузовской научной конференции. Москва, 31 января — 3 февраля 1989. М., 1989. С. 87—89.

Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. историко-генеалогическое исследование. М., 1986. 224 с.

Василевская Е. А. Терминология местничества и родства // Труды МГИАИ. Т. 2. М., 1946. С. 155—179.

Верюжский В. Афанасий, архиепископ холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. VI, 683 с.

Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. 608 с.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. 583 с.

Веселовский С. Б. Материалы для истории общего описания всех земель русского государства в конце XVII в. // Исторический архив. М.; Л., 1951. № 7. С. 300—396.

Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. Вып. 1. 1584—1725 г. М., 1877. [4]. 376 с.; Вып. 2. 1613—1725 г. М., 1883. [4]. 377—660 с.

Висковатов К. А. Призыв России на борьбу с Турцией (1684 г.) // Русская старина. 1878. Т. XXII. № 7. С. 445— 448.

Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословной. Т. 1. Князья Черниговские. Ч. 1. СПб.,

1906. [7]. 667, [7] с.; Ч. 2. СПб., 1906. [3], 535, [3] с.; Ч. 3. СПб., 1907. [2], 540 с.

Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII — первой половине XIX в. (размеры и размещение). М., 1988. 301 с.

Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. 266 с.

Водарский Я. Е. Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. // Дворянство и крепостной строй России в XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 70—107.

Водарский Я. Е. Рост землевладения в Европейской России в XVII—XVIII вв. // Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 30 октября — 1 ноября 1985 г. М., 1985. С. 29—33.

Водарский Я. Е. Служилое дворянство в России в конце XVII — начале XVIII в. // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 233—238.

Возгрин В. Е. Источники по русско-скандинавским отношениям XVI—XVIII вв. // Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве ЛОИИ. Л., 1982. С. 124—157.

Возгрин В. Е. Сведения о России XVI—XVIII вв. в переписке датских послов // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 148—151.

Волков М. Я. Монах Авраамий и его «Послание Петру I» // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 311—336.

Волков М. Я. Об отмене местничества в России // ИСССР. 1977. № 2. С. 53—67.

Волков М. Я. Ревнители православия и светская власть в 80-х годах XVII в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сборник статей. М., 1990. С. 261—275.

Волков М. Я. «Созерцание краткое» как источник по истории общественно-политической мысли // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 198—208.

Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение. От «Смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986. 197 с.

Воронова Л. Б. Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск. 1984. С. 185—201.

Воскобойникова Н. П. К биографии В.В.Голицына // Архив русской истории. Вып.6. М., 1995. С. 126—152.

Воскобойникова Н. П. О ссылке князя В. В. Голицына с семьей в Пустозерский острог // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 13—18 мая 1990 г. Ч. 1. М., 1990. С. 39—42.

Востоков А. А. Боярские книги как материал для истории высшего русского служилого сословия // Материалы для истории русского дворянства. Вып. 3. СПб., 1886. С. 26—48.

Востоков А. Посольство Шакловитого к Мазепе в 1688 г. // Киевская старина. 1890. Т. XXIX. № 5. С. 119—226.

Гадзяцкий С. С. Пожалования новгородским служилым и посадским людям в связи с заключением договора с Польшей в 1686 г. // ИЗ. Т. 28. [М.], 1949. С. 203—218.

Галанов М. М. Федор Шакловитый // ВИ. № 3. 1995. С. 155—160.

Гейман В. Г. Новая постановка исследования вопроса о Боярской думе // Русский исторический журнал. Кн. 7. Пг., 1921. С. 166—176.

Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 1. М., 1788. XXVI, 368, [2] с.

Голикова Н. Б. Организация политического сыска в России XVI—XVII вв. // Государственные учреждения России XVI—XVIII вв. М., 1991. С. 11—36.

Голикова Н. Б. Органы политического сыска и их развитие в XVII—XVIII вв. // Абсолютизм в России XVII—XVIII вв. М., 1972. С. 243—280.

Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре. По материалам Преображенского приказа. [М.], 1957. 335 с.

Голицын Н. Н. Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных. Корректурное изд. Киев, 1880. [4], VI. 224 с.

Голицын Н. Н. Род князей Голицыных. Т. 1. Материалы родословные. СПб., 1892. XVII, 611 с.

Голицын Н. Н. Указатель имен личных, упоминаемых в дворцовых разрядах. СПб., 1912. 322 с.

Голицын Н. С. Русская военная история. Ч. 2. От Иоанна III до Петра I. СПб., 1878. 691 с.

Гольдберг А. Л. Известия о России в газете Теофраста Ренодо (по материалам фондов ГПБ) // Труды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. XI (14). Л., 1963. С. 139—152.

Гольдберг А. Л. Известия о России в западноевропейских газетах XVII века // ВИ. 1961. № 7. С. 204—206.

Гольдберг А. Л. История России в иностранных изданиях XVI—XVII вв. // ИСССР. 1982. № 2. С. 103—117.

Голубцов И. А. К истории податной реформы 1679—1681 гг. // Исторический архив. 1959. № 5. С. 155—167.

Градовский А. Д. История местного управления в России. Т. 1. Введение. Уезд Московского государства. СПб., 1868. CXVII, 384, XIII с.

Греков И. Б. Вечный мир 1686 г. Диссертация... кандидата исторических наук. М., 1950.

Греков И. Б. Вечный мир 1686 г. Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. М., 1950. 20 с.

Греков И. Б. «Вечный мир» 1686 г. // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1951. № 2. С. 85—98.

Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964. С. 206—242.

Демидова Н. Ф. Государственный аппарат России в XVII веке // ИЗ. Т. 108. М., 1982. С. 109—154.

Демидова Н. Ф. Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г. // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 289—310.

Демидова Н. Ф. Приказные люди XVII в. (Социальный состав и источники формирования) // ИЗ. Т. 90. М., 1972. С. 332—354.

Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. 225 с.

Денисова М. М. Поместная конница и ее вооружение в XVI—XVII вв. // Труды ГИМ. Вып. XX (Военно-исторический сборник). М., 1948. С. 29—48.

Дитятин И. Роль челобитий и Земских соборов в управлении Московского государства. Ростов-на-Дону, 1905. 46 с.

Дмитриев Ф. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859. 580, 4 с.

Добролюбов Н. А. Первые годы царствования Петра Великого (История царствования Петра Великого. Н. Устрялов. СПб., 1858) // Первое полное собрание сочинений Н. А. Добролюбова в четырех томах. Под ред. М. К. Лемке. Т. 2. (1858—1859). СПб., 1912. С. 1—144.

Долгоруков П. В. Российская родословная книга. Ч. 1. СПб., 1854. 350 с.; Ч. 2. СПб., 1855. 327 с.; Ч. 3. СПб., 1856. 523 с.; Ч. 4. СПб., 1857. 482 с.

Долгоруков П. В. Российский родословный сборник. Ч. 1. СПб., 1840. 109 с.

Дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Систематический указатель / Сост. А. Л. Гольдберг, И. Г. Яковлева. Вып. 1. История СССР с древнейших времен до конца XVII века. Л., 1982. 282 с.

Дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Систематический указатель. Вып. 2 (1682—1725). Л., 1966. 177 с.

Дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Систематический указатель // Сост. А. Л. Гольдберг,

И. Г. Яковлева. Вып. 2. Изд. 2-е. Образование Российской империи (1682—1725). Л., 1984. 202 с.

Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. IX, 335 с.

Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1973. 272 с.

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд. М., 1983. 352 с.

Ефимов С. В. Евдокия Лопухина - последняя русская царица XVII века // Средневековая Русь. СПб., 1995. С. 136—165.

Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. Государев двор или дворец. М., 1990. 312 с.

Забелин И. Е. Преображенский или Преображенско-московская столица достославных преобразований первого императора Петра Великого. М., 1883. VI. 7—54 с.

Забелин И. Е. Троицкие походы русских царей. М., 1847. 33 с.

Загоскин Н. П. История права Московского государства. Т. 2. Центральное управление Московского государства. Вып. 1. Дума боярская. Приказы. Казань, 1879. [8], 156 с.

Загоскин Н. П. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань, 1875. 221 с.

Загоскин Н. П. Столы Разрядного приказа по хранящимся в МАМЮ книгам их. Казань, 1879. 47 с.

Замысловский Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1. Введение. Обзор источников. СПб., 1871. 216. LXV с.

Зимин А. А. Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. и формирование состава Боярской думы и дворцовых учреждений // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XII. Л., 1981. С. 28—46.

Зимин А. А. Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV — первой трети XVI в. // ИЗ. 1979. Т. 103. С. 195—241.

Зимин А. А. Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI — XVIII вв. М., 1975. С. 28—56.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. 352 с.

Иванов П. И. Алфавитные указатели фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. [6]. VI. 501 с.

Иванов П. И. Описание государственного Разрядного архива с присовокуплением списков с многих, хранящихся в оном, любопытных документов. М., 1842. XXII. 452, 29 с.

История соцарствия в России с 1682 по 1689 год. СПб., 1837. 95 с.

К[азанский П.] Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского. М., 1847. 229 с.

Калиничев Ф. И. Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века. М., 1953. 170 с.

Каптерев Н. Ф. Приезд в Москву Павловского афонского монастыря архимандрита Исайи в 1688 году с грамотами от прежде бывшего Константинопольского патриарха Дионисия, сербского патриарха Арсения и валахского господаря Щербана с просьбою, чтобы государи освободили их от турецкого ига // Творения святых отцов в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии. Кн. III. М., 1889. С. 260—320.

Капустин В. Леоново, подмосковное поместье боярина кн. Ивана Никитича Хованского. Исторические заметки из жизни служилого человека XVII ст. М., 1908. 72 с.

Карпец В. И. Верховная власть в России XVI—XVII вв. // Советское государство и право. 1985. № 9. С. 108—114.

Карпец В. И. Некоторые черты государственности и государственной идеологии Московской Руси. Идея верховной власти // Развитие права и политико-правовой мысли в Московском государстве. М., 1985. С. 3—25.

Качалкин А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. 1. Источники изучения и вопросы авторства документа. М., 1988. 120 с.

Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. 5-е изд. Пг., 1919. VIII, 543 с.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. III // Сочинения. Т. III. М., 1957. 424 с.

Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1916. 300 с.

Ключевский В. О. Смена — боярство и дворянство // Русская мысль. 1899. № 1. С. 200—221.

Книги московских приказов в фондах ЦГАДА: Опись 1495—1718 // Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1972. 327 с.

Кобеко Д. Ф. Шереметьевы и князья Урусовы. Генеалогический этюд. СПб., 1900. 11 с.

Кобрин В. В. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. 280 с.

Козлов О. Ф. Хованщина // ВИ. 1971. № 8. С. 200—205.

Козловский И. Сильвестр Медведев. Очерки из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII в. Киев, 1895. XV, 130, II, 206 с.

Колосова Е. В. К проблеме традиции древнерусской исторической повести в литературе XVIII века («Сказание» П. Н. Крекшина о Петре I как последний этап развития исторической повести XVII века) // Исследования и материалы по древнерусской литературе (Древнерусская литература и ее связи с новым временем). М., 1967. С. 288—316.

Колосова Е. В. «Созерцание краткое» Сильвестра Медведева и традиции русской исторической повести в XVII в. // Исследования и материалы по древнерусской литературе (Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — нач. XVIII в.)). М., 1971. С. 207—209.

Копреева Т. Н. Русско-польские отношения во 2-й половине XVII в. (от Андрусовского перемирия 1667 г. до

«Вечного мира» 1686). Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. Л., 1952. 23 с.

Копреева Т. Н. Русско-польские отношения во 2-й половине XVII в. (1667—1686 гг.). Диссертация... кандидата исторических наук. Л., 1951. XIX, 512, XXVIII.

Кордт В. А. Чужоземні подорожні по східнії Европі до 1700 р. Київ, 1926 (Українська Академія наук. Збірник історично-філологічного відділу, № 38.) 208 с.

Корецкий В. И. Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени // Славяне и Русь. М., 1968. С. 282—290.

Королюк В. Д., Рогов А. И. Битва под Веной 1683 г. и русско-польские отношения // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965. С. 183—199.

Кошелева О. Е. Боярство в начальный период зарождения абсолютизма в России (1645—1682 гг.). Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. М., 1987. 18 с.

Кошелева О. Е. Боярство в начальный период зарождения абсолютизма в России (1645—1682 гг.). Диссертация... кандидата исторических наук. М., 1987.

Кошелева О. Е. Боярство и дело патриарха Никона // Проблемы истории СССР. М., 1982. Вып. XII. С. 16—33.

Кошелева О. Е. Коллективные челобитья дворян на бояр (XVII в.) // ВИ. 1982. № 12. С. 171—177.

Кротов М. Г. Провинциальное дворянство и «Государев двор» в середине XVI века // Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. М., 1985. С. 97—98.

Кузьмина Л. Ф. Архив стольника А. И. Безобразова как исторический источник // Славяне и Русь. М., 1968. С. 314—319.

Курсков Ю. В. Исторические предпосылки Петровских преобразований (проекты и идеи второй половины XVII в. в преобразованиях первой четверти XVIII в.). Методические указания по спецкурсу и спецсеминару. Чита, 1974. 64 с.

Лаврентьев А. В. «Записка государевым мерным верстам и станом того Крымского походу по верстам мерному колесу» 1689 г. // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 208—219.

Лаврентьев А. В. «Пропавшая грамота» 1682 года: неизвестное издание Верхоспасской типографии // Архив русской истории. Вып.6. М., 1995. С. 206—225.

Лавров А. С. Боярская дума и переворот 1689 г. // Сословия и государственная власть в России. XV - середина XIX в. Чтения памяти акад.Л.В.Черепнина. Тезисы докладов. Ч. I. М., 1994. С. 272—280.

Лавров А. С. Боярская дума и стрелецкое восстание 1682 г. (к постановке проблемы) // Россия в X—XVIII вв. Проблемы источниковедения. Тезисы докладов и сообщений вторых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1995. С. 299-303.

Лавров А. С. «Записки о Московии» де ла Невилля (преобразовательный план В.В.Голицына и его источники) // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия 2. 1986. Вып. 4. С. 88—91.

Лавров А. С. Новый источник о первом Крымском походе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. 1994. Вып. 4. С. 14—19.

Лавров А.С. Новый источник по истории московского восстания 1682 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1994. С. 87—93.

Лавров А. С. Представительство дворянства на земском соборе 1683—84 г. // Мавродинские чтения. СПб., 1994. С. 98—102.

Лавров А. С. Смотренный список Троицкого похода // Археографический ежегодник за 1991 год. М., 1994. С. 53—59.

Лавров А.С. Царская грамота в московские слободы об измене Хованских // Россия от Ивана Грозного до Петра Великого. СПб., Киев, 1993. С.102-109.

Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры. XVII—XVIII вв. М., 1990. 290 с.

Левыкин А. К. Русские городовые пушкари второй половины XVII в. // ВИ. 1985. № 3. С. 176—180.

Леонид, архимандрит. Исследование о роде Стрешневых // ЧОИДР. 1872. Кн. 2. Отд. V (Смесь). С. 10—18.

Лермонтова Е. Д. Самодержавие царевны Софьи Алексеевны, по неизданным документам (Из переписки, возбужденной графом Паниным) // Русская старина. 1912. Т. 148. № 2. С. 425—445; Т. 149. № 3. С. 539—547.

Лихачев Н. П. Государев родословец и Бархатная книга // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 1. СПб., 1900. С. 49—61.

Лихачев Н. П. «Государев родословец» и род Адашевых // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 11. СПб., 1903. С. 44—135.

Лихачев Н. П. К вопросу о подписях думных людей на постановлениях Боярской думы // Летопись занятий Археографической комиссии за 1904 год. Вып. 17. СПб., 1907. С. 47—62.

Лобанов-Ростовский А. Б., кн. Русская родословная книга. Изд. 2-е Т. 1. СПб., 1895. VIII. 467 с.; Т. 2. СПб., 1895. V. 481 с.

Ломоносов М. В. Описание стрелецких бунтов и правление царевны Софьи // Собр. соч. Т. VI. М.; Л., 1952. С. 97—162.

Лукичев М. П. Боярские книги XVII в. // Советские архивы, 1980. № 5. С. 50—54.

Лукичев М. П. Боярские книги XVII века как исторический источник. Диссертация... кандидата исторических наук. М., 1984. 204 с.

Лукичев М. П. Боярские книги XVII века как исторический источник. Автореферат... кандидата исторических наук. М., 1984. 24 с.

Лукичев М. П. Боярские книги XVII века как источник по истории высшего служилого сословия России // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. Тезисы докладов и сообщений межвузовской научной конференции. Москва, 31 января — 3 февраля 1989 г. М., 1989. С. 86—87.

Лукичев М. П. Боярские книги XVII века как источник сведений о поместно-денежном обеспечении чинов Государева двора // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 37—39.

Лукичев М. П. Обзор боярских книг XVII в. // Археографический ежегодник за 1979 г. М., 1981. С. 255—266.

Лукичев М. П. Сведения о боярских книгах в архивных описях XVII—XVIII веков // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С. 49—61.

Лялина Г. С. К характеристике феодального землевладения во второй половине XVII в. // Труды МГИАИ. Т. 16. М., 1961. С. 397—407.

Малиновский А. Ф. Биографические сведения о В. В. Голицыне // Труды и летописи МОИДР. Т. VII. М., 1837.

М[алиновский] А. [Ф.] Бытность во Франции у короля Людовика XIV полномочным послом князя Якова Федоровича Долгорукова // Труды и летописи МОИДР. Ч. VII. М., 1837. С. 86—113.

Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.; Л., 1962. 421 с.

Маньков А. Г. Статистика и динамика законодательных актов России второй половины XVII в. (о некоторых особенностях становления абсолютизма) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XX. Л., 1989. С. 175—187.

Марголин С. Л. Вооружение стрелецкого войска // Труды ГИМ. Вып. XX (Военно-исторический сборник). М., 1948. С. 85—102.

Махатка О. П. Взаимоотношения России, Австрии и Польши в связи с антитурецкой войной в 1683—1699. Диссертация... кандидата исторических наук. Л., 1958.

Медушевский А. Н. Боярские списки первой четверти XVIII в. // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1980. С. 158—163.

Медушевский А. Н. Боярские списки 1700—1713 гг. как исторический источник // Источниковедение и архео-

графия. Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 31—34.

Медушевский А. Н. Источники о составе центрального аппарата управления России в первой четверти XVIII в. // Советские архивы. 1981. № 3. С. 58—60.

Медушевский А. Н. Развитие государственного аппарата управления Россией в первой четверти XVIII века // ИСССР. 1983. № 6. С. 136—143.

Миллер Г. Ф. Известие о дворянах российских. СПб., 1790. [6], 494, [5] с.

Минцлов Р. И. Петр Великий в иностранной литературе. Подробный каталог иностранных сочинений о России (Rossica), находящихся в императорской Публичной библиотеке в С.-Петербурге. СПб., 1872. X, 691 с.

Миркович Г. О времени Пресуществления Св.даров, Спор, бывший в Москве, во второй половине XVII-го века (Опыт исторического исследования). Вильна, 1886. 254, XXVI, IV с.

Миропольский С. Царевна Софья Алексеевна // Русская старина. 1878. Т. XXIII. № 9. С. 130—131.

Михайлов М. М. Русское гражданское судопроизводство в историческом его развитии от Уложения 1649 г. до издания Свода законов. СПб., 1856. VIII, VIII, 202 с.

Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины. Родословная роспись. Л., 1932. 87 с.

Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Боярские списки конца XVI — начала XVII века как исторический источник // Советские архивы. 1973. № 2. С. 90—96.

Морозов Б. Н. Делопроизводство и архив в крупной боярской вотчине XVII века // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С. 116—149.

Морозов Б. Н. К изучению описей частных архивов XVI—XVII в. // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР (дооктябрьский период). Сб. статей. М., 1981. С. 77—98.

Морозов Б. Н. Сведения о старинных документах в описях частных архивов XVIII—XIX вв. // Источниковедение

и археография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 85—89.

Морозов Б. Н. Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в. (К постановке вопроса) // Исследования по источниковедению истории СССР. М., 1982. С. 70—98.

Морозов Б. Н. Частные архивы XVII века. Диссертация... кандидата исторических наук. Т. I—II. М., 1984.

Мурзакевич Н. Русская монета 1686 года с латинской надписью // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. VII. Одесса. 1868. С. 219—221.

Мятлев Н. В. О предстоящем издании «Родословных росписей, поданных в Разряд к составлению родословной книги представителями служилых родов Московского государства в конце XVII в.» // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1911. Вып. 4. С. 515—518.

Назаров В. Д. «Государев двор» и сословное представительство на Руси в XVI в. // Общество, государство, право России и других стран Европы. Норма и действительность. Ранний и развитой феодализм. Чтения, посвященные памяти академиков С. Д. Сказкина и Л. В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 25—27 октября 1983 г. М., 1983. С. 58—61.

Назаров В. Д. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 40—54.

Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. Т. 4. М., 1955. С. 243—285.

Насонов А. Н. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. Т. 6. М., 1958. С. 235—274.

Николаева М. В. Из истории русской повествовательной литературы первой половины XVIII века («Сказание о Петре Великом» П. Н. Крекшина) // Ученые записки ЛГПИ. 1958. Т. 170 (Кафедра русской литературы). С. 11—27.

Николаева М. В. «История» А. А. Матвеева о стрелецком восстании 1682 г. (Традиции исторического стиля XVI—XVII вв. в литературе петровского времени) // Ученые записки ЛГПИ (Очерки по истории русской литературы). Т. 309. Л., 1966. С. 25—56.

Николаева М. В. История об Азове и об Азовских походах Петра I в составе «Подробной летописи» // Герценовские чтения. XX. Филологические науки. Л., 1967. С. 42—44.

Николаева М. В. К вопросу о формировании стиля русской повествовательной литературы первой половины XVIII века (Повести и мемуарная литература) // Ученые записки ЛГПИ (Из истории русской литературы). Т. 245. С. 156—173.

Николаева М. В. Малоизвестная петровская «История» России и ее рукописные копии // Герценовские чтения. XIX. Филологические науки. Л., 1966. С. 67—68.

Николаева М. В. Малоизвестная петровская «История» России и ее рукописные копии // Ученые записки ЛГПИ. (Историко-литературный сборник). 1967. Т. 321. С. 25—39.

Николаева М. В. О некоторых источниках «Подробной летописи» // ТОДРЛ. Т. XXIV. Л., 1969. С. 344—348.

Никольский В. К. «Боярская попытка» 1681 г. // Исторические известия, издаваемые историческим обществом при Московском университете. М., 1917. Вып. II. С. 57—87.

Никольский В. К. Земский собор о Вечном мире с Польшей 1683—84 г. // Научные труды индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта. Серия социально-экономическая. Вып. 2. М., 1928. С. 1—75.

Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М., 1929. 192 с.

Новосельский А. А. Распад землевладения служилого «города» в XVII в. (по десятиям) // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 231—253.

Новосельский А. А. Правящие группы в служилом «городе» XVII в. // Ученые записки Института истории РАНИОН. М., 1928. Т. 5. С. 315—325.

Новосельский А. А. Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. // Исторический архив. Т. IV. М.; Л., 1949. С. 88—149.

Новохатко О. В. К изданию и изучению записных разрядных книг XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сборник статей. М., 1988. С. 87—100.

Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. 408 с.

Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. 602 с.

Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. Кн. 1—XXI. М., 1869—1921.

Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. 1032 с.

Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. М., 1979. 349 с.; Ч. 2. М., 1979. 340 с.

Павленко Н. И. Об оценке стрелецкого восстания 1682 г. (По поводу монографии В. И. Буганова «Московские восстания конца XVII в.»). // ИСССР. 1971. № 3. С. 77—94.

Павлицкая Н. И. Исторические судьбы стрелецкого войска во второй половине XVII в. Диссертация... кандидата исторических наук. Л., 1941. 334 с.

Павлов А. П. Правящие слои московского общества при Борисе Годунове (1598—1605 гг.) (Опыт социально-политической характеристики). Автореферат... кандидата исторических наук. Л., 1979. 19 с.

Павлов А. П. Проблема «боярство и дворянство XVI—XVII» вв. и генеалогия // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. Тезисы докладов и сооб-

щений межвузовской научной конференции. Москва, 31 января — 3 февраля 1989 г. М., 1989. С. 12—14.

Павлов А. П. Состав Боярской думы в период царствования Бориса Годунова (1598—1605 гг.) // Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории. Вып. II. М.; Л., 1980. С. 253—273.

Панченко А. М. Декламация С. Медведева на тему Страстей Христовых // Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 115—135.

Панченко А. М. Квирин Кульман и «чешские братья» // ТОДРЛ. Т. XIX. М.; Л., 1963. С. 330—347.

Панченко А. М. О русском литературном быте рубежа XVII—XVIII вв. // ТОДРЛ. Т. XXIV. Л., 1969. С. 267—271.

Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху // XVIII век. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974.

Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. 202 с.

Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. 277 с.

Панченко А. М. Стихотворный отклик на свержение царевны Софьи // Памятники культуры. Новые открытия. 1974. М., 1975. С. 83—94.

Петров П. Н. История родов русского дворянства. Т. 1. СПб., 1886. 6, VIII, 400 с.

Петровский С. Кн. В. В. Голицын // Русская старина. 1877. Т. XIX. № 5. С. 133—135.

Печуро С. С. Земские служилые люди в годы опричнины (К постановке вопроса) // Труды МГИАИ. 1961. Т. 16. М., 1961. С. 463—473.

Пештич С. Л. О новом периоде в русской историографии и так называемых официальных «Петровских летописцах» // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. XVI. С. 314—322.

Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л., 1961. 276 с.

П[иксано]в Н. К. К вопросу о Боярской думе // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 3. С. 344—360.

Погодин М. П. Кто первый в России имел мысль освобождения крестьян с земельным наделом // Складчина. 1874. С. 143—158.

Погодин М. П. Семнадцать первых лет в жизни Петра Великого. М., 1875. 204, 242 с.

Поздеева И. В. Русские литургические тексты как источник изучения русской государственной идеологии XVII в. (к постановке вопроса) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск. 1984. С. 24—37.

Преображенский А. А. Об эволюции классово-сословного строя в России // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 67—85.

Преображенский А. А. Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVII — начала XVIII в. // ВИ. 1977. № 5. С. 46—62.

Прозоровский А. Сильвестр Медведев. Его жизнь и деятельность. М., 1896.

Пушкарев Л. Н. Государство и власть в общественно-политической мысли конца XVII в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 189—197.

Пушкарев Л. Н. Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века. М., 1982. 286 с.

Разрядный приказ (начало XVI в. — 1711 г.): Опись столбцов дополнительного отдела архивного фонда № 210. Под ред. А. А. Новосельского. М., 1950. 144 с.

Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. 408 с.

Рогов А. И. Новые данные о составе учеников Славяно-греко-латинской Академии // ИССР. 1959. № 3. С. 140—147.

Рождественский С. В. Роспись земельных владений московского боярства 1647—48 года // Древности. Труды Археографической комиссии императорского Московского археологического общества. Т. III. М., 1913. Стб. 193—238.

Ротенберг С. С. Монархия с Боярской думой (К вопросу об установлении самодержавия в России) // Ученые за-

писки МГПИ имени В. И. Ленина. № 35 (2). 1946. С. 56—95.

Руммель В. В. Несколько слов о Бархатной книге и печатном ее издании // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 1. СПб., 1900. С. 62—69.

Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., 1886. [2], 608, [2], 11 с.; Т. II. СПб., 1887. [5], 918 с.

Румянцев И. Никита Константинов Добрынин («Пустосвят»). Историко-критический очерк. Сергиев Посад., 1916. 658, 385, VIII, XI с.

Рябцевич В. Н. Севский чех (к истории атрибуции) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXI. Л., 1990. С. 179—200.

Савелов Л. М. «Генеалогические редкости». Список редких и замечательных изданий по русской генеалогии. М., 1904. [2], II, 32 с.

Савелов Л. М. Князья Щербатовы по Белоозеру в XVII веке // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 4. СПб., 1911. С. 51—58.

Савелов Л. М. Опыт библиографического указателя по истории и генеалогии Российского дворянства (Корректурное издание). М., 1893. 156 с.

Савелов Л. М. Род дворян Савеловых (Савелковы). М., 1895. 80 с.

Самарин А. Ю. «Летописец князей Черкасских» как рукописный исторический сборник XVIII в. (состав, датировка, атрибуция) // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 8. М., 1995. С. 246—255.

Самарин А. Ю. О времени создания «Истории о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева» // Филевские чтения. Тезисы конференции. 16—19 мая 1995 года. М., 1995. С. 81—84.

Самарин А. Ю. Политическая борьба в начале царствования Федора Алексеевича и ссылка А. С. Матвеева // Россия в X—XVIII вв. Проблемы источниковедения. Тезисы докладов и сообщений вторых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1995. С. 517—520.

Самарин А. Ю. Реформы царствования Федора Алексеевича и воцарение Петра I (к постановке проблемы) // Научная конференция молодых ученых. Февраль 1995 г. М., 1995. С. 25—26.

Седов П. В. Деятельность боярских надворных комиссий XVII в. в отсутствие царя в Москве // Studia Humanistica 1996. Исследования по истории и филологии. СПб., 1996. С. 73—86.

Седов П. В. О боярской попытке учреждения наместничества в России в 1681—1682 гг. // Вестник ЛГУ (серия истории, языка, литературы). Вып. 2 (9). 1985. С. 25—29.

Седов П. В. Социально-политическая борьба в России в 70—80-х годах XVII века и отмена местничества. Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. Л., 1985. 16 с.

Седов П. В. Социально-политическая борьба в 70—80-х гг. XVII в. и отмена местничества. Диссертация... кандидата исторических наук. Л., 1985. 210 с.

Селезнева И. А. Российский государственный деятель XVII в. Б. И. Хитрово // ВИ. 1987. № 1. С. 78—87.

Семевский М. И. Современные портреты царевны Софьи и кн. Голицына // Русское слово. 1859. № 12. С. 1—48.

Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. СПб., 1903. VII, 664 с.

Серчевский Е. Н. Записки о роде князей Голицыных, происхождение сего дома, развитие поколений и отраслей его до 1853 года, биографии и некрологи мужей сей фамилии, прославивших себя на службе престолу и отечеству, родословные таблицы, древний и новые гербы сего дома. СПб., 1853. X, 308 с.

Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988. 283 с.

Скрынников Р. Г. Самодержавие и опричнина (Некоторые итоги политического развития России в период опричнины) // Внутренняя политика царизма (середина XVI — начало XX в.). Л., 1967. С. 69—99.

Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. 325 с.

Сменцовский М. Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899. 459, LIII с.

Смирнов П. А. Иоаким, патриарх московский. М, 1881. 247 с.

Смирнов П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII века. М., 1915. 70 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VII. Т. 13—14. М., 1962. 726 с.

Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. 232 с.

Соловьева Т. Б. Церковное управление в России и государственные проекты его реорганизации 1681—1682 гг. // Государственные учреждения России XVI—XVIII в. М., 1991. С. 37—48.

Справочники по истории дореволюционной России. Библиографический указатель, 2-е изд., пересмотренное и дополненное / Науч. рук., ред. и вступ. статья П. А. Зайончковского. М., 1978. 639 с.

Станиславский А. Л. Боярские списки и делопроизводство Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 123—152.

Станиславский А. Л. Источники для изучения состава и структуры Государева двора последней четверти XVI — начала XVII в. Диссертация... кандидата исторических наук. М., 1973.

Станиславский А. Л. Источники для изучения состава и структуры Государева двора последней четверти XVI — начала XVII в. Автореферат... кандидата исторических наук. М., 1973.

Станиславский А. Л. Книга раздачи денежного жалования 1573 года // ИСССР. 1977. № 4. С. 136—140.

Станиславский А. Л. Опыт изучения боярских списков конца XVI — начала XVII в. // ИСССР. 1971. № 4. С. 97—110.

Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. СПб., 1877.

Сумароков А. П. Первый и главный стрелецкий бунт. Второй стрелецкий бунт // Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе Александра Петровича Сумарокова <...> Собраны и изданы Николаем Новиковым. В Москве, у Н. Новикова. Ч. VI. 1781. С. 183—230.

Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. СПб., 1912. VII. 340 с.

Терещенко А. В. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. Ч. 1. Сановники, управлявшие иностранными делами до учреждения звания канцлеров. СПб., 1837. [8], VI, 283 с.

Титов Ф. И. Окончательный переход Киева от Польши к России по договору о Вечном мире между ними в 1686 году. Киев, 1904. [2], 24 с.

Тихомиров М. Н. Записки земского дьячка 2-й половины XVII в. // Исторический архив. Т. II. М.; Л., 1939. С. 93—100.

Тихомиров М. Н. Записки приказных людей конца XVII в. // ТОДРЛ. Т. XII. М.; Л., 1956. С. 442—457.

Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. 184 с.

Тихомиров М. Н. Приказное делопроизводство в XVII в. // Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII вв. М., 1973. С. 348—383.

Тишин И. Г. Дневник Патрика Гордона // Советские архивы, 1969. № 2. С. 110—112.

Томсинский С. «Петровские» реформы (Борьба классов накануне реформ) // Историк-марксист. 1933. № 4. (32). С. 53—80.

Усенко О. Г. Стрельцы и раскольники летом 1682 г. // Вестник МГУ. Серия 8. История, 1990. № 2. С. 92—98.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. I. Господство царевны Софьи. СПб., 1858. LXXXVIII, 399. [6] с.; Т. II. Потешные и Азовские походы. СПб., 1858. 582, [7] с.

Устюгов Н. В. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в. // Абсолютизм в России XVII—XVIII вв. М., 1972. С. 134—167.

Фомин Н. К. Социальный состав землевладельцев Суздальского уезда // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 89—94.

Хитрово В. М. Родословная книга рода Хитрово. СПб., 1966. 334 с.

Хитрово В. М. Приложение к родословной книге рода Хитрово. СПб., 1857. 409, 59 с.

Хованский С. А., кн. Родословная рода князей Хованских (Никитичей) // Летописи Историко-родословного общества. Вып. 1—2 (33—34). М., 1913.

Хорошкевич А. Л. Интересный источник по истории России XVII века // ИСССР. 1968. № 1. С. 208—213.

Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. Т. 1. М., 1991. 530 с.

Черепнин Л. В. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1972. С. 92—133.

Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. 416 с.

Черепнин Л. В. Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства // ИЗ. Т. 4. М., 1938. С. 41—75.

Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954. 222 с.

Чернов А. В. ЦГАДА как источник по военной истории Русского государства до XVIII в. // Труды МГИАИ. М., 1948. Т. 4. С. 115—157.

Шватченко О. А. Размещение и структура вотчинного землевладения в первой трети XVII в. // ИЗ. Т. 115. М., 1987. С. 286—307.

Шебальский П. К. Правление царевны Софии. М., 1856. [2], 139 с.

Шереметьев П. О князьях Хованских // Летописи Историко-родословного общества. Вып. 1—2 (13—14). М., 1908. С. 3—168.

Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651-1709 гг.). СПб., 1891. XIV, 460, 102 с.

Шмелев Г. Отношение населения и областной администрации к выборам на земские соборы в XVII веке // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 492—502.

Шмидт С. О. Местничество и абсолютизм (постановка вопроса) // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964. С. 188—205.

Шмурло Е. Ф. Падение царевны Софьи // ЖМНП. 1896. Ч. 303. № 1. С. 38—95.

Шмурло Е. Ф. Польский источник о воцарении Петра Великого // ЖМНП. 1902. Ч. 339. № 1—2. С. 425—448.

Шохин Л. Е. Неопубликованная статья В. В. Шереметевского «Послесловие к Описанию Разряда» // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 195—199.

Шохин Л. Е. Описание документов в Московском архиве Министерства юстиции во второй половине XIX — начале XX вв. // Советские архивы. 1987. № 2. С. 53—58.

Штраух А. Н. Стрелецкий бунт 1682 г. // Научные труды индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта. Серия социально-экономическая. Вып. 1. М., 1928. С. 11—55.

Шумилов В. Н. Обзор документальных материалов ЦГАДА по истории СССР периода феодализма. М., 1954. 304 с.

Яблочков Н. История дворянского сословия в России. СПб., 1876. XI, 680 с.

Яремич С. К портрету царя Иоанна Алексеевича. [Б. м., б. г.]. 4 с.

Яхонтов Иоанн. Иеродиакон Дамаскин, русский полемист семнадцатого века. СПб, 1884. 96 с.

O'Brien, C. Bickford. Muscovite Prikaz Administration of the Seventeenth Century: the Quality of Leadership // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 24. Berlin, 1978. S. 223—235.

O'Brien, C. Bickford. Russia under two Tsars. 1682—1689. The regency of Sophia Alekseevna (University of California publications in history. Vol. 42) Berkeley; Los Angeles, 1952. 178 p.

Bushkovitch Paul. Aristocratic Faction and the Opposition to Peter the Great: The 1690's // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd.50. Berlin, 1995. S.83-87.

Crummey R. O. Aristocrats and servitors. The Boyar Elite in Russia. Princeton, 1983.

Crummey R. O. Court Groupings and Politics in Russia, 1645—1649 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 24. Berlin, 1978. S. 203—221.

Crummey R. O. Crown and Boiars under Fedor Ivanovich and Michael Romanov // Canadian-American Slavic Studies. 1972. Vol. 6. P. 549—574.

Crummey R. O. Peter and the Boiar Aristocracy, 1689—1700 // Canadian-American Slavic Studies. 1974. Vol. 8. P. 274—287.

Crummey R. O. Reflections of Mestnichestvo in the 17th Century // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 27. Berlin, 1980. S. 269—281.

Crummey R. O. The Fate of Boiar clans, 1565—1613 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 38. Berlin, 1986. S. 241—256.

Crummey R. O. The Reconstitution of the Boiar Aristocracy, 1613—1645 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 18. Berlin, 1973. S. 187—220.

[Danilov] N. N. V. V. Golicyn bis zum Staatsstreich vom Mai 1682 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Jg. 1, Hf. 1. Breslau; München, 1936. S. 1—33.

[Danilov] N. N. Vasilij Vasil'evič Golicyn (1682—1714) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Jg. 2, Hf. 4. Breslau; München, 1937. S. 539—596.

Hellie R. Enserfment and Military Charge in Muscovy. Chicago; London, 1971. 243 p.

Hughes L. A. J. "Ambitious and Daring above her Sex"; Tsarevna Sophia Alekseevna (1657—1704) in Foreigners'

Accounts // Oxford Slavonic Papers New Series. Vol. XXI. Oxford. 1988. P. 64—88.

Hughes L. A. J. Russia in 1689; Muscovite Court Politics in the Account of Foy de la Neuville, being the complete version of a paper delivered at the IV World ICSEES Congress at Harrogate on 25 July, 1990. 9 p.

Hughes L. A. J. Russia and the West. The Life of a Seventeenth-Century Westernizer, Prince V. V. Golitsyn (1643—1714). Newtonville, 1984. 129 p. (Russian Biography Series, 14).

Hughes L. A. J. Sofya Alekseyevna and the Moscow Rebellion of 1682 // Slavonic and East European Review. Vol. 63. No. 4. October 1985. P. 518—539.

Hughes L. A. J. Sophia, "Autocrat of All the Russia": Titles, Ritual and Eulogy in the Regency of Sophia Alekseevna (1682—89) // Canadian-American Slavonic Papers. 1986. Vol. 28. P. 265—286.

Hughes L. A. J. Sophia, Regent of Russia // History Today. July 1982. P. 10—15.

Hughes L. A. J. Sophia, Regent of Russia. 1657—1704. Yale University Press, New Haven and London, 1990. 345 p.

Hughes L. A. J. V. T. Postnikov's 1687 Mission to London: Anglo-Russian Relations in the 1680s in British Sources // The Slavonic and East European Review. Vol. 68. No. 3. July 1990. P. 447—460.

Kaminski A. Republic vs. Autocracy. Poland Lithuania and Russia 1686-1697. Cambridge, 1993.

Keep J. L. H., ed. Mutiny in Moscow, 1682: a Contemporary Account // Canadian Slavonic Papers. Vol. 23. No. 4. December 1981. P. 410—442.

Keep J. L. H. The Decline of the Zemsky Sobor // Slavonic and East European Review. Vol. 36. No. 186. December 1957. P. 100—122.

Konovalov S. Sixteen further letters of general Patrick Gordon // Oxford Slavonic Papers. Vol. 13. Oxford, 1967. P. 72, 95.

Madariaga I. de. Who was Foy de la Neuville // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 28. No. 1. Paris, 1987. P. 21—30.

Meehan-Waters B. The Russian Aristocrecy and the Reforms of Peter the Great // Canadian-American Slavic Studies. 1974. Vol. 88. P. 288—302.

Michneva R. La Participation de la Russie dans les guerres de la Saint-Alliance — les années 80—90 du XVII s. (Le comte Luigi Marsigli et son rapport "Delli successi possibili delle armi della Moscovia contro l'ottomano Impero") // Études Balkaniques. Sofia, 1979. P. 94—104.

Ostrogorsky G. Das Projekt einer Rangtabelle aus der Zeit des Caren Fedor Alekseevič // Jahrbücher für Kultur und Geschichtechte der Slaven. Neue Folge. Bd. IX. Hf. I—II. Breslau, 1933. P. 86—138.

Schaub M.-K. Les couronnements des tsars XVIe — XVIIIe siécles. État de question et perspectives de la recherche // Revue des Études slaves. Vol. 41. Fasc. 4. Paris, 1989. P. 391—401.

Smith A. F. Prince V. V. Golitsyn. The Life of an Aristocrat in Muscovite Russia. Diss. Cambridge (Mass.), 1987. 293 p.

Sommer E. F. Der junge Zar Peter in der Moskauer Deutschen Sloboda // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 5. Hf. 1—2. Wiesbaden, 1957. S. 67—105.

Stökl G. Gab es im Moskauer Staat «Stände»? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. II. Wiesbaden, 1963. S. 321—342.

Stökl G. Späte Chroniken als Quelle // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 38. Berlin, 1986. S. 325—335.

Torke H.-J. Adel und Staat vor Peter dem Grossen (1649—1689) // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 27. Berlin, 1980. S. 282—298.

Torke H.-J. Die Staatsbedingte Gesellschaft in Moskauer Reich. Zar und Zemlja in der altrussichen Herrschaftsverfassung. 1613—1689. Leiden, 1974. 327 S. (Studien zur Geschichte Osteuropas. Bd. 17).

Welke M. Russland vor Peter dem Großen im Spiegel der deutschen Presse des 17. Jahrhunderts // Jahrbuch der Wittheit zu Bremen. Bd. 13. Bremen, 1969. S. 105—131.

Zernak Klaus. Studien zu den schweidsch russischen Bezeihungen in der 2. Halfte des 17. Jahrhunderts. Teil I. Die diplomatischen Beziehungen zwischen Schweden und Moskau von 1675 bis 1689 (= Giessener Abhandlungen für Agrar und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd.7). Giessen, Kommssionsverlag Wilhelm Schmitz, 1958. 183 S.

Список сокращений

АЕ	— Археографический ежегодник
Архив СПбФ ИРИ	— Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской Академии наук
БАН	— Библиотека Российской Академии Наук (Санкт-Петербург)
ВИ	— Вопросы истории
Временник МОИДР	— Временник Московского общества истории и древностей российских
ГИМ ОПИ	— Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ДРВ	— Древняя российская вивлиофика
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИСССР	— История СССР
ИЗ	— Исторические записки
ИНИОН АН СССР	— Институт научной информации по общественным наукам Академии наук СССР

ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт имени А.И.Герцена (в настоящее время - Российский государственный педагогический университет имени А.И.Герцена)

ЛГУ — Ленинградский государственный университет (в настоящее время - Санкт-Петербургский государственный университет)

ЛОИИ СССР — Ленинградское отделение Института истории СССР Академии наук СССР

МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции

МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт

ОИДР — императорское Общество истории и древностей российских

ОЛДП — Общество любителей древней письменности

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

РГБ — Российская Государственная библиотека

РГИА — Российский Государственный исторический архив

РНБ — Российская Национальная библиотека (С.-Петербург)

РГАДА — Российский Государственный архив древних актов

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в архиве Коллегии иностранных дел

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом)

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов

ЧОИДР — Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских

ОГЛАВЛЕНИЕ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Лавров Александр Сергеевич

Регентство царевны Софьи Алексеевны

•

Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682 — 1689 гг.

Оформление
С. С. Ермолаев

Набор
Н. Орешина

Макет
А. В. Иванов, С. С. Ермолаев

Издание осуществлено при непосредственном участии
Редакционно-издательского отдела
Производственного объединения
Росархива

ЛР № 020858 от 15.02.94

Формат 84 × 100 1/32. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 9,5.
Тираж 1000 экз. Заказ № 2622.

Цена договорная

Издательство «Археографический центр»
Тел.: 245-83-55. Факс: 245-30-98.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Смоленской
областной ордена «Знак Почета» типографии им. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.
Тел.: 3-46-05, 3-46-20, 3-01-60.

ISBN 5-88253-035-0

9 785882 530357

столовая
колымажные
золотая